

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ ПМР

ГОУ ДПО «Институт развития образования и повышения квалификации»

Научно-исследовательская лаборатория
«Инновационная школа Приднестровья»

**ХРЕСТОМАТИЯ
ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

*Пособие для воспитателей ОДО
в четырех частях*

Часть II

(Средняя группа — от четырех до пяти лет)

Тирасполь
2018

Составитель

А.Ю. Сударикова, старший научный сотрудник НИЛ «Инновационная школа Приднестровья», старший преподаватель кафедры дошкольного и начального образования, ведущий методист ГОУ ДПО «Институт развития образования и повышения квалификации», г. Тирасполь.

Рецензенты:

Г.Н. Николаева, старший преподаватель высшей категории кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь;

Т.И. Лапикова, преподаватель дисциплин профессионального цикла высшей квалификационной категории ГОУ СПО «Бендерский педагогический колледж»;

Л.А. Насонова, преподаватель дисциплин профессионального цикла высшей квалификационной категории ГОУ СПО «Бендерский педагогический колледж»;

В.С. Онуфер, заведующий высшей квалификационной категории МДОУ № 48 ЦРР «Мечта» г. Тирасполя, руководитель методического объединения заведующих ОДО;

Н.М. Тарасова, заведующий высшей квалификационной категории МДОУ «Рыбницкий детский сад № 3», г. Рыбница.

Хрестоматия для детей дошкольного возраста: пособие для воспитателей ОДО в четырех частях. Часть II (средняя группа — от четырех до пяти лет) / сост. А.Ю. Сударикова. — Тирасполь: ИРОиПК, 2018. — 200 с.

ББК 81.2-93я70

ВВЕДЕНИЕ

Хрестоматия является пособием, предназначена воспитателям для организации воспитательно-образовательного процесса в организациях дошкольного образования Приднестровской Молдавской Республики. Содержание хрестоматии разработано в соответствии с Примерной основной образовательной программой Приднестровской Молдавской Республики (Приказ Министерства просвещения Приднестровской Молдавской Республики от 19 марта 2018 года № 252 «О введении в действие решений Коллегии МП ПМР от 27.02.18 г. (см. приложение 4)).

Примерная основная образовательная программа разработана в соответствии с Законами Приднестровской Молдавской Республики «Об образовании» от 27.06. 2003 года № 292-3-III (САЗ 03-26) в текущей редакции, «О дошкольном образовании» от 25.07. 2008 года № 499-3-IV (САЗ 08-29) в текущей редакции, требованиями государственного образовательного стандарта дошкольного образования Приднестровской Молдавской Республики (ГОС ДО), Приказ Министерства просвещения Приднестровской Молдавской Республики от 16 мая 2017 года № 588, регистрационный № 7903 от 18 июля 2017 года «Об утверждении Государственного образовательного стандарта дошкольного образования Приднестровской Молдавской Республики», санитарно-эпидемиологическими требованиями к устройству, содержанию и организации режима работы дошкольных образовательных организаций (СанПиН МЗ ПМР 2.4.1.3049-15).

Хрестоматия включает в себя содержание раздела «Чтение художественной литературы» Примерной основной образовательной программы Приднестровской Молдавской Республики. В хрестоматии размещены рекомендованные в содержательном разделе примерной основной образовательной программы художественные произведения, которые могут быть использованы в непосредственно образовательной деятельности, в специально организованных видах деятельности и в самостоятельной деятельности детей средней группы (от четырех до пяти лет).

В хрестоматию включены произведения русского, зарубежного фольклора, произведения поэтов и писателей России, зарубежных поэтов и писателей, молдавских, украинских авторов, республиканский компонент — произведения приднестровских поэтов и писателей, а также дополнительный материал, рекомендуемый педагогам и родителям для использования при организации режимных моментов с детьми средней группы (от четырех до пяти лет) в организации дошкольного образования и семье.

Песенки, потешки, заклички

 Наш козел-стрекозел
 То-то умный был:
 Он и тесто месил,
 Он и печку топил,
 Творогом лепешки смазывал,
 Песни пел и сказки сказывал,
 Песни-сказки небылщины, небывальщины,
 Небывальщины да неслыхальщины.

 Зайчишка-трусичка
 По полю бежал,
 В огород забежал,
 Морковку нашел —
 Сидит грызет,
 «Ай кто-то идет!»

 Дождик, лей, лей, лей
 На меня и на людей!
 На людей по ложке,
 На меня по крошке.
 А на Бабу-ягу —
 Лей по целому ведру!

 — Гуси вы, гуси,
 Красные лапки!
 Где вы бывали,
 Что вы видали?
 — Мы видели волка:
 Унес волк гусенка,
 Да самого лучшего,
 Да самого большего!
 — Гуси вы, гуси,
 Красные лапки!

Щипите вы волка —
 Спасайте гусенка!

 — Ножки, ножки, где вы были?
 — За грибами в лес ходили.
 — А вы, ручки, помогали?
 — Мы грибочки собирали.
 — А вы, глазки, помогали?
 — Мы искали да смотрели,
 Все пенечки оглядели.
 Вот и Ванечка с грибочком,
 С подосиновичком.

 Зайка серенький сидит
 И ушами шевелит.
 Вот так и вот так
 Он ушами шевелит.
 Вот так и вот так
 Он ушами шевелит.

Зайка серенький сидит,
 Хвостик зайка шевелит
 Вот так и вот так
 Хвостик зайка шевелит.
 Вот так и вот так
 Хвостик зайка шевелит.

Зайка маленький устал,
 Зайка маленький поспал.
 Вот так и вот так
 Зайка маленький поспал.
 Вот так и вот так

Зайка маленький поспал.
 Зайка маленький поспал,

Зайка лапонишки размял.
 Вот так и вот так
 Зайка лапонишки размял.
 Вот так и вот так
 Зайка лапонишки размял.

Зайке холодно сидеть,
 Надо лапонишки погреть.
 Вот так и вот так
 Надо лапонишки погреть.
 Вот так и вот так
 Надо лапонишки погреть.

Зайке холодно стоять,
 Зайке надо поскакать.
 Вот так и вот так
 Зайке надо поскакать.
 Вот так и вот так
 Зайке надо поскакать.

Зайку волк испугал.
 (Взрослый рычит.)
 Зайка тут же убежал.
 (Дети разбегаются врассыпную.)

 Кот на печку пошел,
 Горшок каши нашел,
 На печи калачи,
 Как огонь, горячи
 Пряники пекутся,
 Коту в лапки не даются.

 Сегодня день целый
 Все звери у дела:
 Лисичка-сестричка
 Шубку подшивает,
 Сер медведь,
 Старый дед
 Сапог подбивает.

А сорока-белобока
 Мушек отгоняет.
 Медведица Маша
 Варит детям кашу.
 Зайчиха под елкой
 Метет метелкой.
 Кошка лыки дерет,
 Коту лапки плетет.
 По болоту босиком
 Кулик ходит с посошком.

 Барашеньки, крутороженки,
 По горам ходят,
 По лесам бродят,
 В скрипочку играют,
 Ваню потешают.
 А совица из лешища
 Глазницами хлоп-хлоп.
 А козлище из хлевища
 Ножищами топ-топ.

 Идет лисичка по мосту,
 Несет вязанку хворосту.
 — Зачем ей хворост?
 — Печь топить.
 — Зачем ей печь?
 — Обед варить.
 — Зачем обед?
 — Гостей кормить.
 — А гости кто?
 — Медведь с женой,
 Да еж, да кот,
 Да мы с тобой.

 Во реченьке-речке
 Купался бобер,—
 Купался, купался,
 Не выкупался,

На горку взошел,
Весь вымарался,
Под горку сошел,
Отряхивался.
Лисица добра
Будила бобра:
«Ты вставай, бобер,
Ты вставай, молодой!
Охотники свищут:
Тебя, бобра, ищут.
Хотят бобра бить,

Хотят застрелить,
Маше шубу шить,
Бобром опустить».

Иди, весна,
Иди, красна,
Принеси ржаной колосок,
Овсяной снопок,
Большой урожай
В наш край!

Сказки

Про Иванушку-дурачка

(Обраб. М. Горького)

Жил-был Иванушка-дурачок, собою красавец, а что ни сделает, все у него смешно выходит — не так, как у людей.

Нанял его в работники один мужик, а сам с женой собрался в город; жена и говорит Иванушке:

— Останешься ты с детьми, гляди за ними, накорми их!
— А чем? — спрашивает Иванушка.
— Возьми воды, муки, картошки, покроши да свари — будет похлебка!

Мужик приказывает:

— Дверь стереги, чтобы дети в лес не убежали!

Уехал мужик с женой; Иванушка влез на полаты, разбудил детей, стащил их на пол, сам сел зади их и говорит:

— Ну, вот, я гляжу за вами!

Посидели дети некоторое время на полу, — запросили есть: Иванушка втащил в избу кадку воды, насыпал в нее полмешка муки, меру картошки, разболтал все коромыслом и думает вслух:

— А кого крошить надо?

Услыхали дети — испугались:

— Он, пожалуй, нас искрошит!

И тихонько убежали вон из избы.

Иванушка посмотрел вслед им, почесал затылок, — соображает: «Как же я теперь глядеть за ними буду? Да еще дверь надо стеречь, чтобы она не убежала!».

Заглянул в кадушку и говорит:

— Варись, похлебка, а я пойду за детьми глядеть!

Снял дверь с петель, взвалил ее на плечи себе и пошел в лес; вдруг навстречу ему Медведь шагает — удивился, рычит:

— Эй ты, зачем дерево в лес несешь?

Рассказал ему Иванушка, что с ним случилось, — Медведь сел на задние лапы и хохочет:

— Экой ты дурачок! Вот я тебя съем за это!

А Иванушка говорит:

— Ты лучше детей съешь, чтоб они в другой раз отца-матери слушались, в лес не бегали!

Медведь еще сильнее смеется, так и катается по земле со смеху!

— Никогда такого глупого не видал! Пойдем, я тебя жене своей покажу!

Повел его к себе в берлогу. Иванушка идет, дверью за сосны задевает.

— Да брось ты ее! — говорит Медведь.

— Нет, я своему слову верен: обещал стеречь, так уж устерегу!

Пришли в берлогу. Медведь говорит жене:

— Гляди, Маша, какого я тебе дурачка привел! Смехота!

А Иванушка спрашивает Медведицу:

— Тетя, не видала ребятишек?

— Мои — дома, спят.

— Ну-ка, покажи, не мои ли это?

Показала ему Медведица трех медвежат; он говорит:

— Не эти, у меня двое было.

Тут и Медведица видит, что он глупенький, тоже смеется:

— Да ведь у тебя человечьи дети были!

— Ну да, — сказал Иванушка, — разберешь их, маленьких-то, какие чьи!

— Вот забавный! — удивилась Медведица и говорит мужу: — Михайло Потапыч, не станем его есть, пусть он у нас в работниках живет!

— Ладно, — согласился Медведь, — он хоть и человек, да уж больно безобидный!

Дала Медведица Иванушке лукошко, приказывает:

— Поди-ка набери малины лесной, — детишки проснутся, я их вкусеньким угощу!

— Ладно, это я могу! — сказал Иванушка. — А вы дверь постерегите!

Пошел Иванушка в лесной малинник, набрал малины полное лукошко, сам досыта наелся, идет назад к медведям и поет во все горло:

Эх, как неловки

Божие коровки!

То ли дело — муравьи

Или ящерицы!

Пришел в берлогу, кричит:

— Вот она, малина!

Медвежата подбежали к лукошку, рычат, толкают друг друга, кувыркаются, — очень рады!

А Иванушка, глядя на них, говорит:

— Эхма, жаль, что я не Медведь, а то и у меня дети были бы!

Медведь с женой хохочут.

— Ой, батюшки мои! — рычит Медведь. — Да с ним жить нельзя, со смеху помрешь!

— Вот что, — говорит Иванушка, — вы тут постерегите дверь, а я пойду ребятшек искать, не то хозяин задаст мне!

А Медведица просит мужа:

— Миша, ты бы помог ему!

— Надо помочь, — согласился Медведь, — уж очень он смешной!

Пошел Медведь с Иванушкой лесными тропами, идут — разговаривают по-приятельски.

— Ну и глупый же ты! — удивляется Медведь, а Иванушка спрашивает его:

— А ты — умный?

— Я-то?

— Ну да!

— Не знаю.

— И я не знаю. Ты — злой?

— Нет. Зачем?

— А по-моему — кто зол, тот и глуп. Я вот тоже не злой. Стало быть, оба мы с тобой не дураки будем!

— Ишь ты, как вывел! — удивился Медведь.

Вдруг видят: сидят под кустом двое детей, уснули. Медведь спрашивает:

— Это твои, что ли?

— Не знаю, — говорит Иванушка, — надо их спросить. Мои — есть хотели.

Разбудили детей, спрашивают:

— Хотите есть?

Те кричат:

— Давно хотим!

— Ну, — сказал Иванушка, — значит, это и есть мои! Теперь я поведу их в деревню, а ты, дядя, принеси, пожалуйста, дверь, а то самому мне некогда, мне еще надобно похлебку варить!

— Уж ладно! — сказал Медведь. — Принесу!

Идет Иванушка сзади детей, смотрит за ними в землю, как ему приказано, а сам поет:

Эх, вот так чудеса!
Жуки ловят зайца,
Под кустом сидит лиса,
Очень удивляется!

Пришел в избу, а уж хозяева из города воротились, видят: посреди избы кадшка стоит, доверху водой налита, картошкой насыпана да мукой, детей нет, дверь тоже пропала, — сели они на лавку и плачут горько.

— О чем плачете? — спросил их Иванушка.

Тут увидели они детей, обрадовались, обнимают их, а Иванушку спрашивают, показывая на его стряпню в кадке:

— Это чего ты наделал?

— Похлебку!

— Да разве так надо?

— А я почему знаю — как?

— А дверь куда девалась?

— Сейчас ее принесут, — вот она!

Выглянули хозяева в окно, а по улице идет Медведь, дверь тащит, народ от него во все стороны бежит, на крыши лезут, на деревья; собаки испугались — завязли со страху в плетнях, под воротами; только один рыжий петух храбро стоит среди улицы и кричит на Медведя:

— Кину в реку-у!..

Война грибов с ягодами

(Обраб. В. Даля)

Красным летом всего в лесу много — и грибов всяких, и всяких ягод: земляники с черникой и малины с ежевикой, и черной смородины. Ходят девки по лесу, ягоды собирают, песенки распевают, а гриб-боровик, под дубочком сидючи, и пыжится, дуется, из земли прет, на ягоды гневается: «Вишь, что их уродилось! Бывало и мы в чести, в почете, а ныне никто на нас и не посмотрит! Постой же, — думает боровик, всем грибам голова, — нас, грибов, сила великая — пригнетем, задушим ее, сладкую ягоду!»

Задумал-загадал боровик войну, под дубом сидючи, на все грибы глядючи, и стал он грибы созывать, стал помочь скликать:

— Идите вы, волнушки, выступайте на войну!

Отказались волнушки:

— Мы все старые старушки, не повинны на войну.

— Идите вы, опенки!

Отказались опенки:

— У нас ноги больно тонки, не пойдем на войну!

— Эй вы, сморчки! — крикнул гриб-боровик. — Снаряжайтесь на войну!

Отказались сморчки, говорят:

— Мы старички, уж куда нам на войну!

Рассердился гриб, прогневался боровик, и крикнул он громким голосом:

— Грузди, вы ребята дружны, идите со мной воевать, кичливую ягоду избивать!

Откликнулись грузди с подгруздками:

— Мы грузди, братья дружны, мы идем с тобой на войну, на лесную и полевою ягоду, мы ее шапками закидаем, пятой затопчем!

Сказав это, грузди полезли дружно из земли, сухой лист над головами их вздымается, грозная рать подымается.

«Ну, быть беде», — думает зеленая травка.

А на ту пору пришла с коробом в лес тетка Варвара — широкие карманы. Увидав великую груздевую силу, ахнула, присела и ну грибы сподряд брать да в кузов класть. Набрала его полным-полнешенько, насилу до дому донесла, а дома разобрала грибки по родам да по званию: волнушки — в кадушки, опенки — в бочонки, сморчки — в бурачки, грузди — в кузовки, а наибольший гриб-боровик попал в вязку; его пронзали, высушили да и продали.

С той поры перестал гриб с ягодой воевать.

СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

(Обраб. А.Н. Толстого)

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алenuшка да сынок Иванушка. Старик со старухой умерли. Остались Алenuшка да Иванушка одни-одиношеньки.

Пошла Алenuшка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить:

— Сестрица Алenuшка, я пить хочу.

— Подожди, братец, дойдем до колодца.

Шли, шли — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Алenuшка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, теленочком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Алenuшка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребеночком станешь!

Вздыхнул Иванушка, опять пошли дальше. Идут, идут, солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце, полно водицы.

Иванушка говорит:

— Сестрица Алenuшка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, козленочком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца. Напился и стал козленочком...

Зовет Алenuшка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козленочек.

Залилась Алenuшка слезами, села под стожок, плачет, а козленочек возле нее скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

— О чем, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Алenuшка про свою беду. Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в золото-серебро, и козленочек будет жить с нами.

Алenuшка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козленочек с ними живет, ест-пьет с Алenuшкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись приходит ведьма: стала под Алenuшкино окошко и так-то ласково начала звать ее купаться на реку.

Привела ведьма Алenuшку на реку. Кинулась на нее, привязала Алenuшке на шею камень и бросила ее в воду.

А сама оборотилась Алenuшкой, нарядилась в ее платье и пришла в ее хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козленочку все было ведомо. Повесил он голову, не пьет, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовет:

— Алenuшка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа: зарежь да зарежь козленка...

Купцу жалко было козленочка, привык он к нему. А ведьма так пристает, так упрашивает, — делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные...

Козленочек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Прибежал козленочек на речку, стал на берегу и жалобненько закричал:

— Алenuшка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережок!

Костры горят высокие,

Котлы кипят чугунные,

Ножи точат булатные,

Хотят меня зарезати!

Алenuшка из реки ему отвечает:

— Ах, братец мой Иванушка!

Тяжел камень на дно тянет,

Шелковá трава ноги спутала,
Желты́ пески на груди легли.

А ведьма ищет козленочка, не может найти и посылает слугу:

— Пойди найди козленка, приведи его ко мне.

Пошел слуга на реку и видит: по берегу бегают козленочек и жалобнешенко зовет:

— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок!
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень на дно тянет,
Шелковá трава ноги спутала,
Желты́ пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал кушцу про то, что слышал на речке.

Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелковые и вытащили Аленушку на берег.

Сняли камень с шеи, окунули ее в ключевую воду, одели ее в нарядное платье. Аленушка ожила и стала краше, чем была.

А козленочек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Злую ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

Жихарка

(Обраб. И. Карнауховой)

Далеко-далеко во лесах дремучих стояла избушка малая. А в избушке-то жили кот, воробей да маленький человечек — Жихарка... Кот с воробьем на охоту ходили, а Жихарка домовничать оставался. Избу Жихарка подметал, обед готовил, стол накрывал; ложки раскладывает, а сам приговаривает:

— Эта ложка котова, эта — воробьева, а эта вот — Жихаркина. А Жихаркина ложечка лучше всех — никому ее не отдам!

А ложки не простые — точеные, ручки золоченые...

Вот и прослышала лиса, что в избушке Жихарка один домовничает, и захотелось ей Жихаркина мясца попробовать. А кот и воробей как на охоту-то уходили, крепко Жихарке приказывали двери запирасть. Запирал Жихарка двери, все запирал, а один раз и забыл... Справил Жихарка все дела: обед сварил, стол накрыл, стал ложки раскладывать. Только успел котову да воробьеву ложечку положить, взялся

за свою, а по лестнице-то топ-топ-топ!.. Матушки!.. Лиса идет!.. Испугался Жихарка, со скамейки соскочил, ложечку на пол уронил и поднимать некогда — да под печку и залез. В уголок забился — сидит не ворохнется... А лиса в избушку вошла... Глядь туда, глядь сюда — нет Жихарки...

«Постой же, — думает лиса, — ты сам мне скажешь, где сидишь».

Подошла лиса к столу, на задние лапки встала, стала ложки перебирать.

— Эта ложка котова... эта воробьева... а где же ложка Жихаркина?! А-а-а, на полу валяется! Так я же ее возьму.

А Жихарка-то под печкой во весь голос:

— Ай-ай-ай! Не бери, тетенька, я не дам!

— Вон ты где, голубчик!

Подбежала лисица к печке, лапку в подпечье запустила, Жихарку вытащила, на спину перекинула да домой и побежала... Принесла лиса Жихарку в свою избушку, печку жарко натопила — хочет лиса Жихарку сжарить... Истопилась печка, взяла лиса лопату.

— Садись, — говорит Жихарке.

А Жихарка-то ничего, что маленький — был паренек удаленький, догадливый. На лопатку-то сел, ручки, ножки растопырил, в печку-то и нейдет.

— Не так сидишь, — говорит лиса.

Перевернулся Жихарка к печке затылком, а сам опять ручки-ножки растопырил, в печку-то и нейдет.

— Да не так, — говорит лиса.

— Так ты мне, тетенька, покажи — я по-другому не умею.

— Экой ты какой! — говорит лиса. — Недогадливый.

Смахнула его лапкой с лопатки, сама на лопатку — прыг: клубочком свернулась, лапки подобрала, хвостиком укрылась. Не успела лисица словечко вымолвить, Жихарка-то ее толк в печку да и заслонкой закрыл. На свою беду, лисонька жарко печку топила — сразу ее спалило... А Жихарка домой пустился. Бежит, торопится...

А дома-то кот с воробьем горюют: пришли они с охоты, а двери-то в избушку раскрыты, ложки-то раскиданы, а Жихарки и след простыл. Сели на лавочку кот да воробей, горюют, плачут:

— Где-то наш Жихарка?.. Где-то наш маленький?

Котик лапкой слезы утирает, воробушек крылышком подбирает. Вдруг по лестнице, по частым ступенькам — тук-тук-тук каблучок... Жихарка бежит, громким голосом кричит:

— А вот и я!.. А лиса-то в печке сжарилась! Больше не придет!

Обрадовались кот да воробей, с лавочки соскочили. Ну Жихарку обнимать, ну Жихарку целовать... За ручки его схватили, по избушке закрутили. То-то радость была!.. И сейчас кот, воробей и Жихарка в той избушке живут, нас с тобой к себе в гости ждут.

Лисичка-сестричка и волк

(Обраб. М. Булатова)

Бежала лиса по дороге. Видит — едет старик, целые сани рыбы везет. Захотелось лисе рыбки. Вот она забежала вперед и растянулась посреди дороги, будто неживая.

Подъехал к ней старик, а она не шевелится; ткнул кнутом, а она не ворохнется. «Славный будет воротник старухе на шубу!» — думает старик.

Взял он лису, положил на сани, а сам пошел впереди.

А лисичке только того и надо. Огляделась она и давай потихоньку рыбу с саней сбрасывать. Все по рыбке да по рыбке. Пovyбрасывала всю рыбу и сама ушла.

Приехал старик домой и говорит:

— Ну, старуха, какой я тебе воротник привез!

— Где же он?

— Там, на снях, и рыба, и воротник. Ступай возьми!

Подошла старуха к сням, смотрит — ни воротника, ни рыбы.

Вернулась она в избу и говорит:

— На снях-то, дед, кроме рогожи, ничего нету! Тут старик догадался, что лиса не мертвая была. Погоревал, погоревал, да делать нечего.

А лисичка тем временем собрала на дороге всю рыбу в кучку, уселась и ест.

Подходит к ней волк:

— Здравствуй, лиса!

— Здравствуй, волчок!

— Дай мне рыбки!

Лиса оторвала у рыбки голову и бросила волку.

— Ох, лиса, хорошо! Дай еще!

Лиса бросила ему хвостик.

— Ах, лиса, хорошо! Дай еще!

— Ишь ты какой! Налови сам, да и ешь.

— Да я не умею!

— Экой ты! Ведь я же наловила. Ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, ловись, рыбка, большая и маленькая! Ловись, ловись, рыбка, большая и маленькая!» Вот рыба сама тебе на хвост и нацепляется. Посиди подольше — наловишь побольше!

Волк прибежал на реку, опустил хвост в прорубь, сидит да приговаривает:

— Ловись, ловись, рыбка, большая и маленькая! Ловись, ловись, рыбка, большая и маленькая!

А лисица прибежала, ходит вокруг волка да приговаривает:

— Мерзни, мерзни, волчий хвост! Мерзни, мерзни, волчий хвост!

Волк скажет:

— Ловись, ловись, рыбка, большая и маленькая!

А лисица:

— Мерзни, мерзни, волчий хвост!

Волк опять:

— Ловись, ловись, рыбка, большая и маленькая!

А лиса:

— Мерзни, мерзни, волчий хвост!

— Что ты там, лиса, говоришь? — спрашивает волк.

— Это я тебе, волк, помогаю: рыбу к хвосту подгоняю!

— Спасибо тебе, лисица!

— Не за что, волчок!

А мороз все сильнее да сильнее. Волчий хвост и приморозило крепко-накрепко.

Лиса кричит:

— Ну, тяни теперь!

Потянул волк свой хвост, да не тут-то было! «Вот сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» — думает он. Оглянулся волк кругом, хотел лису на помощь звать, а ее уж и след простыл — убежала.

Целую ночь провозился волк у проруби — не мог хвост вытащить.

На рассвете пошли бабы к проруби за водой. Увидели волка и закричали:

— Волк, волк! Бейте его! Бейте его!

Подбежали и стали колотить волка: кто коромыслом, кто ведром, кто чем попало.

Волк — туда, волк — сюда. Прыгал, прыгал, рванулся, оторвал себе хвост и пустился без оглядки.

«Подожди, — думает, — уж я тебе, лисонька, отплачу!»

А лиса съела всю рыбку и захотела еще чего-нибудь раздобыть.

Забралась она в избу, где хозяйка блины поставила, да и попала головой в квашенку. Залепило ей тестом и глаза и уши. Выбралась лисица из избы — да поскорее в лес...

Бежит она, а навстречу ей волк.

— Так-то, — кричит, — ты меня научила в проруби рыбу ловить? Избили меня, исколотили, хвост мне оторвали!

— Эх, волчок, волчок! — говорит лиса. — У тебя только хвост оторвали, а мне всю голову разбили. Видишь — мозги выступили. Насилу плетусь!

— И то правда, — говорит волк. — Где уж тебе, лиса, идти! Садись на меня, я тебя доведу.

Лиса села волку на спину, он ее и повез.

Вот лиса едет на волке да потихоньку припевает:

— Битый небитого везет! Битый небитого везет!

— Что ты, лисонька, там говоришь? — спрашивает волк.

— Я, волчок, говорю: «Битый битого везет».

— Так, лисонька, так!

Довез волк лису до ее норы, она соскочила, в нору юркнула и давай над волком смеяться-посмеиваться:

— Нету у волка ни разума, ни толку!

ЗИМОВЬЕ

(Обраб. И. Соколова-Микитова)

Надумали бык, баран, свинья, кот да петух жить в лесу.

Хорошо летом в лесу, привольно!

Быку и барану травы вволю, кот ловит мышей, петух собирает ягоды, червяков клюет, свинья под деревьями корешки да желуди роет. Только и худо бывало друзьям, ежели дождик пойдет.

Так лето прошло, наступила поздняя осень, стало в лесу холодать. Бык прежде всех спохватился зимовье строить. Встретил в лесу барана:

— Давай, друг, зимовье строить! Я стану из леса бревна носить да столбы тесать, а ты будешь щепу драть.

— Ладно, — отвечает баран, — согласен.

Повстречали бык и баран свинью:

— Пойдем, Хавроньюшка, с нами зимовье строить. Мы станем бревна носить, столбы тесать, щепу драть, а ты будешь глину месить, кирпичи делать, печку класть.

Согласилась и свинья.

Увидели бык, баран и свинья кота:

— Здравствуй, Котофеич! Пойдем вместе зимовье строить! Мы станем бревна носить, столбы тесать, щепу драть, глину месить, кирпичи делать, печку класть, а ты будешь мох таскать, стены конопатить.

Согласился и кот.

Повстречали бык, баран, свинья и кот в лесу петуха:

— Здравствуй, Петя! Идем с нами зимовье строить! Мы будем бревна носить, столбы тесать, щепу драть, глину месить, кирпичи делать, печку класть, мох аскать, стены конопатить, а ты — крышу крыть.

Согласился и петух.

Выбрали друзья в лесу место посуше, наносили бревен, натесали столбов, щепы надрали, наделали кирпичей, моху натаскали — стали рубить избу.

Избу срубили, печку сложили, стены проконопатили, крышу покрыли. Наготовили на зиму запасов и дров.

Пришла лютая зима, затрещал мороз. Иному в лесу холодно, а друзьям в зимовье тепло. Бык и баран на полу спят, свинья забралась в подполье, кот на печи песни поет, а петух под потолком на жердочке пристроился.

Живут друзья — не горюют.

А бродили по лесу семь голодных волков, увидели новое зимовье. Один, самый смелый волк, говорит:

— Пойду-ка я, братцы, посмотрю, кто в этом зимовье живет. Если скоро не вернусь, прибегайте на выручку.

Вошел волк в зимовье и прямо на барана угодил. Барану деваться некуда. Забился баран в угол, заблеял страшным голосом:

— Бэ-э-э!.. Бэ-э-э!.. Бэ-э-э!..

Петух увидел волка, слетел с жердочки, крыльями захлопал:

— Ку-ка-ре-ку-у!..

Соскочил кот с печи, зафыркал, замяукал:

— Мя-у-у!.. Мя-у-у!.. Мя-у-у!..

Набежал бык, рогами волка в бок:

— У-у-у!.. У-у-у!.. У-у-у!..

А свинья услышала, что наверху бой идет, вылезла из подполья и кричит:

— Хрю!.. Хрю!.. Хрю! Кого тут съесть?

Туго пришлось волку, едва жив из беды вырвался. Бежит, товарищам кричит:

— Ой, братцы, уходите! Ой, братцы, бегите!

Услыхали волки, пустились наутек. Бежали час, бежали два, присели отдохнуть, красные языки вывалили. А старый волк отдышался, им говорит:

— Вошел я, братцы мои, в зимовье, вижу — уставился на меня страшный да косматый. Наверху захлопало, внизу зафыркало! Выскочил из угла рогатый, бодатый — мне рогами в бок! А снизу кричат: «Кого тут съесть?». Не взвидел я свету — и вон!.. Ой, бежимте, братцы!..

Поднялись волки, хвосты трубой — только снег столбом.

ЛИСА И КОЗЕЛ

(Обраб. О. Капицы)

Бежала лиса по дороге, на ворон зазевалась и упала в колодец. Воды в колодце немного, утонуть не утонешь, а выскочить — не выскочишь.

Сидит лиса, горюет. Что тут делать?

Вот идет по той же дороге козел, головой помахивает, бородой потряхивает, по сторонам поглядывает. От нечего делать заглянул в колодец. Увидел там лису и спрашивает:

— Здорово, лисонька! Что ты тут делаешь?

— Да вот отдыхаю. Наверху-то жарко, а тут и прохладно, и водицы холодненькой сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется.

— Да хороша ли вода-то?

— Вода-то хороша, — отвечает лиса. — Да ты прыгай сюда — вот и попробуешь. Место нам и двоим хватит.

Козел сдуру и прыгнул. Воду замутил, чуть лису не задавил.

Рассердилась лиса, бранится:

— Ишь, бородатый, и прыгнуть-то не сумел — всю забрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца. Только козел ее и видел.

Сидит козел в колодце. До вечера досидел, не знает, как выбраться.

Хватился хозяин козла, пошел искать. Искал, искал, насилу нашел. Веревку принес и козла из колодца вытащил.

ПРИВЕРЕДНИЦА

(Обраб. В. Даля)

Жили-были муж да жена. Детей у них было всего двое — дочка Малашечка да сынок Ивашечка. Малашечке было годков десяток или поболее, а Ивашечке всего пошел третий.

Отец и мать в детях души не чаяли и так уж избаловали! Коли дочери что приказывать надо, то они не приказывают, а просят. А потом ублажать начнут:

— Мы-де тебе и того дадим и другого добудем!

А уж как Малашечка испривереднилась, так такой другой не то что на селе, чай, и в городе не было! Ты подай ей хлебца не то что пшеничного, а сдобненького, — на ржаной Малашечка и смотреть не хочет!

А испечет мать пирог-ягодник, так Малашечка говорит: «Кисел, давай медку!». Нечего делать, зачерпнет мать на ложку меду и весь на дочернин кусок ухнет. Сама же с мужем ест пирог без меду: хоть они и с достатком были, а сами так сладко есть не могли.

Вот раз понадобилось им в город ехать, они и стали Малашечку ублажать, чтобы не шалила, за братом смотрела, а пуще всего, чтобы его из избы не пускала.

— А мы-де тебе за это пряников купим, да орехов каленых, да платочек на голову, да сарафанчик с дутыми пуговками. — Это мать говорила, а отец поддакивал.

Дочка же речи их в одно ухо впускала, а в другое выпускала.

Вот отец с матерью уехали. Пришли к ней подруги и стали звать посидеть на травке-муравке. Вспомнила было девочка родительский наказ, да подумала: «Не велика беда, коли выйдем на улицу!» А их изба была крайняя к лесу.

Подруги заманили ее в лес с ребенком — она села и стала брату веночки плести. Подруги поманили ее в коршуну поиграть, она пошла на минутку, да и заигралась целый час.

Вернулась к брату. Ой, брата нет, и местечко, где сидел, остыло, только травка помята.

Что делать? Бросилась к подругам, — та не знает, другая не видела. Взыла Малашечка, побежала куда глаза глядят брата отыскивать: бежала, бежала, бежала, набежала в поле на печь.

— Печь, печурка! Не видала ли ты моего братца Ивашечку?

А печка ей говорит:

— Девочка-привередница, поешь моего ржаного хлеба, поешь, так скажу!

— Вот, стану я ржаной хлеб есть! Я у матушки да у батюшки и на пшеничный не гляжу!

— Эй, Малашечка, ешь хлеб, а пироги впереди! — сказала ей печь.

Малашечка рассердилась и побежала далее. Бежала, бежала, устала, — села под дикую яблоню и спрашивает кудрявую:

— Не видала ли, куда братец Ивашечка делся?

А яблоня в ответ:

— Девочка-привередница, поешь моего дикого, кислого яблочка — может статья, тогда и скажу!

— Вот, стану я кислицу есть! У моих батюшки да матушки садовых много — и то ем по выбору!

Покачала на нее яблоня кудрявой вершиной да и говорит:

— Давали голодной Маланье оладьи, а она говорит: «Испечены неладно!».

Малаша побежала далее. Вот бежала она, бежала, набежала на молочную реку, на кисельные берега и стала речку спрашивать:

— Речка-река! Не видала ли ты братца моего Ивашечку?

А речка ей в ответ:

— А ну-ка, девочка-привередница, поешь наперед моего овсяного киселька с молочком, тогда, быть может, дам весточку о брате.

— Стану я есть твой кисель с молоком! У моих у батюшки и у матушки и сливочки не в диво!

— Эх, — погрозила на нее река, — не брезгай пить из ковша!

Побежала привередница дальше. И долго бежала она, ища Ивашечку; наткнулась на ежа, хотела его оттолкнуть, да побоялась наколоться, вот и вздумала с ним заговорить:

— Ежик, ежик, не видал ли ты моего братца?

А ежик ей в ответ:

— Видал я, девочка, стаю серых гусей, пронесли они в лес на себе малого ребенка в красной рубашечке.

— Ах, это-то и есть мой братец Ивашечка! — завопила девочка-привередница. — Ежик, голубчик, скажи мне, куда они его пронесли?

Вот и стал еж ей сказывать: что-де в этом дремучем лесу живет Яга-Баба в избушке на курьих ножках; в послугу наняла она себе серых гусей, и что она им прикажет, то гуси и делают.

И ну Малашечка ежа просить, ежа ласкать:

— Ежик ты мой рябенький, ежик игольчатый! Доведи меня до избушки на курьих ножках!

— Ладно, — сказал он и повел Малашечку в самую чашу, а в чаше той все съедобные травы растут: кислица да борщовник, по деревьям седая ежевика вьется, переплетается, за кусты цепляется, крупные ягодки на солнышке созревают.

«Вот бы поесть!» — думает Малашечка, да уж до еды ли ей! Махнула на сизые плетенницы и побежала за ежом. Он привел ее к старой избушке на курьих ножках.

Малашечка заглянула в отворенную дверь и видит — в углу на лавке Баба Яга спит, а на прилавке Ивашечка сидит, цветочками играет.

Схватила она брата на руки да вон из избы!

А гуси-наемники чутки. Сторожевой гусь вытянул шею, гагакнул, взмахнул крыльями, взлетел выше дремучего леса, глянул вокруг и видит, что Малашечка с братом бежит. Закричал, загоготал серый гусь, поднял все стадо гусяное, а сам

полетел к Бабе-Яге докладывать. А Баба Яга — Костяная нога так спит, что с нее пар валит, от храпа оконницы дрожат. Уж гусь ей в то ухо и в другое кричит — не слышит! Рассердился щипун, щипнул Ягу в самый нос. Вскочила Баба Яга, схватилась за нос, а серый гусь стал ей докладывать:

— Баба Яга — Костяная нога! У нас дома неладно что-то случилось — Ивашечку Малашечка домой несет!

Тут Баба Яга как расходилась:

— Ах вы трутни, дармоеды, и с чего я вас пою, кормлю! Вынь да положь, подайте мне брата с сестрой!

Полетели гуси вдогонку. Летят да друг с дружкой перекликаются. Заслышала Малашечка гусиный крик, подбежала к молочной реке, кисельным берегам, низенько ей поклонилась и говорит:

— Матушка река! Скрой, схорони ты меня от диких гусей!

А река ей в ответ:

— Девочка-привередница, поешь наперед моего овсяного киселя с молоком.

Устала голодная Малашечка, в охотку поела мужицкого киселя, припала к реке и всласть напилась молока. Вот река и говорит ей:

— Так-то вас, привередниц, голодом учить надо! Ну, теперь садись под бережок, я закрою тебя.

Малашечка села, река прикрыла ее зеленым тростником; гуси налетели, покрутились над рекой, поискали брата с сестрой да с тем и полетели домой.

Рассердилась Яга пуще прежнего и прогнала их опять за детьми. Вот гуси летят вдогонку, летят да меж собой перекликаются, а Малашечка, слыша их, прытче прежнего побежала. Вот подбежала к дикой яблоне и просит ее:

— Матушка зеленая яблонька! Схорони, укрой меня от беды неминуемой, от злых гусей!

А яблоня ей в ответ:

— А поешь моего самородного кислого яблочка, так, может статься, и спрячу тебя!

Нечего делать, принялась девочка-привередница дикое яблоко есть, и показались дичок голодной Малаше слаще наливного садового яблочка.

А кудрявая яблонька стоит да посмеивается:

— Вот так-то вас, причудниц, учить надо! Давеча не хотела и в рот взять, а теперь ешь над горсточкой!

Взяла яблонька, обняла ветвями брата с сестрой и посадила их в середочку, в самую густую листву.

Прилетели гуси, осмотрели яблоню — нет никого! Полетели еще туда, сюда да с тем к Бабе Яге и вернулись.

Как завидела она их порожнем, закричала, затопала, завопила на весь лес:

— Вот я вас, трутней! Вот я вас, дармоедов! Все перышки ошиплю, на ветер пушу, самих живьем проглочу!

Испугались гуси, полетели назад за Ивашечкой и Малашечкой. Летят да жалобно друг с дружкой, передний с задним, перекликаются:

— Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Стемнело в поле, ничего не видать, негде и спрятаться, а дикие гуси все ближе и ближе; а у девочки-привередницы ножки, ручки устали — еле плетется.

Вот видит она — в поле та печь стоит, что ее ржаным хлебом потчевала. Она к печи:

— Матушка печь, укрой меня с братом от Бабы Яги!

— То-то, девочка, слушаться бы тебе отца-матери, в лес не ходить, брата не брать, сидеть дома да есть, что отец с матерью едят! А то «вареного не ем, печеного не хочу, а жареного и на дух не надо!».

Вот Малашечка стала печку упрашивать, умаливать: вперед-де таково не буду!

— Ну, посмотрю я. Пока поешь моего ржаного хлеба!

С радостью схватила его Малашечка и ну есть да братца кормить!

— Такого-то хлеба я отроду не видала — словно пряник-коврижка!

А печка, смеючись, говорит:

— Голодному и ржаной хлеб за пряник идет, а сытому и коврижка вяземская не сладка! Ну, полезай теперь в устье — сказала печь, — да заслонись заслоном.

Вот Малашечка скоренько села в печь, затворилась заслоном, сидит и слушает, как гуси все ближе подлетают, жалобно друг дружку спрашивают:

— Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Вот полетали они вокруг печки. Не нашед Малашечки, опустились на землю и стали промеж себя говорить: что им делать? Домой ворочаться нельзя: хозяйка их живьем съест. Здесь остаться также не можно: она велит их всех перестрелять.

— Разве вот что, братья, — сказал передовой вожак, — вернемся домой, в теплые земли, — туда Бабе Яге доступа нет!

Гуси согласились, снялись с земли и полетели далеко-далеко, за синие моря.

Отдохнувши, Малашечка схватила братца и побежала домой, а дома отец с матерью все село исходили, каждого встречного и поперечного о детях спрашивали; никто ничего не знает, лишь только пастух сказывал, что ребята в лесу играли.

Побрели отец с матерью в лес да подле села на Малашечку с Ивашечкой и наткнулись.

Тут Малашечка во всем отцу с матерью повинилась, про все рассказала и обещала вперед слушаться, не перечить, не привередничать, а есть, что другие едят.

Как сказала, так и сделала, а затем и сказке конец.

Лиса-лапотница

(Обраб. В. Даля)

Зимней ночью шла голодная кума по дорожке; на небе тучи нависли, по полю снежком порошит.

«Хоть бы на один зуб чего перекусить», — думает лисонька. Вот идет она путем-дорогой; лежит ошметок. «Что же, — думает лиса, — иную пору и лапотов пригодится». Взяла лапоть в зубы и пошла далее. Приходит в деревню и у первой избы постучалась.

— Кто там? — спросил мужик, открывая оконце.
— Это я, добрый человек, лисичка-сестричка. Пусти переночевать!
— У нас и без тебя тесно! — сказал старик и хотел было задвинуть окошечко.
— Что мне, много ли надо? — просила лиса. — Сама лягу на лавку, а хвостик под лавку, — и вся тут.

Сжалился старик, пустил лису, а она ему и говорит:

— Мужичок, мужичок, спрячь мой лапоток!

Мужик взял лапоток и кинул его под печку.

Вот ночью все заснули, лисичка слезла тихонько с лавки, подкралась к лаптю, вытащила его и закинула далеко в печь, а сама вернулась как ни в чем не бывало, легла на лавочку, а хвостик спустила под лавочку.

Стало светать. Люди проснулись; старуха затопила печь, а старик стал снаряжаться в лес по дрова.

Проснулась и лисица, побежала за лапотком — глядь, а лаптя как не бывало. Взыла лиса:

— Обидел старик, поживился моим добром, а я за свой лапоток и курочки не возьму!

Посмотрел мужик под печь — нет лаптя! Что делать? А ведь сам клал! Пошел, взял курицу и отдал лисе. А лиса еще ломаться стала, курицу не берет и на всю деревню воеет, орет о том, как разобидел ее старик.

Хозяин с хозяйкой стали ублажать лису: налили в чашку молока, крошили хлеба, сделали яичницу и стали лису просить не побрезговать хлебом-солью. А лисе только того и хотелось. Вскочила на лавку, поела хлеб, вылакала молочка, уплела яичницу, взяла курицу, положила в мешок, простилась с хозяевами и пошла своим путем-дорогой.

Идет лиса и песенку попевает:

Лисичка-сестричка
Темной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошметок нашла,
В люди снесла,
Добрым людям сбыла,
Курочку взяла.

Вот подходит она вечером к другой деревне. Стук-тук-тук, — стучит лиса в избу.

— Кто там? — спросил мужик.

— Это я, лисичка-сестричка. Пусти, дядюшка, переночевать!

— У нас и без тебя тесно, ступай дальше, — сказал мужик, захлопнув окно.

— Я вас не потесню, — говорила лиса. — Сама лягу на лавку, а хвост под лавку, — и вся тут!

Пустили лису. Вот поклонилась она хозяину и отдала ему на сбережение свою курочку, сама же смиренхонько улеглась в уголок на лавку, а хвостик подвернула под лавку.

Хозяин взял курочку и пустил ее к уткам за решетку. Лисица все это видела и, как заснули хозяева, слезла тихонько с лавки, подкралась к решетке, вытащила свою курочку, ошипала, съела, а перышки с косточками зарыла под печь; сама же, как добрая, вскочила на лавку, свернулась клубочком и уснула.

Стало светать, баба принялась за печь, а мужик пошел скотинке корму задать. Проснулась и лиса, начала собираться в путь; поблагодарила хозяев за тепло, за угрев и стала у мужика спрашивать свою курочку.

Мужик полез за курицей — глядь, а курочки как не бывало! Оттуда — сюда, перебрал всех уток: что за диво — курицы нет как нет!

А лиса стоит да голосом причитает:

— Курочка моя, чернушка моя, заклевали тебя пестрые утки, забили тебя сизые селезни! Не возьму я за тебя любой утицы!

Сжалилась баба над лисой и говорит мужу:

— Отдадим ей уточку да покормим ее на дорогу!

Вот накормили, напоили лису, отдали ей уточку и проводили за ворота.

Идет кума-лиса, облизываясь, да песенку свою попевает:

Лисичка сестричка
Темной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошметок нашла,
В люди снесла,
Добрым людям сбыла:
За ошметок — курочку,
За курочку — уточку.

Шла лиса близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — стало смеркаться. Завидела она в стороне жильё и свернула туда; приходит: тук, тук, тук в дверь!

— Кто там? — спрашивает хозяин.

— Я, лисичка-сестричка, сбилась с дороги, вся переязбла и ноженьки отбила бежавши! Пусти меня, добрый человек, отдохнуть да обогреться!

— И рад бы пустить, кумушка, да некуда!

— И-и, куманек, я непривередлива: сама лягу на лавку, а хвост подверну под лавку, — и вся тут!

Подумал, подумал старик да и пустил лису. А лиса и рада. Поклонилась хозяевам да и просит их сберечь до утра ее уточку-плосконосочку.

Приняли уточку-плосконосочку на сбережение и пустили ее к гусям. А лисичка легла на лавку, хвост подвернула под лавку и захрапела.

— Видно, сердечная, умаялась, — сказала баба, влезая на печку. Невдолге заснули и хозяева, а лиса только того и ждала: слезла тихонько с лавки, подкралась

к гусям, схватила свою уточку-плосконосочку, закусила, ощипала дочиста, съела, а косточки и перышки зарыла под печь; сама же как ни в чем не бывало легла спать и спала до бела дня. Проснулась, потянулась, огляделась; видит — одна хозяйка в избе.

— Хозяюшка, а где хозяин? — спрашивает лиса. — Мне бы надо с ним проститься, поклониться за тепло, за угрев.

— Вона, хватилась хозяина! — сказала старуха. — Да уж он теперь, чай, давно на базаре.

— Так счастливо оставаться, хозяйюшка, — сказала, кланяясь, лиса. — Моя плосконосочка уже, чай, проснулась. Давай ее, бабушка, скорее, пора и нам с нею пуститься в дорогу.

Старуха бросилась за уткой — глядь-поглядь, а утки нет! Что будешь делать, где взять? А отдать надо! Позади старухи стоит лиса, глаза куксит, голосом причитает: была у нее уточка, невиданная, неслыханная, пестрая впрозолоть, за уточку ту она бы и гуська не взяла.

Испугалась хозяйка, да и ну кланяться лисе:

— Возьми же, матушка Лиса Патрикеевна, возьми любого гуська! А уж я тебя напою, накормлю, ни маслица, ни яичек не пожалею.

Пошла лиса на мировую, напилась, наелась, выбрала что ни есть жирного гуся, положила в мешок, поклонилась хозяйке и отправилась в путь-дороженьку; идет да и припеваает про себя песенку:

Лисичка-сестричка
Темной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошметок нашла —
Добрым людям сбыла:
За ошметок — курочку,
За курочку — уточку,
За уточку — гусеночка!

Шла лиса, да приумаялась. Тяжело ей стало гуся в мешке нести: вот она то привстанет, то присядет, то опять побежит. Пришла ночь, и стала лиса ночлег промышлять; где в какую дверь ни постучит, везде отказ. Вот подошла она к последней избе да тихонько, несмело таково стала постукивать: тук, тук, тук, тук!

— Чего надо? — отозвался хозяин.

— Обогрей, родимый, пусти ночевать!

— Негде, и без тебя тесно!

— Я никого не потесню, — отвечала лиса, — сама лягу на лавочку, а хвостик под лавочку, — и вся тут.

Сжалился хозяин, пустил лису, а она сует ему на сбережение гуся; хозяин посадил его за решетку к индюшкам. Но сюда уже дошли с базару слухи про лису.

Вот хозяин и думает: «Уж не та ли это лиса, про которую народ бает» — и стал за нею присматривать. А она, как добрая, улеглась на лавочку и хвост спустила под лавочку; сама же слушает, когда заснут хозяева. Старуха захрапела, а старик притворился, что спит. Вот лиска прыг к решетке, схватила своего гуся, закусила, ощипала и принялась есть. Ест, поест да и отдохнет, — вдруг гуся не одолеешь! Ела она, ела, а старик все приглядывает и видит, что лиса, собрав косточки и перышки, снесла их под печь, а сама улеглась опять и заснула.

Проспала лиса еще дольше прежнего, — уж хозяин ее будить стал:

— Каково-де, лисонька, спала-почивала?

А лисонька только потягивается да глаза протирает.

— Пора тебе, лисонька, и честь знать. Пора в путь собираться, — сказал хозяин, отворяя ей двери настежь.

А лиска ему в ответ:

— Не почто избу студить, и сама пойду, да наперед свое добро заберу. Давай-ка моего гуся!

— Какого? — спросил хозяин.

— Да того, что я тебе вечер отдала на сбережение; ведь ты у меня его принимал?

— Принимал, — отвечал хозяин.

— А принимал, так и подай, — пристала лиса.

— Гуся твоего за решеткой нет; поди хоть сама посмотри — одни индюшки сидят.

Услышав это, хитрая лиса грянулась об пол и ну убиваться, ну причитать, что за своего-де гуська она бы и индюшки не взяла!

Мужик смекнул лисьи хитрости. «Постой, — думает он, — будешь ты помнить гуся!».

— Что делать, — говорит он. — Знать, надо идти с тобой на мировую.

И обещал ей за гуся индюшку. А вместо индюшки тихонько подложил ей в мешок собаку. Лисонька не догадалась, взяла мешок, простилась с хозяином и пошла.

Шла она, шла, и захотелось ей спеть песенку про себя и про лапоток. Вот села она, положила мешок на землю и только было принялась петь, как вдруг выскочила из мешка хозяйская собака — да на нее, а она от собаки, а собака за нею, не отставая ни на шаг.

Вот забежали обе вместе в лес; лиска по пенькам да по кустам, а собака за нею.

На лисонькино счастье, случилась нора; лиса вскочила в нее, а собака не пролезла в нору и стала над нею дожидаться, не выйдет ли лиса...

А лиса с испугу дышит, не отдышится, а как поотдохнула, то стала сама с собой разговаривать, стала себя спрашивать:

— Ушки мои, ушки, что вы делали?

— А мы слушали да слушали, чтоб собака лисоньку не скушала.

— Глазки мои, глазки, вы что делали?

— А мы глядели да глядели, чтобы собака лисоньку не съела!
 — Ножки мои, ножки, что вы делали?
 — А мы бежали да бежали, чтоб собака лисоньку не поймала.
 — Хвостик, хвостик, ты что делал?
 — А я не давал тебе ходу, за все пеньки да сучки цеплялся.
 — А, так ты не давал мне бежать! Пстой, вот я тебя! — сказала лиса и, высу-
 нув хвост из норы, закричала собаке: — На вот, съешь его!
 Собака схватила лису за хвост и вытащила из норы.

ПЕТУШОК И БОБОВОЕ ЗЕРНЫШКО

(Обраб. О. Капицы)

Жили-были петушок и курочка. Петушок все торопился да торопился, а курочка знай себе да приговаривает:

— Петя, не торопись. Петя, не торопись.

Клевал как-то петушок бобовые зернышки да второпях и подавился. Подавился, не дышит, не слышит, словно мертвый лежит.

Перепугалась курочка, бросилась к хозяйке, кричит:

— Ох, хозяйюшка, дай скорей маслица петушку горлышко смазать: подавился петушок бобовым зернышком.

Хозяйка говорит:

— Беги скорей к коровушке, проси у нее молока, а я уж собью маслица.

Бросилась курочка к корове:

— Коровушка, голубушка, дай скорее молока, из молока хозяйюшка собьет маслица, маслицем смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зернышком.

— Ступай скорее к хозяину, пусть он принесет мне свежей травы.

Бежит курочка к хозяину:

— Хозяин! Хозяин! Дай скорее коровушке свежей травы, коровушка даст молочка, из молочка хозяйюшка собьет маслица, маслицем я смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зернышком.

— Беги скорей к кузнецу за косой, — говорит хозяйин.

Со всех ног бросилась курочка к кузнецу:

— Кузнец, кузнец, дай скорее хозяину хорошую косу. Хозяин даст коровушке травы, коровушка даст молока, хозяйюшка даст мне маслица, я смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зернышком.

Кузнец дал хозяину новую косу, хозяйин дал коровушке свежей травы, коровушка дала молока, хозяйюшка сбила масла, дала маслица курочке.

Смазала курочка петушку горлышко. Бобовое зернышко и проскочило. Петушок вскочил и во все горло закричал:

— Ку-ка-ре-ку!

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ МИРА

Песенки

Рыбки

(Франц., обраб. Н. Гернет и С. Гиппиус)

Плавают рыбешки	Рыбки-ребятишки
В нашей речке чистой,	На больших похожи —
Плавают рыбешки	Плавают, как папы,
Быстро, быстро, быстро!	Тоже, тоже, тоже!

Рыбки-рыбешки	Рыбки гуляют
Все хороши:	Только в воде
Папы и мамы,	И не гуляют
И малыши!	Больше нигде.

Танец утят

(Франц. нар.)

На шагающих утят быть похожими хотят,
 Быть похожими хотят не зря, не зря.
 Можно хвостик отряхнуть и пуститься в дальний путь
 И пуститься в дальний путь, крича «кря-кря».
 И природа хороша, и погода хороша,
 Нет, не зря поет душа, не зря, не зря!
 Даже толстый бегемот, неуклюжий бегемот
 От утят не отстает, кряхтит «кря-кря».

На мгновенье надо
 Детство возвратить.
 Мы теперь утята,
 И так прекрасно
 На свете жить.

На веселых на утят быть похожими хотят,
 Быть похожими хотят не зря, не зря.
 Даже бабушка и дед, сбросив восемьдесят лет,
 За утятами вослед кричат «кря-кря».
 Вместе солнце, речка, дом кружат в танце озорном,
 Кружат в танце озорном не зря, не зря.
 Неуклюжий бегемот ничего не разберет,
 Но старательно поет «кря-кря-кря-кря».

На танцующих утят быть похожими хотят,
Быть похожими хотят не зря, не зря.
Повторяйте все за мной все фигуры до одной,
Все фигуры до одной, кря-кря-кря-кря.
Легче танца в мире нет, лучше танца в мире нет,
Вам раскрыт его секрет не зря, не зря.
Посмотрите, бегемот, неуклюжий бегемот
Вот танцует, вот дает! Кря-кря-кря-кря!

«Чив-чив, воробей...»

(Пер. с коми-пермяк. В. Климова)

— Чив-чив, воробей, Сбегай, грядки полей!	— Чив-чив, воробей, Самовар подогрей!
— Нет, папенька! Нет, маменька!	— Нет, папенька! Нет, маменька!
— Чив-чив, воробей, В крыше дырку забей!	— Чив-чив, воробей, Сядь за стол поскорей!
— Нет, папенька! Нет, маменька!	— Мигом, папенька! Сел я, маменька!

Пальцы

(Пер. с нем. Л. Яхина)

Палец толстый и большой В сад за сливами пошел. Указательный с порога Указал ему дорогу. Средний палец — самый меткий,	Он сбивает сливки с ветки. Безымянный поедает, А мизинчик, Господинчик, В землю косточки сажает.
--	--

Мешок

(Татар., пер. Р. Ягофарова, пересказ Л. Кузьмина)

Урожай у нас хорош! А теперь Поделим Рожь:	Даже лодырю мы тоже, Не скупясь, мешок предложим — Расчудесный, непростой: Глянешь внутрь — а он пустой!
Кто пахал — тому мешок. Кто растил — тому мешок. Кто косил — тому мешок. Кто возил — тому мешок. И молотильщику мешок...	

Сказки

Три поросенка

(Пер. с англ. С. Михалкова)

Жили-были на свете три братца — три поросенка. Все трое были одинакового роста, розовые, веселые, кругленькие. И у всех поросят были одинаковые веселые закручивающиеся хвостики.

И даже имена у поросят были похожи. Их звали: Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и Наф-Наф.

Они все лето играли, кувыркались в траве, валялись на солнышке, купались в теплых лужах.

Так прошло все теплое лето. Но вот наступила холодная осень.

Уже слабее грело солнышко, потянулись над пожелтевшим лесом серые облака.

Однажды утром Наф-Наф сказал своим братьям:

— Пора нам о зиме подумать, я от холода дрожу весь. Так и простудиться недолго. Вот что я предлагаю: давайте теплый дом построим и будем жить в нем все вместе под одной крышей.

Но другим поросят совсем не хотелось работать. Им больше нравилось в эти последние теплые деньки кувыркаться, прыгать по лугу и просто гулять, чем таскать тяжелые камни и рыть землю.

— Нет, сейчас не хотим, еще успеется! До зимы далеко. Мы потом сделаем, а сейчас лучше еще погуляем, — с этими словами Ниф-Ниф перекувыркнулся через голову в опавшие листья.

— Да. Я сам себе дом построю, — сказал Нуф-Нуф и завалился прямо в лужу.

— И я тоже, — добавил за ним Ниф-Ниф.

— Ну ладно, делайте как хотите. Тогда я один буду дом себе строить. Вас не буду дожидаться, — сказал Наф-Наф.

И он отправился строить себе дом.

Каждый день на улице становилось все холоднее и холоднее. Но два беспечных братца поросенка, Ниф-Ниф и Нуф-Нуф, ни о чем не думали и не торопились. Им так не хотелось приступать к работе! И они продолжали бездельничать с утра до вечера. Только тем и занимались, что прыгали и кувыркались с утра до вечера.

— Пожалуй, мы сегодня еще немножечко погуляем, а уже завтра с самого утра возьмемся за дело, — говорили они.

Но наступал следующий день, и все начиналось сначала. Они продолжали играть и говорили то же самое.

И только тогда, когда огромная лужа около дороги начала по утрам покрываться тоненькой корочкой льда, бездельники действительно решили взяться за работу.

Ниф-Ниф решил, что проще и быстрее всего будет построить дом из соломы. Он не стал ни с кем советоваться и так и сделал. Набрал соломы, и уже к вечеру его домик был готов. Ниф-Ниф уложил на крышу своего нового домика последнюю соломинку, осмотрел его, остался очень довольным и запел:

— Хоть полсвета обойдешь,
Обойдешь, обойдешь,
Лучше дома не найдешь,
Не найдешь, не найдешь!

Так, напевая песенку, он отправился на поиски Нуф-Нуфа.

А Нуф-Нуф строил себе домик неподалеку. Он тоже хотел побыстрее покончить с таким неинтересным и скучным делом. Поэтому тоже решил сделать себе домик попроще. Сначала, как и Ниф-Ниф, он хотел построить себе соломенный домик. Но потом подумал, что зимой в таком домике будет очень холодно. И тогда он решил, что если построить домик из сучьев и веток, то он выйдет прочнее и теплее.

Так он и поступил. Забил в землю колья, переплел их прутиками, навалил на крышу сухих веток, и уже к вечеру его новый дом был готов.

Нуф-Нуф несколько раз обошел его, с гордостью осматривая, и запел:

— У меня хороший дом,
Новый дом, прочный дом,
Мне не страшен дождь и гром,
Дождь и гром, дождь и гром!

И в это время из-за кустов на полянку выскочил Ниф-Ниф.

— Ну вот, теперь и твой дом совсем готов! — сказал брату Ниф-Ниф.

— Говорил же я, что с постройкой дома мы и сами быстро справимся! А теперь мы можем играть дальше и делать все, что захотим!

— А давай сходим к Наф-Нафу, посмотрим, какой он себе дом построил! — сказал Нуф-Нуф. — Что-то давно он не появлялся.

— Пойдем, посмотрим, — согласился Ниф-Ниф.

И они, довольные, что им больше ни о чем не нужно заботиться, пошли к Наф-Нафу, весело напевая по дороге.

А Наф-Наф вот уже несколько дней строил себе каменный дом. Сначала он наносил камней, намесил глины и теперь совсем никуда не спешил, и не торопясь строил себе прочный, надежный дом, в котором можно и от ветра укрыться, и от дождя, и от холода. Дверь в своем доме он сделал дубовую. Она вышла тяжелая, крепкая, и запиралась на засов, чтобы злой серый волк из соседнего леса не мог в дом залезть. Когда пришли Ниф-Ниф и Нуф-Нуф, он всю работу закончил.

— Что это ты такое строишь? — закричали удивленные Ниф-Ниф и Нуф-Нуф в один голос. — Это что, домик для поросенка или настоящая крепость?

— Дом у поросенка и должен быть настоящей крепостью! — ответил им на это Наф-Наф и продолжил работать.

— Интересно, уж не собираешься ли ты воевать с кем-нибудь? — прохрюкал, смеясь, Нуф-Нуф и подмигнул Ниф-Нифу.

И два братца поросенка так развеселились, что их хрюканье и визг разнеслись по всей лужайке далеко-далеко. А сам Наф-Наф продолжал как ни в чем не было класть каменную стену своего домика, при этом напевая себе под нос вот такую песенку:

— Я, конечно, всех умней,
Всех умней, всех умней!
Дом я строю из камней,
Из камней, из камней!
Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,
Не ворвется в эту дверь,
В эту дверь, в эту дверь!

— Это он про какого зверя говорит? — спросил Нуф-Нуф у Ниф-Нифа.

— Это ты про какого зверя поешь? — спросил Ниф-Ниф у Наф-Нафа.

— Это я про волка! — ответил братцам Наф-Наф и уложил на стену еще один камень.

— Посмотрите, посмотрите на него! Он, оказывается, боится волка! — сказал Нуф-Нуф. — Он, наверное, боится, что волк его съест! — добавил Нуф-Нуф.

И два поросенка еще сильнее развеселились.

— И какие в нашем лесу могут быть волки? — засмеялся Нуф-Нуф. — Нет здесь никаких волков! Наф-Наф просто трус! — добавил Ниф-Ниф.

И оба поросенка стали приплясывать и петь:

— Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!
Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

Им очень хотелось подразнить братца, но Наф-Наф совсем не обращал на них внимания.

— Ладно, пойдем отсюда, Ниф-Ниф, — сказал тогда Нуф-Нуф. — Тут нам нечего делать!

И два поросенка пошли гулять дальше. Они так громко пели и плясали, что когда вошли в лес, умудрились разбудить волка. Тот спокойно спал под деревом, и когда поросята разбудили его, очень разозлился.

— Кто так шумит? — проворчал он недовольно и побежал к тому месту, откуда доносились хрюканье и визг двух глупых маленьких поросят. Как раз в это время Ниф-Ниф, который видел волков только на картинках, говорил братцу:

— Ну, какие волки могут быть в нашем лесу!

— А если волк появится, то мы как схватим его за нос, вот он у нас будет знать! — подпел братцу Нуф-Нуф, который тоже никогда в жизни не видел живого волка.

— Да, мы бы его сначала повалили, потом веревками связали, а потом еще ногой его попинали бы. Вот так, вот так! — бахвалился Ниф-Ниф и показал братцу, как они стали бы расправляться с волком.

И два поросенка снова запели:

— Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!
Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

И как раз в это время настоящий волк вышел из-за большого дерева. У него была такая зубастая пасть, такой грозный вид, что по спинкам у Ниф-Нифа и Нуф-Нуфа пробежал холодок, а их закрученные в колечко тонкие хвостики задрожали мелко-мелко. От страха бедные поросята даже не могли пошевелиться.

Волк собрался, щелкнул зубами, приготовился к прыжку, и только тут поросята опомнились и бросились наутек, визжа на весь лес.

Никогда в жизни пороссятам еще не приходилось бегать так быстро! Они сверкали пятками, поднимали тучу пыли и бежали, продираясь сквозь кусты, каждый к своему домику. Первым до своего соломенного домика добежал Ниф-Ниф. Он успел заскочить в свою хижину и захлопнуть дверь перед самым носом волка.

— Отопри дверь немедленно! — прорычал волк. — А иначе я сам ее выломаю!

— Нет, не отопру, — прохрюкал Ниф-Ниф.

Из-за двери до него доносилось дыхание страшного зверя.

— Отопри дверь сейчас же! — опять прорычал волк. — Не то я сейчас как дуну, и весь твой дом разлетится!

Но от страха Ниф-Ниф ничего не мог ему ответить.

Тогда волк стал дуть на домик: «Ф-ф-ф-у-у-у-у-у-у!». С крыши домика слетали соломинки.

Волк вздохнул поглубже и дунул еще раз: «Ф-ф-ф-у-у-у-у-у-у!». У домика затряслись стены.

И тогда волк дунул в третий раз: «Ф-ф-ф-у-у-у-у-у-у!». Домик поросенка не устоял и разлетелся в разные стороны.

Ниф-Ниф бросился бежать, и волк щелкнул зубами перед самым его носом. Поросенок летел по лесу, не разбирая дороги, и уже через минуту был около домика своего братца. Как только Нуф-Нуф пустил его к себе и запер дверь, на лужайку перед домом выбежал волк.

— Ага! — прорычал он. — Ну, зато теперь я съем вас обоих.

Нуф-Нуф и Ниф-Ниф испуганно переглянулись и задрожали. Но и волк сильно устал, поэтому он решил пойти на хитрость.

— Пожалуй, я передумал! — сказал он так громко, чтобы поросята его услышали. — Я не буду есть этих поросят. Они слишком худосочные. Пойду я лучше домой!

— Слышал? — спросил Нуф-Нуф и Ниф-Нифа. — Мы худосочные! И поэтому он не будет нас есть!

— Это просто замечательно! — сказал Ниф-Ниф. И его хвостик сразу перестал дрожать.

Поросята сразу развеселились и запели любимую песенку:

— Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!
Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

А на самом деле волк и не собирался никуда уходить. Он тихонько затаился в сторонке. Ему было смешно, и он очень старался не расхохотаться. Как легко он смог обмануть двух маленьких глупых поросят.

Когда поросята успокоились, волк накинул на себя овечью шкуру и осторожно подкрался к дому. Подошел к двери и постучал.

Нуф-Нуф и Ниф-Ниф очень испугались, когда услышали стук в дверь.

— Кто там? — спросили они, и у поросят опять затряслись хвостики.

— Это я-я-я — маленькая бедная овечка! — чужим, тонким голосом пропищал серый волк. — Я отбилась от стада и очень сильно устала, пустите меня переночевать!

— Пустим переночевать? — спросил добрый Ниф-Ниф брата.

— Овечку можно пустить, овечка не волк! — согласился Нуф-Нуф.

Но когда поросята чуть-чуть приоткрыли дверь, они сразу увидели не овечку, а все того же злого волка. Братья скорее захлопнули дверь и изо всех сил навалились на нее, чтобы страшный волк не смог к ним ворваться.

Волк рассердился. Ему опять не удалось перехитрить этих поросят! Он скинул с себя овечью шкуру и грозно зарычал:

— Ну, погодите же! Сейчас от этого дома ничего не останется!

И волк принялся дуть. Дом чуть-чуть покосился. Волк дунул второй раз, потом третий, а потом и четвертый.

С крыши дома слетали листья, стены его дрожали, но дом все еще стоял.

И, только когда разозлившийся волк дунул в пятый раз, дом поросенка зашатался и развалился.

Только одна дверь еще некоторое время стояла посреди развалин бывшего дома.

Поросята в ужасе бросились бежать. От страха у поросят отнимались ноги, дрожала каждая щетинка, носы пересохли. Братья стремились к дому Наф-Нафа.

Волк огромными скачками их догонял. Один раз он уже чуть было не схватил Нуф-Нуфа за заднюю ножку, но тот вовремя ее отдернул и прибавил ходу.

Волк однако тоже поднажал. Он был уверен, что уж на этот раз поросята от него точно не убегут.

Но волку опять не повезло.

Поросята быстро пробежали мимо большой яблони, даже не задев ее. А серый волк не успел свернуть и налетел прямо на яблоню, которая осыпала его яблоками. Одно твердое яблоко ударило волка прямо между глаз.

Огромная шишка вскочила на лбу у волка.

А Нуф-Нуф и Ниф-Ниф в это время ни живы ни мертвы подбежали к домику Наф-Нафа.

Наф-Наф быстро впустил их в свой дом. Бедные поросята были так сильно напуганы, что совсем ничего не могли сказать. Они просто молча бросились под кровать и там притаились.

Умный Наф-Наф сразу догадался, что за братцами ними гнался волк. Но Наф-Нафу нечего было бояться в крепком каменном доме. Он быстро закрыл на засов дверь, а сам сел на стульчик и громко запел:

— Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,
Не откроет эту дверь,
Эту дверь, эту дверь!

Но тут волк как раз постучал в дверь.

— Кто там? — спросил спокойным голосом Наф-Наф.

— Открывай сейчас же и без разговоров! — раздался грубый голос злого волка.

— Ага, как бы не так! И не подумаю открывать! — твердым голосом заявил Наф-Наф.

— Ах, так! Ну, тогда держитесь! Теперь я съем вас всех троих!

— Попробуй, съешь! — ответил ему из-за двери Наф-Наф, даже не привстав со стульчика, на котором сидел.

Он знал, что в прочном каменном доме три поросенка могут ничего не бояться.

Тогда волк втянул в грудь побольше воздуха и дунул так сильно, как только мог!

Но как бы сильно он ни дул, ни один, даже самый крошечный камень не сдвинулся с места.

Волк даже посинел от натуги.

А дом стоял как неприступная крепость. Тогда волк начал трясти дверь. Но дверь тоже не хотела поддаваться.

Волк от злости начал царапать когтями стены дома и даже грызть камни, из которых они были сложены, но все чего добился — только обломал себе когти и испортил зубы.

Злому и голодному волку ничего не оставалось делать, кроме как убираться восвояси.

Но тут волк поднял голову и вдруг заметил на крыше большую, широкую трубу.

— Ага! Вот пожалуй через эту трубу я и смогу пробраться в этот неприступный дом! — обрадовался волк.

Он осторожно забрался на крышу дома и прислушался. Внутри домика было совсем тихо.

«Я, наверное, закушу сегодня, все-таки, свежей свининкой!» — подумал волк, облизнулся и полез в трубу.

Но как только волк стал спускаться в дом по трубе, поросята внутри сразу же услышали шорох. А когда на крышку котла в камине стала из дымохода сыпаться сажа, умный Наф-Наф тут же догадался, в чем дело.

Наф-Наф быстро кинулся к котлу, в котором на огне уже закипела вода, и сорвал с котла крышку.

— Милости просим! — сказал с улыбкой Наф-Наф и подмигнул своим братьям.

Нуф-Нуф и Ниф-Ниф уже совсем успокоились и, довольно улыбаясь, смотрели на своего храброго и умного братца.

Долго ждать трем поросятам не пришлось. Черный, как трубочист, волк свалился прямо в кипяток. Никогда еще волку не было так больно!

Глаза у него моментально вылезли на лоб, вся шерсть сразу поднялась дыбом. С громким ревом волк вылетел через трубу обратно на крышу, затем скатился по ней на землю, четыре раза перекувыркнулся через голову, затем проехался мимо запертой двери на хвосте и кинулся в лес.

А три маленьких поросенка, три братца, смотрели ему вслед и радовались, что смогли так ловко обмануть злого разбойника. И запели свою любимую песню:

— Хоть полсвета обойдешь,
Обойдешь, обойдешь,
Лучше дома не найдешь,
Не найдешь, не найдешь!
Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,
Не откроет эту дверь,
Эту дверь, эту дверь!
Волк из леса никогда,
Никогда, никогда
Не вернется к нам сюда,
К нам сюда, к нам сюда!

И с этого дня три поросенка стали жить вместе в каменном доме под одной крышей.

Вот и все, что мы можем рассказать про трех братьев, трех маленьких поросят — Ниф-Нифа, Нуф-Нуфа и Наф-Нафа.

БРАТЯ ГРИММ

Заяц и еж

(Пер. с нем. А. Введенского, под ред. С. Маршака)

Этой сказке вы, пожалуй, не поверите. Однако мой дедушка, рассказывая ее, всегда говорил:

— Не все в сказке выдумка. Есть в ней и правда. А то зачем бы стали люди ее рассказывать?

Начиналась эта сказка так...

Однажды в ясный, солнечный денек стоял еж у дверей своего дома, сложив руки на животе, и напевал песенку.

Пел он свою песенку, пел и вдруг решил:

«Пойду-ка я в поле, на брюкву посмотрю. Пока, — думает, — моя жена-ежиха детей моет да одевает, я успею и в поле побывать, и домой вернуться».

Пошел еж и встретился по дороге с зайцем, который тоже шел в поле — на свою капусту поглядеть.

Увидел еж зайца, поклонился ему и говорит приветливо:

— Здравствуйте, уважаемый заяц. Как вы поживаете?

А заяц был очень важный и гордый. Вместо того чтобы вежливо поздороваться с ежиком, он только головой кивнул и сказал грубо:

— Что это ты, еж, в такую рань по полю рыщешь?

— Я погулять вышел, — говорит еж.

— Погулять? — спросил заяц насмешливо. — А по-моему, на таких коротеньких ножках далеко не уйдешь.

Обиделся еж на эти слова. Не любил он, когда говорили о его ногах, которые и вправду были коротенькие и кривые.

— Уж не думаешь ли ты, — спросил он зайца, — что твои заячьи ноги бегают быстрее и лучше?

— Разумеется, — говорит заяц.

— А не хочешь ли со мной вперегонки побегать? — спрашивает еж.

— С тобой вперегонки? — говорит заяц. — Не смей меня, пожалуйста. Неужели же ты на своих кривых ногах меня обгонишь?

— А вот увидишь, — отвечает еж. — Увидишь, что обгоню.

— Ну, давай побегим, — говорит заяц.

— Подожди, — говорит еж. — Сначала я схожу домой, позавтракаю, а через полчаса вернусь на это место, тогда и побегим. Ладно?

— Ладно, — сказал заяц.

Пошел еж домой. Идет и думает: «Заяц, конечно, быстрее меня бегают. Но он глуп, а я умен. Я его перехитрю».

Пришел еж домой и говорит жене:

— Жена, одевайся поскорее, придется тебе со мной в поле идти.

— А что случилось? — спрашивает ежиха.

— Да вот мы с зайцем поспорили, кто быстрее бегают, я или он. Я должен зайца обогнать, а ты мне в этом деле поможешь.

— Что ты, с ума сошел? — удивилась ежиха. — Куда же тебе с зайцем тягаться! Он тебя сразу обгонит.

— Не твое дело, жена, — сказал еж. — Одевайся да пойдем. Я знаю, что делаю. Оделась жена и пошла с ежом в поле.

По дороге еж говорит жене:

— Мы побегим с зайцем вот по этому длинному полю. Заяц побежит по одной борозде, а я по другой. А ты, жена, стань в конце поля, у моей борозды. Как только подбежит к тебе заяц, ты крикни: «Я уже здесь!» Поняла?

— Поняла, — отвечает жена.

Так они и сделали. Отвел еж ежиху на конец своей борозды, а сам вернулся на то место, где оставил зайца.

— Ну что ж, — говорит заяц, — побегим?

— Побегим, — говорит еж.

Стали они каждый у начала своей борозды.

— Раз, два, три! — крикнул заяц.

И побежали оба со всех ног.

Пробежал еж шага три-четыре, а потом тихонько вернулся на свое место и сел. Сидит, отдыхает. А заяц все бежит и бежит. Добежал до конца своей борозды, а тут ежиха ему и крикнула:

— Я уже здесь!

А надо сказать, что еж и ежиха очень похожи друг на друга. Удивился заяц, что еж его обогнал.

— Бежим теперь обратно, — говорит он ежихе. — Раз, два, три!

И помчался заяц назад быстрее прежнего.

А ежиха осталась сидеть на своем месте.

Добежал заяц до начала борозды, а еж ему кричит:

— Я уже здесь!

Еще больше удивился заяц.

— Бежим еще раз, — говорит он ежу. — Ладно, — отвечает еж. — Если хочешь, побегим еще раз. Побежали еще и еще раз. Так семьдесят три раза бегал заяц туда и обратно. А еж все его обгонял.

Прибежит заяц к началу борозды, а еж ему кричит:

— Я уже здесь!

Побежит заяц обратно к концу борозды, а ежиха ему кричит:

— Я уже здесь!

На семьдесят четвертый раз добежал заяц до середины поля и свалился на землю.

— Устал! — говорит. — Не могу больше бегать.

— Вот видишь теперь, — говорит ему еж, — у кого ноги быстрее?

Ничего не ответил заяц и ушел с поля — еле ноги унес. А еж с ежихой позвали своих детей и пошли с ними гулять.

БРЕМЕНСКИЕ МУЗЫКАНТЫ

(Пер. с нем. А. Введенского, под ред. С. Маршака)

Много лет тому назад жил на свете мельник.

И был у мельника осел — хороший осел, умный и сильный. Долго работал осел на мельнице, таскал на спине кули с мукой и вот, наконец, состарился.

Видит хозяин: ослабел осел, не годится больше для работы, и выгнал его из дому.

Испугался осел: «Куда я пойду, куда денусь? Стар я стал и слаб».

А потом подумал: «Пойду-ка я в немецкий город Бремен и стану там уличным музыкантом».

Так и сделал. Пошел в немецкий город Бремен.

Идет осел по дороге и кричит по-ослиному.

И вдруг видит: лежит на дороге охотничья собака, язык высунула и тяжело дышит.

— Отчего ты так запыхалась, собака? — спрашивает осел. — Что с тобой?

— Устала, — говорит собака. — Бежала долго, вот и запыхалась.

— Что ж ты так бежала, собака? — спрашивает осел.

— Ах, осел, — говорит собака, — пожалей меня! Жила я у охотника, долго жила, по полям и болотам за дичью бегала. А теперь стара стала, и задумал мой хозяин убить меня. Вот я и убежала от него, а что дальше делать — не знаю.

— Пойдем со мной в город Бремен, — отвечает ей осел, — сделаемся там уличными музыкантами. Лаешь ты громко, голос у тебя хороший. Ты будешь петь и в барабан бить, а я буду петь и на гитаре играть.

— Что ж, — говорит собака, — пойдем.

Пошли они вместе.

Осел идет — кричит по-ослиному, собака идет — лает по-собачьи.

Шли они, шли и вдруг видят: сидит на дороге кот; печальный сидит, невеселый.

— Что ты такой печальный? — спрашивает его осел.

— Что ты такой невеселый? — спрашивает собака.

— Ах, — говорит кот, — пожалейте вы меня, осел и собака! Жил я у своей хозяйки, долго жил — ловил крыс и мышей. А теперь стар стал и зубы у меня притупились. Видит хозяйка, не могу я больше мышей ловить, и задумала меня утопить в речке. Я и убежал из дому. А что дальше делать, как прокормиться, — не знаю.

Осел ему отвечает:

— Пойдем с нами, кот, в город Бремен, станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на скрипке играть, собака — петь и в барабан бить, а я — петь и на гитаре играть.

— Что ж, — говорит кот, — пойдем.

Пошли они вместе.

Осел идет — кричит по-ослиному, собака идет — лает по-собачьи, кот идет — мяукает по-кошачьи.

Шли они, шли, проходят мимо одного двора и видят — сидит на воротах петух. Сидит и кричит во все горло: «Ку-ка-ре-ку!»

— Ты что, петушок, кричишь? — спрашивает его осел.

— Что с тобой случилось? — спрашивает его собака.

— Может, тебя кто обидел? — спрашивает кот.

— Ах, — говорит петух, — пожалейте вы меня, осел, собака и кот! Завтра к моим хозяевам гости приедут — вот и собираются хозяева зарезать меня и сварить из меня суп. Что мне делать?

Отвечает ему осел:

— Пойдем, петушок, с нами в город Бремен и станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на балалайке играть, кот будет петь и на скрипке играть, собака — петь и в барабан бить, а я буду петь и на гитаре играть.

— Что ж, — говорит петух, — пойдем.

Пошли они вместе.

Осел идет — кричит по-ослиному, собака идет — лает по-собачьи, кот идет — мяукает по-кошачьи, петух идет — кукарекает.

Шли они, шли, и вот настала ночь. Осел и собака легли под большим дубом, кот сел на ветку, а петух взлетел на самую верхушку дерева и стал оттуда смотреть по сторонам.

Смотрел, смотрел и увидел — светится невдалеке огонек.

— Огонек светится! — кричит петух.

Осел говорит:

— Надо узнать, что это за огонек. Может быть, поблизости дом стоит.

Собака говорит:

— Может, в этом доме мясо есть. Я бы поела.

Кот говорит:

— Может, в этом доме молоко есть. Я бы попил.

А петух говорит:

— Может, в этом доме пшено есть. Я бы поклевал.

Встали они и пошли на огонек.

Вышли на поляну, а на поляне дом стоит, и окошко в нем светится.

Осел подошел к дому и заглянул в окошко.

— Что ты там видишь, осел? — спрашивает его петух. — Вижу я, — отвечает осел, — сидят за столом разбойники, едят и пьют.

— Ох, как хочется есть! — сказала собака.

— Ох, как хочется пить! — сказал кот.

— Как бы нам разбойников из дома выгнать? — сказал петух.

Думали они, думали и придумали.

Осел тихонько поставил передние ноги на подоконник, собака взобралась на спину ослу, кот вскочил на спину собаке, а петух взлетел на голову коту.

И тут они все разом закричали: осел — по-ослиному, собака — по-собачьи, кот — по-кошачьи, а петух закукарекал.

Закричали они и ввалились через окно в комнату. Испугались разбойники и убежали в лес.

А осел, собака, кот и петух сели вокруг стола и принялись за еду.

Ели-ели, пили-пили — наелись, напились и спать легли.

Осел растянулся во дворе на сене, собака улеглась перед дверью, кот свернулся клубком на теплой печи, а петух взлетел на ворота.

Потушили они огонь в доме и заснули.

А разбойники сидят в лесу и смотрят из лесной чащи на свой дом.

Видят — огонь в окошке погас, темно стало.

И послали они одного разбойника посмотреть, что в доме делается. Может, зря они так испугались.

Подошел разбойник к дому, отворил дверь, зашел на кухню. Глядь, а на печи два огонька горят.

«Наверное, это угли, — подумал разбойник. — Вот я сейчас лучинку разожгу».

Ткнул он в уголек лучинкой, а это был кошачий глаз. Рассердился кот, вскочил, зафыркал, да как цапнет разбойника в глаз, да как зашипит.

Разбойник — в дверь. А тут его собака за ногу схватила.

Разбойник — во двор. А тут его осел копытом лягнул.

Разбойник — в ворота. А с ворот петух как закричит:

— Кукареку!

Кинулся разбойник со всех ног в лес. Прибежал к своим товарищам и говорит:

— Беда! В нашем доме страшные великаны поселились. Один мне своими длинными пальцами в лицо вцепился, другой мне ножом ногу порезал, третий меня по спине дубиной стукнул, а четвертый закричал мне вслед: «Держи вора!».

— Ох, — сказали разбойники, — надо нам отсюда поскорее уходить!

И ушли разбойники из этого леса навсегда.

А бременские музыканты — осел, собака, кот и петух — остались жить у них в доме да поживать.

III. ПЕРРО

Красная Шапочка

(Пер. с франц. Т. Габбе)

Жила-была маленькая девочка. Была она скромная и добрая, послушная и работящая. Мать не могла нарадоваться, что у нее растет такая помощница: дочка помогала ей по хозяйству, а когда вся работа была сделана, читала матери что-нибудь вслух.

Всем нравилась эта милая девочка, но больше всех ее любила бабушка. Сшила она как-то из красного бархата шапочку и подарила ее внучке на именины.

Новая шапочка была девочке очень к лицу, и за то, что с того дня никакую другую она носить не хотела, люди прозвали ее Красной Шапочкой.

Однажды мать решила испечь пирог.

Замесила она тесто, а Красная Шапочка нарвала яблок в саду. Пирог вышел на славу! Посмотрела на него мать да и говорит:

— Красная Шапочка, ступай-ка навести бабушку. Положу я тебе в корзинку кусок пирога и бутылку молока, отнесешь это ей.

Обрадовалась Красная Шапочка, тут же собралась и отправилась к бабушке, которая жила на другом краю леса.

Мать вышла на крыльцо проводить девочку и стала ее напутствовать:

— С чужими, дочка, не разговаривай, с дороги не сворачивай.

— Не беспокойся, — ответила Красная Шапочка, попрощалась с матерью и отправилась через лес к дому, где жила бабушка.

Шла Красная Шапочка по дороге, шла, да вдруг остановилась и подумала: «Какие красивые цветы здесь растут, а я и не смотрю вокруг, как звонко птицы поют, а я словно и не слышу! Как же хорошо здесь, в лесу!»

Действительно, сквозь деревья пробивались солнечные лучи, на полянках благоухали прекрасные цветы, над которыми порхали бабочки.

И Красная Шапочка решила: «Принесу-ка я бабушке вместе с пирогом еще и букет цветов. Ей, наверно, будет приятно. Еще ведь рано, я к ней всегда успею».

И она свернула с дороги прямо в лесную чащу и стала собирать цветы. Сорвет цветок и подумает: «А дальше вон растет еще покрасивей», — и к тому побежит; и так уходила она все глубже и глубже в лес.

Идет девочка по лесу, собирает цветы, поет песенку, вдруг навстречу ей злой волк.

А Красная Шапочка вовсе его и не испугалась.

— Здравствуй, Красная Шапочка! — сказал волк. — Куда это ты собралась так рано?

— К бабушке.

— А что у тебя в корзинке?

— Бутылка молока и пирог, мы с мамой его испекли, чтобы порадовать бабушку. Она больная да слабая, пусть поправляется.

— Красная Шапочка, а где живет твоя бабушка?

— Чуть подальше в лесу, под тремя большими дубами стоит ее домик.

— Счастливого пути тебе, Красная Шапочка, — пробормотал волк, а про себя подумал: «Славная девочка, лакомый был бы для меня кусочек; повкусней, пожалуй, чем старуха; но, чтоб схватить обеих, надо дело повести похитрей».

И он что есть духу помчался самой короткой дорогой к бабушкиному дому.

Идет Красная Шапочка по лесу, никуда не торопится, а серый волк уже стучится к бабушке в дверь.

— Кто там?

— Это я, Красная Шапочка, принесла тебе пирог и бутылку молока, открой мне, — ответил волк тонким голосом.

— Нажми на щеколду, — крикнула бабушка, — я очень слаба, подняться не в силах.

Нажал волк на щеколду, дверь открылась, и, ни слова не говоря, он подошел прямо к бабушкиной постели и проглотил старушку.

Затем волк надел ее платье, чепец, улегся в постель и задернул полог.

А Красная Шапочка все цветы собирала, и, когда она уже их набрала так много, что больше нести не могла, вспомнила она о бабушке и отправилась к ней.

Подошла Красная Шапочка к домику бабушки, а дверь открыта. Удивилась она, зашла внутрь и крикнула:

— Доброе утро!

Но ответа не было.

Тогда она подошла к постели, раздвинула полог, видит — лежит бабушка, надвинут чепец у нее на самое лицо, и выглядит она странно.

— Ой, бабушка, отчего у тебя такие большие уши? — спросила Красная Шапочка.

— Чтoб лучше тебя слышать!

— Ой, бабушка, а какие у тебя большие глаза!

— Это чтoб лучше тебя видеть!

— Ой, бабушка, а что это у тебя такие большие руки?

— Чтoб легче тебя обнять.

— Ох, бабушка, какой у тебя, однако, большой рот!

— Это чтoб легче было тебя проглотить!

Сказал это волк, вскочил с постели — и проглотил бедную Красную Шапочку.

Наелся волк и улегся опять в постель, заснул и стал громко-прегромко храпеть.

Шел мимо охотник.

Услышал он доносившиеся из домика какие-то странные звуки и насторожился: не может быть, чтобы старушка так громко храпела!

Подкрался он к окошку, заглянул внутрь — а там в кровати волк лежит.

— Вот ты где, серый разбойник! — сказал он. — Я уже давно тебя разыскиваю.

Хотел охотник сначала застрелить волка, да передумал. Вдруг тот съел бабушку, а ее можно еще спасти.

Взял охотник тогда ножницы и вспорол брюхо спящему волку. Выбрались оттуда Красная Шапочка и бабушка — обе живые и невредимые.

И были все трое очень и очень довольны. Охотник снял с волка шкуру и отнес ее домой. Бабушка скушала пирог, выпила молока, что принесла ей Красная Шапочка, и начала поправляться да сил набираться.

Красная Шапочка же поняла, что всегда нужно слушаться старших и в лесу никогда не сворачивать с дороги.

Поэзия

А. МАЙКОВ

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Все гибнет, все гибнет! Ты черен
и гол,
О лес наш родимый, конец твой
пришел!»

Не слышит тревоги их царственный
лес.
Под темной лазурью суровых небес
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нем сила для новой весны.

А. ПУШКИН

(Из романа «Евгений Онегин»)

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

А. ФЕТ

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:

Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

И. БУНИН

Листопад

(Отрывок)

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.
Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И осень тихую вдовой
Вступает в пестрый терем свой.

Я. АКИМ

Первый снег

Утром кот
Принес на лапах
Первый снег!
Первый снег!
Он имеет
Вкус и запах,
Первый снег!
Первый снег!
Он кружится,
Легкий,
Новый,
У ребят над головой,
Он успел
Платок пуховый
Расстелить
На мостовой,
Он белеет
Вдоль забора,
Прикорнул на фонаре —
Значит, скоро,
Очень скоро
Полетят салазки
С горок,
Значит, можно будет
Снова
Строить крепость
Во дворе!

А. БАРТО

Уехали

Щенка кормили молоком,
Чтоб он здоровым рос.
Вставали ночью и тайком
К нему бежали босиком —
Ему пощупать нос.

Учили мальчики щенка,
Возились с ним в саду,
И он, расстроенный слегка,
Шагал на поводу.

Он на чужих ворчать привык,
Совсем как взрослый пес,
И вдруг приехал грузовик
И всех ребят увез.

Он ждал: когда начнут игру?
Когда зажгут костер?
Привык он к яркому костру,
К тому, что рано поутру
Труба зовет на сбор.
И лаял он до хрипоты
На темные кусты.

Он был один в саду пустом,
Он на террасе лег.
Он целый час лежал пластом,
Он не хотел махать хвостом,
Он даже есть не мог.

**(первоначальный вариант концовки)*

Мне жалко этого щенка,
Я лучше замолчу.
Такие грустные стихи
Читать я не хочу.

**(последний вариант концовки)*

Ребята вспомнили о нем —
Вернулись с полпути.
Они войти хотели в дом,
Но он не дал войти.

Он им навстречу, на крыльцо,
Он всех подряд лизал в лицо.
Его ласкали малыши,
И лаял он от всей души.

С. ДРОЖЖИН

(Из стих. «В крестьянской семье»)

...Улицей гуляет
Дедушка Мороз,
Иней рассыпает
По ветвям берез;
Ходит, бороною
Белою трясет,
Топает ногою,
Только треск идет.
Иль на окнах дышит
Закоптелых хат
Да узоры пишет,
Глядя на ребят...

С. ЕСЕНИН

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стзвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улынках солнца ясная
Красавица весна.

Н. НЕКРАСОВ

(Из поэмы «Мороз, Красный нос»)

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи —
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

И. СУРИКОВ

Зима

Белый снег, пушистый в воздухе
кружится
И на землю тихо падает, ложится.
И под утро снегом поле побелело,
Точно пеленою все его одело.

Темный лес что шапкой
 принакрылся чудной
И заснул под нею крепко,
 непробудно...
Божьи дни коротки, солнце светит
 мало,
Вот пришли морозцы — и зима
 насталась.

Труженик-крестьянин вытащил
 санишки,
Снеговые горы строят ребятишки.
Уж давно крестьянин ждал зимы и
 стужи,
И избу соломой он укрыл снаружи.

Чтобы в избу ветер не проник
 сквозь щели,
Не надули б снега вьюги и метели.
Он теперь покоен — все кругом
 укрыто,
И ему не страшен злой мороз
 сердитый.

С. МАРШАК

Багаж

Дама сдавала в багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку
И маленькую собачонку.

Выдали даме на станции
Четыре зеленых квитанции
О том, что получен багаж:
Диван,
Чемодан,

Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка
И маленькая собачонка.

Вещи везут на перрон.
Кидают в открытый вагон.
Готово. Уложен багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка
И маленькая собачонка.

Но только раздался звонок,
Удрал из вагона шенок.
Хватились на станции Дно:
Потеряно место одно.
В испуге считают багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка...
— Товарищи! Где собачонка?

Вдруг видят: стоит у колес
Огромный взьерошенный пес.
Поймали его — и в багаж,
Туда, где лежал саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка,
Где прежде была собачонка.

Приехали в город Житомир.
Носильщик пятнадцатый номер

Везет на тележке багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку,
А сзади ведут собачонку.

Собака-то как зарычит.
А барыня как закричит:
— Разбойники! Воры! Уроды!
Собака — не той породы!
Швырнула она чемодан,
Ногой отпихнула диван,
Картину,
Корзину,
Картонку...
— Отдайте мою собачонку!

— Позвольте, мамаша! На станции,
Согласно багажной квитанции,
От вас получили багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку
И маленькую собачонку.
Однако
За время пути
Собака
Могла подрасти!

Про все на свете

Аист жил у нас на крыше,
А в подполье жили мыши.
Бегемот разинул рот —
Булку просит бегемот.

Воробей влетел в окно,
В кладовой клюет пшено.

Гриб растет среди дорожки,
Голова на тонкой ножке.

Дятел жил в дупле пустом,
Дуб долбил, как долотом.

Ель на ежика похожа:
Еж в иголках, елка тоже.

Жук упал и встать не может,
Ждет он, кто ему поможет.

Звезды видели мы днем
За рекою над Кремлем.

Иней лег на ветви ели,
Иглы за ночь побелели.

Кот ловил мышей и крыс,
Кролик лист капустный грыз.

Лодки по морю плывут,
Люди веслами гребут.

Мед в лесу медведь нашел:
Мало меда, много пчел.

Носорог бодает рогом —
Не шутите с носорогом.

Ослик был сегодня зол:
Он узнал, что он — осел.

Панцирь носит черепаха,
Прячет голову от страха.

Роет землю серый крот —
Разоряет огород.

Спит спокойно старый слон,
Стоя спать умеет он.

Таракан живет за печкой,
То-то теплое местечко.

Ученик учил уроки —
У него в чернилах щеки.

Флот плывет к родной земле,
Флаг на каждом корабле.

Ходит по лесу хорек —
Хищный маленький зверек.

Цапля важная, носатая
Целый день стоит, как статуя.

Часовщик прищурил глаз:
Чинит часики для нас.

Школьник, школьник, ты — силач:
Шар земной несешь, как мяч.

Щеткой чищу я щенка,
Щекочу ему бока.

Эта кнопка и шнурок —
Электрический звонок.

Юнга, будущий матрос,
Южных рыбок нам привез.

Ягод нет кислее клюквы,
Я на память знаю буквы.

Вот какой рассеянный

Жил человек рассеянный
На улице Бассейной.

Сел он утром на кровать,
Стал рубашку надевать,
В рукава просунул руки —
Оказалось, это брюки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Надевать он стал пальто —
Говорят ему: не то.
Стал натягивать гамаша —
Говорят ему: не ваши.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Вместо шапки на ходу
Он надел сковороду.
Вместо валенок перчатки
Натянул себе на пятки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Однажды на трамвае
Он ехал на вокзал
И, двери открывая,
Вожатому сказал:

— Глубокоуважаемый
Вагоноуважатый!
Вагоноуважаемый
Глубокоуважатый!

Во что бы то ни стало
Мне надо выходить.
Нельзя ли у трамвала
Вокзай остановить?
Вожатый удивился —
Трамвай остановился.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Он отправился в буфет
Покупать себе билет.
А потом помчался в кассу
Покупать бутылку квасу.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Побежал он на перрон,
Влез в отцепленный вагон,
Внес узлы и чемоданы,
Рассовал их под диваны,
Сел в углу перед окном
И заснул спокойным сном...

— Это что за полустанок? —
Закричал он спозаранок.
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Удивился и сказал:

— Это что за остановка —
Бологое или Поповка?
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Потянулся и сказал:

— Что за станция такая —
Дибунны или Ямская?
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Закричал он: — Что за шутки!
Еду я вторые сутки,
А приехал я назад,
А приехал в Ленинград!

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Мяч

Мой
Веселый,
Звонкий
Мяч,
Ты куда
Помчался
Вскачь?
Желтый,
Красный,
Голубой,
Не угнаться
За тобой!

Я
Тебя
Ладонью
Хлопал.
Ты
Скакал
И звонко
Топал.

Ты
Пятнадцать
Раз
Подряд
Прыгал
В угол
И назад.

А потом
Ты покатился
И назад
Не воротился.

Покатился
В огород,
Докатился
До ворот,
Подкатился

Под ворота,
Добежал
До поворота.

Там
Попал
Под колесо.
Лопнул,
Хлопнул —
Вот и все!

Дядя Степа

В доме восемь дробь один
У заставы Ильича
Жил высокий гражданин
По прозванию Каланча,

По фамилии Степанов
И по имени Степан,
Из районных великанов
Самый главный великан.

Уважали дядю Степу
За такую высоту.
Шел с работы дядя Степа —
Видно было за версту.

Лихо мерили шаги
Две огромные ноги:
Сорок пятого размера
Покупал он сапоги.

Он разыскивал на рынке
Величайшие ботинки,
Он разыскивал штаны
Небывалой ширины.

Купит с горем пополам,
Повернется к зеркалам —
Вся портновская работа
Разъезжается по швам!

Он через любой забор
С мостовой глядел во двор.
Лай собаки поднимали:
Думали, что лезет вор.

Брал в столовой дядя Степа
Для себя двойной обед.
Спать ложился дядя Степа —
Ноги клал на табурет.

Сидя книги брал со шкапа.
И не раз ему в кино
Говорили: — Сядьте на пол,
Вам, товарищ, все равно!

Но зато на стадион
Проходил бесплатно он:
Пропускали дядю Степу —
Думали, что чемпион.

От ворот и до ворот
Знал в районе весь народ,
Где работает Степанов,
Где прописан,
Как живет,

Потому что всех быстрее,
Без особенных трудов
Он снимал ребятам змея
С телеграфных проводов.

И того, кто ростом мал,
На параде поднимал,
Потому что все должны
Видеть армию страны.

Все любили дядю Степу,
Уважали дядю Степу:
Был он самым лучшим другом
Всех ребят со всех дворов.

Он домой спешит с Арбата.
— Как живешь?— кричат ребята.
Он чихнет — ребята хором:
— Дядя Степа, будь здоров!

Дядя Степа утром рано
Быстро вскакивал с дивана,
Окна настежь открывал,
Душ холодный принимал.
Чистить зубы дядя Степа
Никогда не забывал.

Человек сидит в седле,
Ноги тащит по земле —
Это едет дядя Степа
По бульвару на осле.
— Вам, — кричат Степану люди, —
Нужно ехать на верблюде!

На верблюде он поехал —
Люди давятся со смеха:
— Эй, товарищ, вы откуда?
Вы раздавите верблюда!
Вам, при вашей высоте,
Нужно ехать на слоне!

Дяде Степе две минуты
Остается до прыжка.
Он стоит под парашютом
И волнуется слегка.
А внизу народ хохочет:
Вышка с вышки прыгать хочет!

В тир, под низенький навес,
Дядя Степа еле влез.
— Разрешите обратиться,
Я за выстрелы плачу.
В этот шар и в эту птицу
Я прицелиться хочу!

Оглядев с тревогой тир,
Говорит в ответ кассир:

— Вам придется на колени,
Дорогой товарищ, встать —
Вы же можете мишени
Без ружья рукой достать!

До утра в аллеях парка
Будет весело и ярко,
Будет музыка греметь,
Будет публика шуметь.

Дядя Степа просит кассу:
— Я пришел на карнавал.
Дайте мне такую маску,
Чтоб никто не узнавал!

— Вас узнать довольно просто, —
Раздается дружный смех, —
Мы узнаем вас по росту:
Вы, товарищ, выше всех!

Что случилось?
Что за крик?
— Это тонет ученик!
Он упал с обрыва в реку —
Помогите человеку!
На глазах всего народа
Дядя Степа лезет в воду.

— Это необыкновенно! —
Все кричат ему с моста. —
Вам, товарищ, по колено
Все глубокие места!

Жив, здоров и невредим
Мальчик Вася Бородин.
Дядя Степа в этот раз
Утопающего спас.

За поступок благородный
Все его благодарят.
— Попросите что угодно, —
Дяде Степе говорят.

— Мне не нужно ничего —
Я задаром спас его!

Паровоз летит, гудит,
Машинист вперед глядит.
Машинист у полустанка
Кочегару говорит:

— От вокзала до вокзала
Сделал рейсов я немало,
Но готов идти на спор —
Это новый семафор.

Подъезжают к семафору.
Что такое за обман?
Никакого семафора —
У пути стоит Степан.

Он стоит и говорит:
— Здесь дождями путь размыт.
Я нарочно поднял руку —
Показать, что путь закрыт.

Что за дым над головой?
Что за гром по мостовой?
Дом пылает за углом,
Сто зевак стоят кругом.
Ставит лестницы команда,
От огня спасает дом.
Весь чердак уже в огне,
Бьются голуби в окне.

На дворе в толпе ребят
Дяде Степе говорят:
— Неужели вместе с домом
Наши голуби сгорят?

Дядя Степа с тротуара
Достаёт до чердака.
Сквозь огонь и дым пожара
Тянется его рука.

Он окошко открывает.
Из окошка вылетают
Восемнадцать голубей,
А за ними — воробей.

Все Степану благодарны:
Спас он птиц, и потому
Стать немедленно пожарным
Все советуют ему.

Но пожарникам в ответ
Говорит Степанов: — Нет!
Я на флот служить пойду,
Если ростом подойду.

В коридоре смех и шепот,
В коридоре гул речей.
В кабинете — дядя Степа
На осмотре у врачей.

Он стоит. Его нагнуться
Просит вежливо сестра.
— Мы не можем дотянуться!
Объясняют доктора. —

Все, от зрения до слуха,
Мы исследуем у вас:
Хорошо ли слышит ухо,
Далеко ли видит глаз.

Дядю Степу осмотрели,
Проводили на весы
И сказали: — В этом теле
Сердце бьется, как часы!
Рост велик, но ничего —
Примем в армию его!

Но вы в танкисты не годитесь:
В танке вы не поместитесь!
И в пехоту не годны:
Из окопа вы видны!

С вашим ростом в самолете
Неудобно быть в полете:
Ноги будут уставать —
Вам их некуда девать!

Для таких, как вы, людей
Не бывает лошадей,
А на флоте вы нужны —
Послужите для страны!

— Я готов служить народу, —
Раздается Степин бас, —
Я пойду в огонь и воду!
Посылайте хоть сейчас!

Вот прошли зима и лето.
И опять пришла зима.
— Дядя Степа, как ты? Где ты?
Нету с моря нам ответа,
Ни открытки, ни письма...

И однажды мимо моста
К дому восемь дробь один
Дядистепаиноста
Двигается гражданин.

Кто, товарищи, знаком
С этим видным моряком?
Он идет,
Скрипят снежинки
У него под каблуком.

В складку форменные брюки,
Он в шинели под ремнем.
В шерстяных перчатках руки,
Якоря блестят на нем.

Вот моряк подходит к дому,
Всем ребятам незнакомый.
И ребята тут ему
Говорят: — А вы к кому?

Дядя Степа обернулся,
Поднял руку к козырьку
И ответил: — Я вернулся.
Дали отпуск моряку.

Ночь не спал. Устал с дороги.
Не привыкли к суше ноги.
Отдохну. Надену китель.
На диване посижу,
После чая заходите —
Сто историй расскажу!

Про войну и про бомбежку,
Про большой линкор «Марат»,
Как я ранен был немножко,
Защищая Ленинград.

И теперь горды ребята —
Пионеры, октябрята, —
Что знакомы с дядей Степой,
С настоящим моряком.

Он домой идет с Арбата.
— Как живешь? — кричат ребята.
И теперь зовут ребята
Дядю Степу Маяком.

Е. БАРАТЫНСКИЙ

Весна, весна!..

(В сокр.)

Весна, весна! Как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! Как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Еще древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен, и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поет
Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьем она ручей
И с птичкой птичка! С ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радуется
И солнце, и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что нужды! счастлив, кто на нем
Забвенья мысли пьет,
Кого далеко от нее
Он, дивный, унесет!

Ю. МОРИЦ

Песенка про сказку

Сказка по лесу идет —
Сказку за руку ведет,
Из реки выходит сказка!
Из трамвая! Из ворот!

Это что за хоровод?
Это сказок хоровод!

Сказка — умница и прелесть,
С нами рядышком живет,

Чтобы,
Чтобы,
Чтобы снова
Добрый злого
Победил!
Чтобы добрый,
Чтобы злого
Стать хорошим
Убедил!

Ух, за мной и за тобой
Сказки бегают гурьбой!
Обожаемые сказки —
Слаще ягоды любой!

В сказке солнышко горит,
Справедливость в ней царит!
Сказка — умница и прелесть,
Ей повсюду путь открыт,

Чтобы,
Чтобы,
Чтобы снова
Добрый злого
Победил!
Чтобы добрый,
Чтобы злого
Стать хорошим
Убедил!

Дом гнома, гном — дома!

Стоит в лесу тесовый дом,
Дом гнома!
А в нем живет веселый гном,
Гном — дома!

Он кормит белок шишками,
За стол садится с мишками,

С пушистыми зайчишками
Да с мышками-норушками!
Он делится игрушками
С кукушками-болтушками,
С енотами и с дятлами,
С совой, обросшей патлами!

Он делится орешками
С косулями, с олешками,
С кротами кропотливыми,
С бобрятами смешливыми.
Последним зимним яблоком
Он поделился с маленьким,
Совсем озябшим зябликом!

Но сказками-побасками,
Книжками-раскрасками,
Длинными былинами,
Шутками-малютками,
Сладкими загадками
Он делится с детишками,
С девчонками, с мальчишками!

Стоит в лесу тесовый дом,
Дом гнома!
А в нем живет веселый гном,
Гном — дома!
Откройся, дом тесовый,
Пусть выйдет гном веселый!

Э. УСПЕНСКИЙ

Разгром

Мама приходит с работы,
Мама снимает боты,
Мама проходит в дом,
Мама глядит кругом.

Был на квартиру налет?
Нет.
К нам заходил бегемот?
Нет.
Может быть, дом не наш?
Наш.
Может, не наш этаж?
Наш.
Просто приходил Сережка,
Поиграли мы немножко.

Значит, это не обвал?
Нет.
Слон у нас не танцевал?
Нет.
Очень рада.
Оказалось,
Я напрасно волновалась!

Д. ХАРМС

Очень страшная история

Доедая с маслом булку,
Братья шли по переулку.
Вдруг на них из закоулка
Пес большой залаял гулко.

Сказал младший: «Вот напасть,
Хочет он на нас напасть.
Чтоб в беду нам не попасть,
Псу мы бросим булку в пасть».

Все окончилось прекрасно.
Братьям сразу стало ясно,
Что на каждую прогулку
Надо брать с собою... булку.

Проза

В. ВЕРЕСАЕВ

БРАТИШКА

У угла моей дачи стояла кадушка, полная воды. Рядом куст бузины. На бузине сидели бок о бок два молодых воробья, совсем еще молодых, с пушком, сквозящим из-за перьев, с ярко-желтыми пазухами по краям клювов. Один бойко и уверенно перепорхнул на край кадушки и стал пить. Пил — и все поглядывал на другого, и перекликался с ним на звенящем своем языке.

Другой — чуть поменьше — с серьезным видом сидел на ветке и опасливо косился на кадушку. А пить-то, видимо, хотелось — клюв был разинут от жары.

И вдруг я ясно увидел: тот, первый, — он уже давно напился и просто примером своим ободряет другого, показывает, что ничего тут нет страшного. Он непрерывно прыгал по краю кадушки, опускал клюв, захватывал воду и тотчас ронял ее из клюва и поглядывал на брата — звал его. Братишка на ветке решился, слетел к кадушке. Но только коснулся лапками сырого, позеленевшего края, — и сейчас же испуганно порхнул назад на бузину. А тот опять стал его звать.

И добился, наконец. Братишка перелетел на кадушку, неуверенно сел, все время трепыхая крылышками, и напился. Оба улетели.

А. ВВЕДЕНСКИЙ

О ДЕВОЧКЕ МАШЕ, О СОБАЧКЕ ПЕТУШКЕ И О КОШКЕ НИТОЧКЕ

(Главы из книги)

Глава I

О девочке Маше, ее папе летчике, ее маме художнице и брате Коле

Жила-была в большом доме на большой улице маленькая девочка Маша. Кто ни посмотрит на нее — сразу скажет: «Тебе, девочка Маша, пять лет».

А она отвечает: «Нет, не пять, а пять лет и два месяца».

Машин папа был летчик. Звали его Николаем Сергеевичем Крутиковым.

Николай Сергеевич Крутиков летал на самолете высоко-высоко. Часто он даже выше туч летал.

— Выше туч, — рассказывал папа, — небо всегда синее, всегда ясное и всегда солнце светит. Но даже летом там холодно.

Глава II

Почему собаку звали Петушок, а кошку — Ниточка, а куклу — Елизавета Петровна

У девочки Маши была собака, кошка и кукла. Собаку звали Петушок, кошку — Ниточка, а куклу — Елизавета Петровна.

Как вы думаете, почему Маша их так назвала? А вот почему. Собаку она назвала Петушком потому, что петухи кричат громче всех, а собака Петушок лает еще громче петухов.

Кошку она назвала Ниточкой потому, что нитки бывают белые и черные, а у кошки Ниточки спинка была черная, а животик белый — вот Маша и назвала кошку Ниточкой.

А куклу она назвала Елизаветой Петровной потому что у Маши была одна знакомая тетя Елизавета Петровна.

А знаете, откуда все они к Маше попали? Собака с неба упала, кошка из-под земли пришла, а кукла по реке приплыла.

М. ЗОЩЕНКО

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ РЕБЕНОК

Жил-был в Ленинграде маленький мальчик Павлик. У него была мама. И был папа. И была бабушка.

И вдобавок в их квартире жила кошка под названием Бубенчик.

Вот утром папа пошел на работу. Мама тоже ушла. А Павлик остался с бабушкой.

А бабушка была ужасно старенькая. И она любила в кресле спать.

Вот папа ушел. И мама ушла. Бабушка села в кресло. А Павлик на полу стал играть со своей кошкой. Он хотел, чтоб она ходила на задних лапках. А она не хотела. И мяукала очень жалобно.

Вдруг на лестнице раздался звонок. Бабушка и Павлик пошли открывать двери. Это пришел почтальон. Он принес письмо. Павлик взял письмо и сказал:

— Я сам передам папе.

Вот почтальон ушел. Павлик снова хотел играть со своей кошкой. И вдруг видит — кошки нигде нет. Павлик говорит бабушке:

— Бабушка, вот так номер — наш Бубенчик пропал.

Бабушка говорит:

— Наверно, Бубенчик убежал на лестницу, когда мы открыли дверь почтальону.

Павлик говорит:

— Нет, это, наверно, почтальон взял моего Бубенчика. Наверно, он нарочно нам дал письмо, а мою дрессированную кошечку взял себе. Это был хитрый почтальон.

Бабушка засмеялась и говорит шутливо:

— Завтра почтальон придет, мы отдадим ему это письмо и взамен возьмем у него назад нашу кошечку.

Вот бабушка села в кресло и заснула.

А Павлик надел свое пальто и шапочку, взял письмо и тихонько вышел на лестницу.

«Лучше, — думает, — я сейчас отдам письмо почтальону. И лучше я сейчас возьму от него мою кошечку».

Вот Павлик вышел во двор. И видит — во дворе нету почтальона.

Павлик вышел на улицу. И пошел по улице. И видит — на улице тоже нигде нету почтальона.

Вдруг какая-то одна рыжая тетка говорит:

— Ах, поглядите все, какой маленький малыш идет один по улице! Наверно, он потерял свою маму и заблудился. Ах, позовите скорей милиционера!

Вот приходит милиционер со свистком. Тетка ему говорит:

— Поглядите, какой мальчик лет пяти заблудился.

Милиционер говорит:

— Этот мальчик держит в ручке письмо. Наверное, на этом письме написан адрес, где он живет. Мы прочтем этот адрес и доставим ребенка домой. Это хорошо, что он взял с собой письмо.

Тетка говорит:

— В Америке многие родители нарочно кладут письма в карман своим детям, чтоб они не терялись.

И с этими словами тетка хочет взять письмо от Павлика. Павлик ей говорит:

— Что вы волнуетесь? Я знаю, где я живу.

Тетка удивилась, что мальчик так смело ей сказал. И от волнения чуть в лужу не упала. Потом говорит:

— Поглядите, какой бойкий мальчик. Пусть он нам тогда скажет, где он живет.

Павлик отвечает:

— Улица Фонтанка, восемь.

Милиционер поглядел на письмо и говорит:

— Ого, это боевой ребенок — он знает, где он живет.

Тетка говорит Павлику:

— А как тебя зовут, и кто твой папа?

Павлик говорит:

— Мой папа шофер. Мама ушла в магазин. Бабушка спит в кресле. А меня зовут Павлик.

Милиционер засмеялся и сказал:

— Это боевой, показательный ребенок — он все знает. Наверно, он будет начальником милиции, когда подрастет.

Тетка говорит милиционеру:

— Проводите этого мальчика домой.

Милиционер говорит Павлику:

— Ну, маленький товарищ, пойдем домой.

Павлик говорит милиционеру:

— Дайте вашу руку — я вас доведу до своего дома. Вот мой красивый дом.

Тут милиционер засмеялся. И рыжая тетка тоже засмеялась.

Милиционер сказал:

— Это исключительно боевой, показательный ребенок. Мало того, что он все знает, он еще меня хочет до дому довести. Этот ребенок непременно будет начальником милиции.

Вот милиционер дал свою руку Павлику, и они пошли домой.

Только дошли они до своего дома — вдруг мама идет. Мама удивилась, что Павлик идет по улице, взяла его на руки, принесла домой.

Дома она его немножко побранила. Она сказала:

— Ах ты, противный мальчишка, зачем ты убежал на улицу?

Павлик сказал:

— Я хотел у почтальона взять моего Бубенчика. А то мой Бубенчик пропал, и, наверно, его взял почтальон.

Мама сказала:

— Что за глупости! Почтальоны никогда не берут кошек. Вон твой Бубенчик — сидит на шкафу.

Павлик говорит:

— Вот так номер. Смотрите, куда прыгнула моя дрессированная кошечка.

Мама говорит:

— Наверно, ты, противный мальчишка, ее мучил, вот она и забралась на шкаф.

Вдруг проснулась бабушка. Бабушка, не зная, что случилось, говорит маме:

— Сегодня Павлик очень тихо и хорошо себя вел. И даже меня не разбудил.

Надо за это дать ему конфетку.

Мама говорит:

— Ему не конфетку надо дать, а в угол носом поставить. Он сегодня убежал на улицу.

Бабушка говорит:

— Вот так номер.

Вдруг приходит папа. Папа хотел рассердиться, зачем мальчик убежал на улицу. Но Павлик подал папе письмо.

Папа говорит:

— Это письмо не мне, а бабушке.

Вот бабушка надела очки на нос и стала читать письмо.

Потом она говорит:

— В городе Москве у моей младшей дочери родился еще один ребенок.

Павлик говорит:

— Наверно, родился боевой ребенок. И наверно, он будет начальник милиции.

Тут все засмеялись и сели обедать.

На первое был суп с рисом. На второе — котлеты. На третье был кисель.

Кошка Бубенчик долго глядела со своего шкафа, как Павлик кушает. Потом не вытерпела и тоже решила немножко покушать.

Она прыгнула со шкафа на комод, с комода на стул, со стула на пол.

И тогда Павлик дал ей немножко супу и немножко киселя.

И кошка была очень этим довольна.

К. УШИНСКИЙ

Бодливая корова

Была у нас корова, да такая характерная, бодливая, что беда! Может быть, потому и молока у нее было мало.

Помучились с ней и мать, и сестры. Бывало, прогонят в стадо, а она или домой в полдень придет, или в житах очутится, — иди, выручай!

Особенно, когда бывал у нее теленок — удержу нет! Раз даже весь хлев рогами разворотила, к теленку билась, а рога-то у нее были длинные да прямые. Уж не раз собирался отец ей рога отпилить, да как-то все откладывал, будто что предчувствовал старый.

А какая была увертливая да прыткая! Как поднимет хвост, опустит голову, да махнет, — так и на лошади не догонишь.

Вот раз летом прибежала она от пастуха, еще задолго до вечера: было у ней дома теля. Подоила мать корову, выпустила теля и говорит сестре — девочке эдак лет двенадцати:

— Погони, Феня, их к речке, пусть на бережку пасутся, да смотри, чтоб в жито не затесались. До ночи еще далеко, что им без толку стоять.

Взяла Феня хворостину, погнала и теля, и корову; пригнала на бережок, пустила пастись, а сама под вербой села и стала веноч плести из васильков, что по дороге во ржи нарвала; плетет и песенку поет.

Слышит Феня, что-то в лозняке зашуршало, а речка-то с обоих берегов густым лозняком обросла.

Глядит Феня — что-то серое сквозь густой лозняк продирается, и покажись глупой девочке, что это наша собака Серко. Известно, волк на собаку совсем похож, только шея неповоротливая, хвост палкой, морда понурая, и глаза блестят; но Феня волка никогда вблизи не видала.

Стала уже Феня собаку манить:

— Серко, Серко! — как смотрит — теленок, а за ним корова несутся прямо на нее, как бешеные. Феня вскочила, прижалась к вербе, не знает, что делать; теленок к ней, а корова их обоих задом к дереву прижала, голову наклонила, ревет, передними копытами землю роет, рога-то прямо волку наставила.

Феня перепугалась, обхватила дерево обеими руками, кричать хочет — голосу нет. А волк прямо на корову кинулся, да и отскочил — с первого раза, видно, задела его рогом. Видит волк, что нахрапом ничего не возьмешь, и стал он кидаться то с той, то с другой стороны, чтобы как-нибудь сбоку в корову вцепиться, или теля отхватить, — только куда не кинется, везде рога ему навстречу.

Феня все еще не догадывается, в чем дело, хотела бежать, да корова не пускает, так и жмет к дереву.

Стала тут девочка кричать, на помощь звать... Наш казак пахал тут на взгорке, услышал, что и корова-то ревет, и девочка кричит, кинул соху и прибежал на крик.

Видит казак, что делается, да не смеет с голыми руками на волка сунуться — такой он был большой да остервенелый; стал казак сына кликать, что пахал тут же на поле.

Как завидел волк, что люди бегут, — унялся, огрызнулся еще раз, два, завыл да и в лозняк.

Феню казаки едва домой довели — так перепугалась девочка.

Порадовался тогда отец, что не отпилит короле рогов.

С. ВОРОНИН

Воинственный Жако

Жако появился в нашей семье в прошлом году. Его привез мой друг — моряк торгового флота. Он, пожалуй, во всех странах мира перебивал. В прошлом году был в Африке. И как только вернулся, сразу же пришел ко мне.

— Давно я хотел тебе подарить что-нибудь необыкновенное, — сказал он, — и вот, принес попугая.

С этими словами он снял с большого пакета бумагу, там оказалась клетка, а в клетке крупная птица серого цвета, с алым хвостом и большим, изогнутым клювом.

— Это жако, такая порода. Очень умная птица. Научить ее говорить ничего не стоит, но я, к сожалению, не мог этим заняться: некогда было. У тебя же, надеюсь, время найдется.

Он почему-то считает, что если я писатель, то у меня уйма свободного времени. На самом же деле мне всегда не хватает времени: столько еще не написано задуманных книг. Но я промолчал, удивленно и радостно разглядывая подарок.

— Ты не бойся, это очень умная и аккуратная птица. Жако можно выпускать из клетки, он ничего не сломает и не разобьет. Жаль только, что я не научил его говорить, но, надеюсь, ты с этим легко справишься.

Мы посидели с другом, поговорили, а потом он ушел, и все мои домочадцы: мама, жена и дочь — собрались возле попугая.

— Жако, — сказала дочь попугаю. — Жако... Жако...

Попугай скосил на нее желтый зрачок и вдруг совершенно четко и громко сказал: — Жако!

Это было удивительно. Мы засмеялись. Дочь, конечно, громче всех — ей всего шесть лет.

— Жако, — сказал еще раз попугай и отвернулся от нас: ему, наверно, не понравился наш смех; но тут же снова повернулся к нам и еще громче сказал, даже не сказал, а закричал: — Жако, Жако, Жако, Жако, Жако, Жако!..

Он раз сто прокричал это слово, и никак его невозможно было остановить. Кричит и кричит. Даже надоел нам. И мы решили пока больше никаким словом его не обучать.

Моя мама очень любит пить чай. По несколько раз в день ставит чайник на газовую плиту, и как только он закипит, приходит ко мне в кабинет и спрашивает:

— Чаю хочешь?

Иногда я иду, другой раз не иду, но дело не в этом, а в том, что Жако быстро подхватил мамины слова и к месту и не к месту стал спрашивать: «Чаю хочешь?» И до того это у него ловко получалось, что я отрывался от пишущей машинки и шел пить чай, думая, что это мама меня зовет, и только в столовой, не видя ни мамы, ни чайника на столе, понимал, что это меня пригласил Жако.

Ко мне часто приходят товарищи. Ну, и, как всегда при встрече, спрашивают:

— Как поживаешь?

Жако и это запомнил. И не успевал еще гость раздеться, как попугай уже кричал:

— Как поживаешь?

И случалось, что мой товарищ совершенно серьезно отвечал, думая, что это я его спрашиваю:

— Да ничего, живу, — и вешал пальто на вешалку.

А Жако продолжал быть внимательным и вежливым хозяином. Он спрашивал:

— Чаю хочешь?

— Ну, если у тебя ничего нет другого, то можно и чаю, — отвечал мой товарищ и входил в кабинет — и прямо-таки замирал на месте от удивления, не видя в нем людей, и поскорее шел на кухню или в столовую, разыскивая меня, потому что ему становилось даже страшно от такого разговора, который заводил с ним попугай.

Однажды пришла к нам соседка, очень серьезная тетя. Она уезжала на юг — покупаться в Черном море — и очень просила на время взять ее кота, чтобы он пожил у нас.

— С удовольствием, — сказала моя жена. — Только я не знаю, ведь у нас Жако. Как бы кот не растерзал его!

— Ну что вы! — сказала соседка и даже пожала плечами от недоумения: как это, мол, так, что моя жена не знает, какой у нее хороший кот. — Мой Вася очень воспитанный. Он ни за что не тронет вашего Жако, даже если бы это был и не попугай, а самый нежный цыпленок. Возьмите Васю, я вас очень-очень прошу...

Жена взяла.

Если бы я слышал этот разговор, я бы никогда не разрешил жене взять кота. Однажды летом я видел, как большой рыжий кот напал на молодого голубя. Он прыгнул на него из-за кустов, в то время как голубь купался в лужице дождевой воды. Кот схватил его за горло и потащил в заросли. И загрыз его там.

Я бы, конечно, никогда не допустил в квартиру кота, хоть даже и такого воспитанного, как соседкин Вася. Но я ничего не знал. Сидел и писал свою книгу.

А в это время кот стал ходить по квартире, все обнюхивать, осматривать, как все равно какой-нибудь ревизор, несколько раз мяукнул, не то одобряя наши порядки, не то осуждая.

Так он обошел кухню, потом столовую и вошел ко мне в кабинет.

Я сидел и писал и не видал, как он вошел, а Жако спокойно прогуливался по полу, изредка приглашая меня пить чай и напоминая, что его зовут Жако, хотя я и так прекрасно знал, как его зовут.

Сначала я не заметил кота, а когда увидел его, то весь похолодел от ужаса. Вася, этот воспитанный, по заверениям нашей соседки, кот, припал к полу, шевелил возбужденно кончиком хвоста, глаза у него сверкали от кровожадного желания, и весь он готов был к прыжку на беспечно гулявшего Жако. Мне сразу вспомнился тот рыжий кот, напавший на голубя, — я хотел закричать, запустить чем-нибудь увесистым в этого воспитанного Васю, как вдруг сам Жако подскочил к коту, ударил его по голове своим тяжелым изогнутым клювом и спросил:

— Чаю хочешь?

Кот, впервые в своей кошачьей жизни услышав от птицы человеческую речь, настолько был ошеломлен, что даже перестал шевелить кончиком хвоста.

А Жако еще раз ударил его клювом по голове и вежливо спросил:

— Как поживаешь?

Тут кот совершенно растерялся, заорал и, подняв шерсть дыбом, а хвост трубой, бросился под диван и не вылезал оттуда до тех пор, пока не приехала соседка. Так что и кормить его нам приходилось под диваном.

— Ну что, не правда ли, мой Вася очень воспитанный кот? — сказала соседка, прижимая Васю к груди. — Надеюсь, он вашу птицу не тронул?

— Нет-нет, — поспешил я успокоить соседку.

— Ну вот видите, а вы... — Но что «вы», она не успела досказать.

В это время из кабинета раздался громкий голос Жако.

— Чаю хочешь?

Потом Жако выбежал к нам.

— Как поживаешь? — крикнул он.

И кот, этот воспитанный Вася, заорал и стал вырываться из рук соседки. Он даже царапал ее.

Не знаю, чем бы все это кончилось, может, он и вырвался бы и опять забился под диван, но соседка внимательно посмотрела на воинственно стоящего Жако, что-то сообразила и, даже не поблагодарив нас, быстро ушла в свою квартиру.

Летом, как всегда, мы выезжаем на дачу. Выехали и теперь. И вот однажды я сидел у окна и читал, а Жако важно прогуливался по подоконнику и поглядывал в сад. К этому времени он уже много знал слов: «Папа, папа!», «Здравствуйте!», «До свидания!», «Плохая погода!», «Опять дождь», «Сегодня солнышко! Сегодня солнышко!..»

Так вот, я читал, а Жако смотрел в сад и покрикивал:

— Вот я вас! Вот я вас!

Это он кричал на кур, забравшихся в огород. И тут же раздавалось всполохнутое кудахтанье — куры бежали в разные стороны.

— До чего же умная птица! — донесся до меня восхищенный голос хозяйки из сада. — Пошли вон! Кш-ш-ш! Вот я вас!

— Вот я вас! Вот я вас! — кричал Жако.

— Вы знаете, я теперь могу быть совершенно спокойна за огород. Лучшего сторожа и не придумать, — говорила хозяйка моей жене. — Умница! Умница! Удивительная птица!

А Жако, будто эти слова его и не касались, важно прогуливался по подоконнику и зорко посматривал в сад.

— Пошли вон! Вот я вас! — закричал он однажды на клуху с цыплятами. Но клуха и не подумала уходить. Она нашла зернышко и звала к себе цыплят. Цыплята побежали к ней.

— Вот я вас! — крикнул еще раз Жако и слетел в сад, чтобы выгнать клуху с цыплятами вон.

Но тут по земле мелькнула черная тень, послышалось громкое хлопанье крыльев, и я услышал голос Жако. Он быстро и возбужденно кричал:

— Папа! Папа! Как поживаешь? Чаю хочешь?

Я высунулся в окно и увидел насевшего на Жако коричневого коршуна. Одной лапой коршун вцепился ему в грудь, другой нацеливался в голову. Жако, прикрывая собой клуху с цыплятами, отбивался от него клювом и звал на помощь.

Недолго думая, я выскочил в окно. Коршун, увидя меня, со злым клетотом взмыл в небо.

— Разбойник! — крикнул я и бросил ему вслед подвернувшееся под руку дочкино ведерко.

— Разбойник! — крикнул Жако и, хромя, бросился ко мне. Я взял его на руки. У Жако алым был не только хвост, но и грудь. Грудь была алой от крови.

— Бедный Жако! — сказал я, бережно прижимая его к себе. — Храбрый Жако!

— Папа! Папа! Здравствуйте! До свидания! Пошли вон! Разбойник!

Дочка бежала рядом со мной и плакала от жалости к Жако. Бабушка ругала злого коршуна.

Мы обмыли Жако грудку — с нее были сорваны перья, и на теле виднелись следы когтей коршуна, — дали Жако попить, накололи орешков и поместили в клетку.

Я несколько раз подходил к нему. Жако внимательно посматривал на меня и молчал.

Мы очень боялись, как бы он не умер. Но все обошлось хорошо. Раны на его груди зажили, и уже через два дня он опять сидел на подоконнике, кричал на кур, если они забирались в огород, но на землю не спускался.

Зато Жако не пропускал ни одной летящей над огородом птицы, даже воробья. Тут Жако воинственно подсакивал и кричал:

— Разбойник! Разбойник! — и при этом громко щелкал своим сильным изогнутым клювом.

С. ГЕОРГИЕВ

БАБУШКИН САДИК

Вообще-то свой детский сад Санька всегда любил. Но вот однажды вечером он ни с того ни с сего заявил:

— Я в садик больше ходить не стану! Никогда-никогда!

— Это почему же ты так решил? — удивилась бабушка.

— Да надоело, — просто объяснил Санька. — Потому что я уже вырос.

— Замечательно! — неожиданно очень обрадовалась бабушка. — Вот и правильно, вот и не ходи! Это ты хорошо придумал, Санюшка!

Бабушка тут же позвала Санькиных маму и папу.

— С завтрашнего дня, — сказала она им, — я на работу не хожу!

— Мы с бабушкой дома играть будем, — подсказал Санька.

— Нет! — покачала бабушка в воздухе пальцем. — Дома я не останусь! Я на свою прежнюю работу не пойду, а буду работать в детском садике ребенком вместо нашего Саньки! Запишусь в среднюю группу!

— Вот как? — почесал в затылке Санькин папа. — Завидую... от всей души завидую...

— А Санька? — ничего не поняла мама.

— Санька у нас уже вырос, что ему в садике делать, — нетерпеливо махнула рукой бабушка и вытащила свой рабочий красный блокнот. — Значит, так... С самого утра я вдоволь наиграюсь в прятки с Костиком, Наташей и Леночкой!

— Бабушка, а я? — напомнил о себе Санька.

— Ты, Санька, заберешь меня вечером из садика, — подняла глаза от блокнота бабушка.

— Приготовишь ужин, — напомнил папа.

— Поможешь Жене выучить уроки, — добавила мама.

— Так, а у меня, — продолжала бабушка, — катание с горки, игра в снежки... Затем с Игорьком лепим снеговика! Нет, двух снеговиков! Потом раскрашиваем картинки, это уже после прогулки... Затем...

— Бабушка, — Санька робко тронул ее за локоть. — Бабуля!

— Но это еще не все! — Бабушка радостно сверкнула глазами. — Впереди самое главное!

— Бабушка, я боюсь, тебе не справиться... — грустно вздохнул Санька. — Ты знаешь, как это трудно — слепить снеговика... Тем более двух...

— Что же делать? — задумалась бабушка.

— Я знаю, — сказал Санька. — Я тебе помогу немного... Только в самом трудном... Ладно уж, я вместо тебя пойду в садик.

По воскресеньям, когда они всей семьей по дороге в парк проходят мимо знакомого заборчика, Санька всегда с гордостью говорит:

— Знаете, это ведь бабушкин садик. Да! А я сюда хожу только так, бабушке помогаю.

Н. НОСОВ

Заплата

У Бобки были замечательные штаны: зеленые, вернее сказать, защитного цвета. Бобка их очень любил и всегда хвастался:

— Смотрите, ребята, какие у меня штаны. Солдатские!

Все ребята, конечно, завидовали. Ни у кого больше таких зеленых штанов не было.

Однажды Бобка полез через забор, зацепился за гвоздь и порвал эти замечательные штаны. От досады он чуть не заплакал, пошел поскорее домой и стал просить маму зашить.

Мама рассердилась:

— Ты будешь по заборам лазить, штаны рвать, а я зашивать должна!

— Я больше не буду! Зашей, мама!

— Сам зашей.

— Так я же ведь не умею!

— Сумел порвать, сумей и зашить.

— Ну, я так буду ходить, — проворчал Бобка и пошел во двор.

Ребята увидели, что у него на штанах дырка, и стали смеяться.

— Какой же ты солдат, — говорят, — если у тебя штаны порваны?

А Бобка оправдывается:

— Я просил маму зашить, а она не хочет.

— Разве солдатам мамы штаны зашивают? — говорят ребята. — Солдат сам должен уметь все делать: и заплатку поставить и пуговицу пришить.

Бобке стало стыдно. Пошел он домой, попросил у мамы иголку, нитку и лоскуток зеленой материи. Из материи он вырезал заплатку величиной с огурец и начал пришивать ее к штанам.

Дело это было нелегкое. К тому же Бобка очень спешил и колол себе пальцы иголкой.

— Чего ты колешься? Ах ты, противная! — говорил Бобка иголке и старался схватить ее за самый кончик, так чтоб не уколоться.

Наконец заплатка была пришита. Она торчала на штанах, словно сушеный гриб, а материя вокруг сморщилась так, что одна штанина даже стала короче.

— Ну, куда же это годится? — ворчал Бобка, разглядывая штаны. — Еще хуже, чем было! Придется все наново переделывать.

Он взял ножик и отпорол заплатку. Потом расправил ее, опять приложил к штанам, хорошенько обвел вокруг заплатки чернильным карандашом и стал пришивать ее снова.

Теперь он шил не спеша, аккуратно, и все время следил, чтобы заплатка не вылезала за черту. Он долго возился, сопел и кряхтел, зато, когда все сделал, на заплатку было любо взглянуть. Она была пришита ровно, гладко и так крепко, что не отодрать и зубами.

Наконец Бобка надел штаны и вышел во двор. Ребята окружили его.

— Вот молодец! — говорили они. — А заплатка, смотрите, карандашом обведена. Сразу видно, что сам пришивал.

А Бобка вертелся во все стороны, чтобы всем было видно, и говорил:

— Эх, мне бы еще пуговицы научиться пришивать, да жаль, ни одна не оторвалась! Ну, ничего. Когда-нибудь оторвется — обязательно сам пришью.

Затейники

Мы с Валею затейники. Мы всегда затеваем какие-нибудь игры.

Один раз мы читали сказку «Три поросенка». А потом стали играть. Сначала мы бегали по комнате, прыгали и кричали:

— Нам не страшен серый волк!

Потом мама ушла в магазин, а Валя сказала:

— Давай, Петя, сделаем себе домик, как у тех поросят, что в сказке.

Мы стащили с кровати одеяло и завесили им стол. Вот и получился дом. Мы залезли в него, а там темно-темно!

Валя говорит:

— Вот и хорошо, что у нас свой дом! Мы всегда будем здесь жить и никого к себе не пустим, а если серый волк придет, мы его прогоним.

Я говорю:

— Жалко, что у нас в домике нет окон, очень темно!

— Ничего, — говорит Валя. — У поросят ведь домики бывают без окон.

Я спрашиваю:

— А ты меня видишь?

— Нет, а ты меня?

— И я, — говорю, — нет. Я даже себя не вижу.

Вдруг меня кто-то как схватит за ногу! Я как закричу! Выскочил из-под стола, а Валя за мной!

— Что ты? — спрашивает.

— Меня, — говорю, — кто-то схватил за ногу. Может быть, серый волк?

Валя испугалась и бегом из комнаты. Я — за ней. Выбежали в коридор и дверь захлопнули.

— Давай, — говорю, — дверь держать, чтобы он не открыл.

Держали мы дверь, держали. Валя и говорит:

— Может быть, там никого нет?

Я говорю:

— А кто же тогда меня за ногу трогал?

— Это я, — говорит Валя, — я хотела узнать, где ты.

— Чего же ты раньше не сказала?

— Я, — говорит, — испугалась. Ты меня испугал.

Открыли мы дверь. В комнате никого нет. А к столу подойти все-таки боимся: вдруг из-под него серый волк вылезет!

Я говорю:
— Пойди сними одеяло.
А Валя говорит:
— Нет, ты пойдти!
Я говорю:
— Там же никого нет.
— А может быть, есть!
Я подкрался на цыпочках к столу, дернул за край одеяла и бегом к двери. Одеяло упало, а под столом никого нет. Мы обрадовались. Хотели починить домик, только Валя говорит:
— Вдруг опять кто-нибудь за ногу схватит!
Так и не стали больше в «три поросенка» играть.

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

НА МОРЕ

(Глава из книги «Рассказы о Белочке и Тamarочке»)

У одной мамы было две девочки.
Одна девочка была маленькая, а другая побольше. Маленькая была беленькая, а побольше — черненькая. Беленькую звали Белочка, а черненькую Тamarочка.
Девочки эти были очень непослушные.
Летом они жили на даче.
Вот они раз приходят и говорят:
— Мама, а мама, можно нам сходить на море — покупаться?
А мама им отвечает:
— С кем же вы пойдете, доченьки? Я идти не могу. Я занята. Мне надо обед готовить.
— А мы, — говорят, — одни пойддем.
— Как это одни?
— Да так. Возьмемся за руки и пойддем.
— А вы не заблудитесь?
— Нет, нет, не заблудимся, не бойся. Мы все улицы знаем.
— Ну, хорошо, идите, — говорит мама. — Но только смотрите, купаться я вам запрещаю. По воде босичком походить — это можете. В песочек поиграть — это пожалуйста. А купаться — ни-ни.
Девочки ей обещали, что купаться не будут.
Взяли они с собой лопатку, формочки и маленький кружевной зонтик и пошли на море.
А у них были очень нарядные платьица. У Белочки было платьице розовенькое с голубеньким бантиком, а у Тamarочки — наоборот — платьице было голубенькое, а бант розовый. Но зато у них у обеих были совсем одинаковые синенькие испанские шапочки с красными кисточками.

Когда они шли по улице, все останавливались и говорили:
— Вы посмотрите, какие красивые барышни идут!
А девочкам это приятно. Они еще и зонтик над головой раскрыли: чтобы еще красивее было.
Вот они пришли на море. Стали сначала играть в песочек. Стали колодцы копать, песочные пирожки стряпать, песочные домики строить, песочных человечков лепить...
Играли они, играли — и стало им очень жарко.
Тamarочка говорит:
— Знаешь что, Белочка? Давай выкупаемся!
А Белочка говорит:
— Ну что ты! Ведь мама нам не позволила.
— Ничего, — говорит Тamarочка. — Мы потихоньку. Мама и не узнает даже. Девочки они были очень непослушные.
Вот они быстренько разделись, сложили свою одежду под деревом и побежали в воду.
А пока они там купались, пришел вор и украл всю их одежду. И платьица украл, и штанишки украл, и рубашки, и сандалики, и даже испанские шапочки с красными кисточками украл. Оставил он только маленький кружевной зонтик и формочки. Зонтик ему не нужен — он ведь вор, а не барышня, а формочки он просто не заметил. Они в стороне лежали — под деревом.
А девочки и не видели ничего. Они там купались — бегали, брызгались, плавали, ныряли... А вор в это время тащил их белье.
Вот девочки выскочили из воды и бегут одеваться. Прибегают и видят — ничего нет: ни платьиц, ни штанишек, ни рубашек. Даже испанские шапочки с красными кисточками пропали.
Девочки думают: «Может быть, мы не на то место пришли? Может быть, мы под другим деревом раздевались?»
Но — нет. Видят — и зонтик здесь, и формочки здесь.
Значит, они здесь раздевались, под этим деревом.
И тут они поняли, что у них одежду украли. Сели они под деревом на песочек и стали громко рыдать.
Белочка говорит:
— Тamarочка! Милая! Зачем мы мамочку не послушались! Зачем мы купаться пошли! Как же мы с тобой теперь домой попадем?
А Тamarочка и сама не знает. Ведь у них даже трусов не осталось. Неужели им домой голыми придется идти?
А дело уже к вечеру было. Уж холодно стало. Ветер начинал дуть.
Видят девочки — делать нечего, надо идти. Озябли девочки, посинели, дрожат. Подумали они, посидели, поплакали и пошли домой.
А дом у них был далеко. Нужно было идти через три улицы.

Вот видят люди: идут по улице две девочки. Одна девочка маленькая, а другая — побольше. Маленькая девочка — беленькая, а побольше — черненькая. Беленькая зонтик несет, а у черненькой в руках сетка с формочками.

И обе девочки идут совершенно голые.

И все на них смотрят, все удивляются, пальцами показывают.

— Смотрите, — говорят, — какие смешные девчонки идут!

А девочкам это неприятно. Разве приятно, когда все на тебя пальцами показывают?!

Вдруг видят — стоит на углу милиционер. Фуражка у него белая, рубашка белая и даже перчатки на руках — тоже беленькие.

Он видит — идет толпа.

Он вынимает свисток и свистит. Тогда все останавливаются. И девочки останавливаются. И милиционер спрашивает:

— Что случилось, товарищи?

А ему отвечают:

— Вы знаете, что случилось? Голые девочки по улицам ходят.

Он говорит:

— Эт-то что такое? А?! Кто вам позволил, гражданки, голышом по улицам бегать?

А девочки так испугались, что и сказать ничего не могут. Стоят и сопят, как будто у них насморк.

Милиционер говорит:

— Вы разве не знаете, что по улицам бегать голышом нельзя? А?! Хотите я вас за это сейчас в милицию отведу? А?

А девочки еще больше испугались и говорят:

— Нет, не хотим. Не надо, пожалуйста. Мы не виноваты. Нас обокрали.

— Кто вас обокрал?

Девочки говорят:

— Мы не знаем. Мы в море купались, а он пришел и украл всю нашу одежду.

— Ах вот оно как! — сказал милиционер.

Потом подумал, спрятал обратно свисток и говорит:

— Вы где живете, девочки?

Они говорят:

— Мы вот за тем углом — в зелененькой дачке живем.

— Ну, вот что, — сказал милиционер. — Бегите тогда скорей на свою зелененькую дачку. Наденьте на себя что-нибудь теплое. И никогда больше голые по улицам не бегайте...

Девочки так обрадовались, что ничего не сказали и побежали домой.

А в это время их мама накрывала в саду на стол.

И вдруг она видит — бегут ее девочки: Белочка и Тamarочка. И обе они совсем голые.

Мама так испугалась, что уронила даже глубокую тарелку.

Мама говорит:

— Девочки! Что это с вами? Почему вы голые?

А Белочка ей кричит:

— Mamочка! Знаешь, — нас обокрали!!!

— Как обокрали? Кто же вас раздел?

— Мы сами ourselves.

— А зачем же вы раздевались? — спрашивает мама.

А девочки и сказать ничего не могут. Стоят и сопят.

— Вы что? — говорит мама. — Вы, значит, купались?

— Да, — говорят девочки. — Немножко купались.

Мама тут рассердилась и говорит:

— Ах вы, негодницы этикие! Ах вы, непослушные девчонки! Во что же я вас теперь одевать буду? Ведь у меня же все платья в стирке...

Потом говорит:

— Ну, хорошо! В наказание вы у меня теперь всю жизнь так ходить будете.

Девочки испугались и говорят:

— А если дождь?

— Ничего, — говорит мама, — у вас зонтик есть.

— А зимой?

— И зимой так ходите.

Белочка заплакала и говорит:

— Mamочка! А куда ж я платок носовой класть буду? У меня ж ни одного кармашка не осталось.

Вдруг открывается калитка и входит милиционер. И несет какой-то беленький узелок.

Он говорит:

— Это здесь девочки живут, которые по улицам голые бегают?

Мама говорит:

— Да, да, товарищ милиционер. Вот они, эти непослушные девчонки.

Милиционер говорит:

— Тогда вот что. Тогда получайте скорей ваши вещи. Я вора поймал.

Развязал милиционер узелок, а там — что вы думаете? Там все их вещи: и голубенькое платьице с розовым бантом, и розовенькое платьице с голубым бантом, и сандалики, и чулочки, и трусики. И даже платки носовые в кармашках лежат.

— А где же испанские шапочки? — спрашивает Белочка.

— А испанские шапочки я вам не отдам, — говорит милиционер.

— А почему?

— А потому, — говорит милиционер, — что такие шапочки могут носить только очень хорошие дети... А вы, как я вижу, не очень хорошие...

— Да, да, — говорит мама. — Не отдавайте им, пожалуйста, этих шапочек, пока они маму слушаться не будут.

— Будете маму слушаться? — спрашивает милиционер.

— Будем, будем! — закричали Белочка и Тamarочка.

— Ну, смотрите, — сказал милиционер. — Я завтра приду... Узнаю. Так и ушел. И шапочки унес.
А что завтра было — еще неизвестно. Ведь завтра-то — его еще не было. Завтра — оно завтра будет.

В. БИАНКИ

Подкидыш

Мальчишки разорили гнездо каменки, разбили ее яички. Из разбитых скорлупок выпали голые, слепенькие птенчики. Только одно из шести яичек мне удалось отобрать у мальчишек целым. Я решил спасти спрятанного в нем птенчика. Но как это сделать?

Кто выведет его из яйца? Кто вскормит?

Я знал неподалеку гнездо другой птички — пеночки-пересмешки. Она только что отложила свое четвертое яичко. Но примет ли пересмешка подкидыша?

Яйцо каменки чисто-голубое. Оно больше и совсем не похоже на яички пересмешки: те розовые с черными точечками. И что будет с птенцом каменки? Ведь он вот-вот должен выйти из яйца, а маленькие пересмешки выклюнутся только еще дней через двенадцать. Станет ли пересмешка выкармливать подкидыша?

Гнездо пересмешки помещалось на березе так невысоко, что я мог достать его рукой. Когда я подошел к березе, пересмешка слетела с гнезда. Она порхала по ветвям соседних деревьев и жалобно посвистывала, словно умоляла не трогать ее гнезда. Я положил голубое яичко к ее малиновым, отошел и спрятался за куст.

Пересмешка долго не возвращалась к гнезду. А когда, наконец, подлетела, не сразу уселась в него: видно было, что она с недоверием разглядывает чужое голубое яйцо. Но все-таки она села в гнездо. Значит, приняла чужое яйцо. Подкидыш стал приемышем.

Но что будет завтра, когда маленькая каменка выклюнется из яйца? Когда утром на следующий день я подошел к березе, с одной стороны гнезда торчал носик, с другой — хвост пересмешки. Сидит!

Когда она слетела, я заглянул в гнездо. Там было четыре розовых яичка и рядом с ними — голый слепенький птенчик каменки. Я спрятался и скоро увидел, как прилетела пересмешка с гусеничкой в клюве и сунула ее в рот маленькой каменке. Теперь я был уже почти уверен, что пересмешка выкормит моего подкидыша.

Прошло шесть дней. Я каждый день подходил к гнезду и каждый раз видел торчащие из гнезда клювик и хвост пересмешки. Очень меня удивляло, как она попевает и каменку кормить, и высиживать свои яйца. Я скорей отходил прочь, чтоб не помешать ей в этом важном деле.

На седьмой день не торчали над гнездом ни клювик, ни хвост. И я подумал: «Все кончено! Пересмешка покинула гнездо. Маленькая каменка умерла с голоду». Но нет, в гнезде лежала живая каменка! Она спала и даже не тянула вверх

головку, не разевала рта: значит, была сыта. Она так выросла за эти дни, что покрывала своим тельцем чуть видные из-под нее розовые яички. Тогда я догадался, что приемыш так отблагодарил свою новую мать: теплотой своего тельца он грел ее яички и высиживал ее птенцов.

Так оно и было. Пересмешка кормила приемыша, приемыш высиживал ее птенцов. Он вырос и вылетел из гнезда у меня на глазах. И как раз к этому времени выклюнулись птенчики из розовых яичек. Пересмешка принялась выкармливать своих родных птенцов, и выкормила их на славу.

Н. СЛАДКОВ

Неслух

Медведицы — строгие матери. А медвежата — неслухи. Пока еще сосут — сами сзади бегают, в ногах путаются. А подрастут — беда!

Медведицы любят в холодке подремать. А весело ли медвежатам слушать их сонное сопенье, когда кругом столько заманчивых шорохов, пискков, песен!

От цветка к кусту, от куста к дереву — и забредут...

Вот такого неслуха, удравшего от матери, я однажды и встретил в лесу.

Я сидел у ручья и макал сухарь в воду. Был я голодный, а сухарь был жесткий — потому трудился я над ним очень долго. Так долго, что лесным жителям надоело ждать, пока я уйду, и они стали вылезать из своих тайничков.

Вот вылезли на пень два зверька — полчка. В камнях запищали мыши — видно, подрались. И вдруг на полянку выскочил медвежонок.

Медвежонок как медвежонок: головастый, губастый, неловкий.

Увидел медвежонок пень, взбрыкнул курдючком — и боком, с подскоком прямо к нему. Полчки — в норку, да что за беда! Медвежонок хорошо помнил, какими вкусными вещами угощала его мать у каждого такого пня. Успевай только облизываться.

Обошел мишка пень слева — никого нет. Заглянул справа — никого. Сунул нос в щель — полчками пахнет. Влез на пень, поцарапал пень лапой. Пень как пень.

Растерялся мишка, притих. Оглянулся кругом.

А кругом лес. Густой, темный. В лесу шорохи. Слез мишка с пня и потрусил дальше.

На пути — камень. Повеселел мишка — дело знакомое! Подсунул лапу под камень, уперся, нажал плечом. Подался камень, пискнули под ним испуганные мышата.

Бросил мишка камень да обеими лапами под него. Поторопился: камень упал и придавил мишке лапу. Взвыл мишка, затряс больной лапой. Потом полизал, полизал ее, да и похромал дальше.

Плетется, по сторонам больше не глазеет — под ноги смотрит. И видит: гриб.

Пуглив стал мишка. Обошел гриб кругом. Глазами видит: гриб, можно съесть. А носом чует: плохой гриб, нельзя есть! А есть хочется.

Рассердился мишка да как треснет по грибу здоровой лапой! Лопнул гриб. Пыль из него фонтаном, желтая, едкая, прямо мишке в нос.

Это был гриб-пыхтун. Зачихал мишка, закашлял. Потом протер глаза, сел на задок и завыл тихо-тихонечко.

А кто услышит? Кругом лес. Густой, темный. В лесу шорохи. И вдруг — плюх! Лягушка!

Мишка правой лапой — лягушка влево. Мишка левой лапой — лягушка вправо. Нацелился мишка, рванулся вперед и подмял лягушку под себя. Зацепил лапой, вытащил из-под брюха. Тут бы ему и съесть с аппетитом лягушку — первую свою добычу. А ему, дурачку, только бы играть.

Повалился на спину, катается с лягушкой, сопит, взвизгивает, будто его под мышками щекочут. То подкинет лягушку, то из лапы в лапу перекинёт. Играл, играл, да и потерял лягушку.

Обнюхал траву кругом — нет лягушки. Брякнулся мишка на задок, разинул рот, чтоб заорать, да и остался с открытым ртом: из-за кустов на него глядела старая медведица.

Медвежонок очень обрадовался своей мохнатой мамаше: уж она-то приласкает его и лягушку ему найдет.

Жалостно скуля и прихрамывая, он потрусил ей навстречу. Да вдруг получил такую затрещину, что разом сунулся носом в землю.

Вот так приласкала!

Обозлился мишка, вскинулся на дыбки, рывкнул на мать. Рывкнул — и опять покатился в траву от оплеухи. Видит, плохо дело! Вскочил — и бегом в кусты. Медведица — за ним.

Долго слышал я, как трещали сучья и как рывкал медвежонок от мамашиних затрещин.

«Ишь, как уму да осторожности его учит!» — подумал я.

Убежали медведи, так меня и не заметили. А впрочем, кто их знает.

Кругом лес. Густой, темный. В лесу шорохи. Лучше уйти поскорей: ружья-то у меня нету.

Литературные сказки

М. ГОРЬКИЙ

Воробьишко

У воробьев совсем так же, как у людей: взрослые воробьи и воробьихи — пичужки скучные и обо всем говорят, как в книжках написано, а молодежь — живет своим умом.

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани, за верхним наличником, в теплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких

материалов. Летать он еще не пробовал, но уже крыльями махал и все выглядел из гнезда: хотелось поскорее узнать — что такое божий мир и годится ли он для него?

— Что, что? — спрашивала его воробьиха-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

— Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудик и хвастался:

— Чив ли я?

Мама-воробьиха одобряла его:

— Чив, чив!

А Пудик глотал букашек и думал: «Чем чванятся — червяка с ножками дали — чудо!» И все высовывался из гнезда, все разглядывал.

— Чадо, чадо, — беспокоилась мать, — смотри — чебурахнешься!

— Чем, чем? — спрашивал Пудик.

— Да не чем, а упадешь на землю, кошка — чик! — и слопают! — объяснял отец, улетаая на охоту.

Так все и шло, а крылья расти не торопились. Подул однажды ветер — Пудик спрашивает:

— Что, что?

— Ветер. Дунет он на тебя — чирик! — и сбросит на землю — кошке! — объяснила мать.

Это не понравилось Пудик, он и сказал:

— А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет...

Пробовала мать объяснить ему, что это не так, но он не поверил — он любил объяснять все по-своему.

Идет мимо бани мужик, машет руками.

— Чисто крылья ему оборвала кошка, — сказал Пудик, — одни косточки остались!

— Это человек, они все бескрылые! — сказала воробьиха.

— Почему?

— У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?

— Зачем?

— Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек...

— Чушь! — сказал Пудик. — Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать, на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он еще не знал, что если маме не верить, это плохо кончится. Он сидел на самом краю гнезда и во все горло распевал стихи собственного сочинения:

Эх, бескрылый человек,

У тебя две ножки,

Хоть и очень ты велик,

Едят тебя мошки!

А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.

Пел, пел да и вывалился из гнезда, а воробиха за ним, а кошка — рыжая, зеленые глаза — тут как тут.

Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на сереньких ногах и чирикает:
— Честь имею, имею честь...

А воробиха отгалкивает его в сторону, перья у нее дыбом встали — страшная, храбрая, клюв раскрыла — в глаз кошке целит.

— Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети...

Страх приподнял с земли воробьишку, он подпрыгнул, замахал крыльями — раз, раз и — на окне! Тут и мама подлетела — без хвоста, но в большой радости, села рядом с ним, клюнула его в затылок и говорит:

— Что, что?

— Ну что ж! — сказал Пудик. — Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробихины перья, смотрит на них — рыжая, зеленые глаза — и сожалительно мяукает:

— Мя-а-аконький такой воробушек, словно мы-ышка... мя-увы...

И все кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста...

В. ОСЕЕВА

ВОЛШЕБНАЯ ИГОЛОЧКА

Жила-была Машенька-рукодельница, и была у нее волшебная иголочка. Сошьет Маша платье — само себя платье стирает и гладит. Разошьет скатерть пряниками да конфетками, постелит на стол, глядь — и впрямь сладости появляются на столе. Любила Маша свою иголочку, берегла ее пуще глаза и все-таки не уберегла. Пошла как-то в лес по ягоды и потеряла. Искала, искала, все кустики обошла, всю травку обшарила — нет как нет ее игопочки. Села Машенька под деревом и давай плакать.

Пожалел девочку Ежик, вылез из норки и дал ей свою иголку.

— Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Поблагодарила его Маша, взяла иголочку, а сама подумала: «Не такая моя была». И снова давай плакать. Увидела ее слезы высокая старая Сосна — бросила ей свою иголку.

— Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Взяла Машенька, поклонилась Сосне низко и пошла по лесу Идет, слезы утирает, а сама думает: «Не такая эта иголочка, моя лучше была». Вот повстречался ей Шелкопряд, идет — шелк прядет, весь шелковой ниткой обмотался.

— Возьми, Машенька, мой шелковый моточек, может, он тебе пригодится!

Поблагодарила его девочка и стала спрашивать:

— Шелкопряд, Шелкопряд, ты давно в лесу живешь, давно шелк прядешь, золотые нитки делаешь из шелка, не знаешь ли, где моя иголка?

Задумался Шелкопряд, покачал головой.

— Иголка твоя, Машенька, у Бабы-Яги, у Бабы-Яги — костяной ноги. В избушке на курьих ножках. Только нет туда ни пути, ни дорожки. Мудрено достать ее оттуда.

Стала Машенька просить его рассказать, где Баба-Яга — костяная нога живет. Рассказал ей все Шелкопряд:

— Идти туда надо не за солнцем, а за тучкой,

По крапивке да по колючкам,

По овражкам да по болотцу.

До самого старого колодца.

Там и птицы гнезд не вьют,

Одни жабы да змеи живут,

Да стоит избушка на курьих ножках,

Сама Баба-Яга сидит у окошка,

Вышивает себе ковер-самолет.

Горе тому, кто туда пойдет.

Не ходи, Машенька, забудь свою иголку,

Возьми лучше мой моточек шелку!

Поклонилась Машенька Шелкопряду в пояс, взяла шелку моточек и пошла, а Шелкопряд ей вслед кричит:

— Не ходи, Машенька, не ходи!

У Бабы-Яги избушка на курьих ножках.

На курьих ножках в одно окошко.

Сторожит избушку большая Сова,

Из трубы торчит Совиная голова,

Ночью Баба-Яга твоей иголкой шьет,

Вышивает себе ковер-самолет.

Горе, горе тому, кто туда пойдет!

Страшно Машеньке к Бабе-Яге идти, да жалко ей свою иголочку.

Вот выбрала она в небе темную тучку.

Повела ее тучка

По крапивке да по колючкам

До самого старого колодца,

До зеленого мутного болотца,

Туда, где жабы да змеи живут,

Туда, где птицы свои гнезда не вьют.

Видит Маша избушку на курьих ножках,

Сама Баба-Яга сидит у окошка,

А из трубы торчит Совиная голова...

Увидела Машу страшная Сова, да как заохает, закричит на весь лес:

— Ох-хо-хо-хо! Кто здесь? Кто здесь?

Испугалась Маша, подкосились у нее ноги от страха. А Сова глазами ворочает, и глаза у нее как фонари светятся, один желтый, другой зеленый, все кругом от них желто да зелено!

Видит Машенька, некуда деться ей, поклонилась Сове низко и просит:

— Позволь, Совушка, Бабу-Ягу повидать. У меня к ней дело есть!

Засмеялась Сова, захохала, а Баба-Яга ей из окошка кричит:

— Сова моя, Совушка, само жаркое к нам в печку лезет! — И говорит она девочке так ласково:

— Входи, Машенька, входи!!

Я сама тебе все двери открою,

Сама их за тобой и закрою!

Подошла Машенька к избушке и видит: одна дверь железным засовом задвинута, на другой тяжелый замок висит, на третьей литая цепь.

Бросила ей Сова три перышка.

— Открой, — говорит, — двери да входи поскорее!

Взяла Маша одно перышко, приложила к засову — открылась первая дверь, приложила второе перышко к замку — открылась вторая дверь, приложила она третье перышко к литой цепи — упала цепь на пол, открылась перед ней третья дверь! Вошла Маша в избушку и видит: сидит Баба-Яга у окошка, нитки на веретено мотает, а на полу ковер лежит, на нем крылья шелком вышиты и Машина иголочка в недошитое крыло воткнута. Бросилась Маша к иголке, а Баба-Яга как ударит помелом об пол, как закричит:

— Не трогай мой ковер-самолет! Подмети избу, наколи дров, истопи печку, вот кончу ковер, зажарю тебя и съем!

Схватила иголочку Баба-Яга, шьет и приговаривает:

— Девчонка, девчонка, завтра ночью

Ковер дошью да с Совушкой-Совой попирую,

А ты гляди, чтобы избу подмела

И сама бы в печке была! —

Молчит Машенька, не откликается,

А ночка черная уже надвигается...

Улетела чуть свет Баба-Яга, а Машенька скорей села ковер дошивать. Шьет она, шьет, головы не поднимает, уж три стебелька осталось ей дошить, как вдруг загудела вся чаща вокруг, затряслась, задрожала избушка, потемнело синее небо — возвратилась Баба-Яга и спрашивает:

— Сова моя, Совушка,

Хорошо ли ты ела и пила?

Вкусная ль девчонка была? —

Застонала, захохала Сова:

— Не ела, не пила Совиная голова,

А девчонка твоя живехонька-жива.

Печку не топила, себя не варила.

Ничем меня не кормила.

Вскочила Баба-Яга в избу, а иголочка Машеньке шепчет:

— Вынь иголочку сосновую,

Положи на ковер как новую,

Меня спрячь подальше!

Улетела опять Баба-Яга, Машенька скорей за дело принялась; шьет-вышивает, головы не поднимает, а Сова ей кричит:

— Девчонка, девчонка, почему из трубы дым не поднимается?

Отвечает ей Машенька:

— Сова моя, Совушка, плохо печь разгорается.

А сама дрова кладет, огонь разжигает.

А Сова опять:

— Девчонка, девчонка, кипит ли вода в котле?

А Машенька ей отвечает:

— Не кипит вода в котле.

Стоит котел на столе.

А сама ставит на огонь котел с водой и опять за работу садится. Шьет Машенька, шьет, так и бегают иголочка по ковру, а Сова опять кричит:

— Топи печку, я есть хочу!

Подложила Маша дров, пошел дым к Сове.

— Девчонка, девчонка! — кричит Сова. — Садись в горшок, накройся крышкой и полезай в печь!

А Маша и говорит:

— Я бы рада тебе, Совушка, угодить, да в горшке воды нет!

А сама все шьет да шьет, уж один стебелек ей остался.

Вынула у себя Сова перышко и бросила ей в окошко.

— На, открой дверь, сходи за водой, да смотри мне, коль увижу, что ты бежать собираешься, кликну Бабу-Ягу, она тебя живо догонит!

Открыла Машенька дверь и говорит:

— Сова моя, Совушка, сойди в избу да покажи, как надо в горшок садиться, как крышкой накрыться.

Рассердилась Сова, да как прыгнет в трубу и в котел угодила! Задвинула Маша заслонку, а сама села ковер дошивать. Как вдруг задрожала земля, зашумело все вокруг, вырвалась у Маши из рук иголочка:

— Бежим, Машенька, скорей,

Открывай трое дверей,

Бери ковер-самолет,

Беда на нас идет!

Схватила Машенька ковер-самолет, открыла Совиным перышком двери и побежала. Прибежала в лес, села под сосной ковер дошивать. Белет в руках

проворная иголочка, блестит, переливается шелковый моточек ниток, совсем немножко остается дошить Маше.

А Баба-Яга вскочила в избушку, потянула носом воздух и кричит:

— Сова моя, Совушка,
Где ты гуляешь,
Почему меня не встречаешь?

Вытащила она из печки котел, взяла большую ложку, ест и похваливает:

— До чего девчонка вкусна,
До чего похлебка жирна!

Съела она всю похлебку до самого доньшка, глядит — на доньшке Совиные перышки! Глянула на стенку, где ковер висел, а ковра-то и нет! Догадалась она тут, в чем дело, затряслась от злости, схватила себя за седые космы и давай по избе кататься:

— Я тебя, я тебя
За Совушку-Сову
В клочки разорву!

Села она на свое помело и взвилась в воздух; летит, сама себя веником прищипоривает.

А Машенька под Сосной сидит, шьет, торопится, уж последний стежок ей остается. Спрашивает она Сосну высокую:

— Сосна моя милая, далеко ли еще Баба-Яга?

Отвечает ей Сосна:

— Пролетела Баба-Яга зеленые луга,
Помелом взмахнула, на лес повернула...

Еще пуще торопится Машенька, уж совсем немного ей остается, да нечем дошить, кончились у нее нитки шелковые. Заплакала Машенька. Вдруг, откуда ни возьмись, — Шелкопряд:

— Не плачь, Маша, на тебе шелку,
Вдень мою нитку в иголку!

Взяла Маша нитку и опять шьет.

Вдруг закачались деревья, поднялась дыбом трава, налетела Баба-Яга как вихрь! Да не успела она на землю спуститься, как подставила ей Сосна свои ветки, запуталась она в них и прямо около Маши на землю упала.

А уж Машенька последний стежок дошила и ковер-самолет расстелила, только сесть на него остается.

А Баба-Яга уже с земли поднимается, бросила в нее Маша ежину иголку: прибежал старый Еж, кинулся Бабе-Яге в ноги, колет ее своими иголками, не дает с земли встать. А Машенька тем временем на ковер вскочила, взвился ковер-самолет под самые облака и в одну секунду домчал Машеньку домой.

Стала жить она, поживать, шить-вышивать людям на пользу, себе на радость, а иголочку свою берегла пуще глаза. А Бабу-Ягу затолкали ежи в болото, там она и затонула на веки вечные.

Р. СЕФ

СКАЗКА О КРУГЛЕНЬКИХ И ДЛИННЕНЬКИХ ЧЕЛОВЕЧКАХ

Жили под горой,
У речки,
Кругленькие человечки,
Жили тихо,
Без забот.
Пили чай
Из круглой кружки,
Ели круглые ватрушки
С круглых блюдечек
Круглый год.

По утрам
У них всходило
Очень круглое светило,
Ночью —
Круглый круг луны.
Не спеша,
Привычным кругом,
Дни тянулись
Друг за другом
От весны и до весны.

На полях
Качались кашки,
Круглые цвели ромашки,
Круглые кружились пташки,
Плавал в речке
Круглый сом.
А зимой
Шальные вьюги
Танцевали польку в круге,
И снега во всей округе
Покрывали
Все кругом.

В городах у человечков
Было круглым все подряд:
И поленья в круглых печках,
И дворняжки на крылечках,

И колечки на овечках,
И хвосты у поросят.

В магазинах
Продавали
Только круглые сыры,
Раз в году
На карнавале
Раздавали
Всем шары.

Говорили там
Друг дружке
Только круглые слова:
Про диванные подушки,
Про волнушки
На опушке,
Про пушистые игрушки,
И, конечно, все старушки
Там вязали кружева.

Самым вкусным угощеньем
Там считали карамель,
А единственным леченьем
Признавали
Карусель.

Если дети
Там болели,
Доктор назначал тотчас:
В выходной
На карусели
Прокатиться тридцать раз,
Год не думать
О квадратном
И не делать
Людям зла —
Словом,
В том краю приятном
Жизнь приятная была.

Лишь одно
На белом свете
Нарушало их покой —
Непонятные соседи
В ближней роще
За рекой.

Жили в рощице,
У речки,
Длинненькие человечки —
Удивительный народ,
Все в их королевстве было
Тоже хорошо
И мило,
Только все наоборот.

Там
Семь долгих дней в неделе
Длинные сосиски ели,
А в лесу
На длинной ели
Шишки длинные росли.
Если дети
Там болели,
Их сажали
На качели
И протяжно песню пели:
Спи, мой длинный, не шали.

Там катались
На машинах
Небольших, но очень длинных,
Торговали
В магазинах
Только длинной пастилой;
Раз в году
На карнавале
На ходули
Все вставали
И, довольные, плясали
На ходулях
Под луной.

Все, что было
Угловатым,
Длинным и продолговатым,
Там считали
Самым главным,
Самым славным
На земле.
Там жирафов
Обожали,
Крокодилов
Уважали,
И питонов содержали
В холе, воле и тепле.

Были там
И таксопарки,
В них гуляли
Таксы в парке,
Можно было
С таксой в парке
Бегать всем,
Кому не лень.
Только ворчунам и плаксам
Запрещали
Бегать к таксам,
И поэтому все плаксы
Улыбались
Каждый день.

В общем,
Жизнь была прекрасной,
Безопасной,
Долгий,
Ясной.
Лето — длинным,
Осень — красной,
А зима
Была зимой.
Лишь одно
На белом свете
Им мешало
Жить на свете —

Непонятные соседи
Возле речки
Под горой.

Жили под горой
У речки
Кругленькие человечки —
Удивительный народ,
Пили чай
Из круглой кружки,
Ели круглые ватрушки
С круглых блюдец
Круглый год.
По утрам
У них всходило
Очень круглое светило,
Но у длинненьких людей
Это вечное круженье
Вызывало раздраженье,
Жженье,
Головокруженье
И ангину у детей.

А у круглых человечков
Каждый длинненький предмет
Вызывал
Рахит и свинку,
Корь,
Коклюш,
Лишай на спинку,
Дифтерит и диабет.

Долго ль, коротко ль,
Однако
Разгорелась в поле
Драка —
Кругленькие человечки
Смело
Двинулись в поход.
Забубнили барабаны,
Затирликали тимпаны,

Впереди везут тараны,
Сзади
Конница идет.
Артиллерия
Сначала
Помидорами стреляла.
Покатились помидоры
По полям и по лугам.
Враг
Для самообороны
Бросил в дело
Макарона
И сардельками
Патроны
Зарядил назло врагам.

Сильно человечки бились,
Вскоре
Жертвы появились —
Был ушиблен помидором
Кто-то длинный
И худой.
А в ответ
По круглой цели
Макарона полетели,
И контужен был
Сарделькой
Главный кругленький герой.

Шла бы драка
Бесконечно,
Только вдруг
Случилось нечто:
Был у круглых человечков
Очень кругленький
Мудрец.
Палец он ко лбу приставил,
Думать он себя заставил,
Круглые очки поправил
И придумал,
Наконец.

Он сказал:
— Пойдите, братцы,
Если вы
Хотите драться,
То деритесь и сражайтесь.
Не пойму я одного —
Я совсем не против
Драки,
Но скажите,
Забияки,
В чем причина
Вашей драки?
Бой идет
Из-за чего?

Кругленькие загалдели:
— Что такое?
В самом деле,
Мы деремся две недели
И не знаем почему.
В чем причина
Нашей ссоры?..
Зря мы губим
Помидоры,
Кончим миром
Эти споры,
Нам сраженье ни к чему.

Длинненькие закричали:
— Верно! Не было печали!
Как же мы
Не замечали,
Что сардельки губим зря.
Мы на круглых
Не похожи,
Не похожи?
Ну и что же —
Из-за этого
Негоже
Затевать войну, друзья.

Мир настал,
Соседи дружат,
Не горюют
И не тужат,
Круглые на карусели
Кружат длинненьких
Людей.
Длинные, забыв о злости,
Приглашают круглых
В гости
И качают на качелях
Круглых маленьких
Детей.

Всё.
Конец приходит сказке.
Мой хороший,
Без опаски
Заходи в ворота сказки,
Тихо и спокойно там.
А награда?
Что награда —
Лишь бы знал ты,
Что не надо,
Ах, не надо,
Ох, не надо
Ссориться по пустякам!

К. ЧУКОВСКИЙ
Телефон

У меня зазвонил телефон.
— Кто говорит?
— Слон.
— Откуда?
— От верблюда.
— Что вам надо?
— Шоколада.
— Для кого?
— Для сына моего.
— А много ли прислать?

— Да пудов этак пять
Или шесть:
Больше ему не съесть,
Он у меня еще маленький!

А потом позвонил
Крокодил
И со слезами просил:
— Мой милый, хороший,
Пришли мне калоши,
И мне, и жене, и Тоттоше.

— Пойдите, не тебе ли
На прошлой неделе
Я выслал две пары
Отличных калош?
— Ах, те, что ты выслал
На прошлой неделе,
Мы давно уже съели
И ждем, не дождемся,
Когда же ты снова пришлешь
К нашему ужину
Дюжину
Новых и сладких калош!

А потом позвонили зайчатки:
— Нельзя ли прислать перчатки?
А потом позвонили мартышки:
— Пришлите, пожалуйста, книжки!

А потом позвонил медведь
Да как начал, как начал реветь.
— Погодите, медведь, не ревите,
Объясните, чего вы хотите?
Но он только «му» да «му»,
А к чему, почему —
Не пойму!
— Повесьте, пожалуйста, трубку!

А потом позвонили цапли:
— Пришлите, пожалуйста, капли:

Мы лягушками нынче объелись,
И у нас животы разболелись!

И такая дребедень
Целый день:
Динь-ди-лень,
Динь-ди-лень,
Динь-ди-лень!
То тюлень позвонит, то олень.

А недавно две газели
Позвонили и запели:
— Неужели
В самом деле
Все сгорели
Карусели?

— Ах, в уме ли вы, газели?
Не сгорели карусели,
И качели уцелели!
Вы б, газели, не галдели,
А на будущей неделе
Прискакали бы и сели
На качели-карусели!

Но не слушали газели
И по-прежнему галдели:
— Неужели
В самом деле
Все качели
Погорели?
Что за глупые газели!

А вчера поутру
Кенгуру:
— Не это ли квартира
Мойдодыра? —
Я рассердился, да как заору:
— Нет! Это чужая квартира!!!
— А где Мойдодыр?
— Не могу вам сказать...

Позвоните по номеру
Сто двадцать пять.

Я три ночи не спал,
Я устал.
Мне бы заснуть,
Отдохнуть...
Но только я лег —
Звонок!

— Кто говорит?
— Носорог.
— Что такое?
— Беда! Беда!
Бегите скорее сюда!
— В чем дело?
— Спасите!
— Кого?
— Бегемота!
Наш бегемот провалился в болото...
— Провалился в болото?
— Да!

И ни туда, ни сюда!
О, если вы не придете —
Он утонет, утонет в болоте,
Умрет, пропадет
Бегемот!!!

— Ладно! Бегу! Бегу!
Если смогу, помогу!
Ох, нелегкая это работа —
Из болота тащить бегемота!

Тараканище

Часть первая

Ехали медведи
На велосипеде.
А за ними кот
Задом наперед.
А за ним комарики
На воздушном шарике.

А за ними раки
На хромой собаке.
Волки на кобыле.
Львы в автомобиле.
Зайчики
В трамвайчике.
Жаба на метле... Едут и смеются,
Пряники жуют.

Вдруг из подворотни
Страшный великан,
Рыжий и усатый
Та-ра-кан!
Таракан, Таракан, Тараканище!

Он рычит, и кричит,
И усами шевелит:
«Погодите, не спешите,
Я вас мигом проглочу!
Проглочу, проглочу, не помилую».

Звери задрожали,
В обморок упали.
Волки от испуга
Скушали друг друга.
Бедный крокодил
Жабу проглотил.
А слониха, вся дрожа,
Так и села на ежа.

Только раки-забияки
Не боятся бою-драки:
Хоть и пятаются назад,
Но усами шевелят
И кричат великану усатому:

«Не кричи и не рычи,
Мы и сами усачи,
Можем мы и сами
Шевелить усами!»
И назад еще дальше попятились.

И сказал Гиппопотам
Крокодилам и китам:
«Кто злодея не боится
И с чудовищем сразится,
Я тому богатырю
Двух лягушек подарю
И еловую шишку пожалую!»

«Не боимся мы его,
Великана твоего:
Мы зубами,
Мы клыками,
Мы копытами его!»
И веселою гурьбой
Звери кинулись в бой.

Но, увидев усача
(Ай-ай-ай!),
Звери дали стрекача
(Ай-ай-ай!).
По лесам, по полям разбежались:
Тараканьих усов испугались.

И вскричал Гиппопотам:
«Что за стыд, что за срам!
Эй, быки и носороги,
Выходите из берлоги
И врага
На рога
Поднимите-ка!»

Но быки и носороги
Отвечают из берлоги:
«Мы врага бы
На рога бы.
Только шкура дорога,
И рога нынче тоже
Не дешёвы»,
И сидят и дрожат
Под кусточками,
За болотными прячутся
Кочками.

Крокодилы в крапиву
Забились,
И в канаве слоны
Схоронились.

Только и слышно,
Как зубы стучат,
Только и видно,
Как уши дрожат.

А лихие обезьяны
Подхватили чемоданы
И скорее со всех ног
Наутек. И акула
Увильнула,
Только хвостиком махнула.

А за нею каракатица —
Так и пятается,
Так и катится.

Часть вторая

Вот и стал Таракан
победителем,
И лесов и полей повелителем.
Покорились звери усатому.
(Чтоб ему провалиться,
проклятому!),

А он между ними похаживает,
Золоченое брюхо поглаживает:
«Принесите-ка мне, звери,
ваших детушек,
Я сегодня их за ужином
скушаю!»

Бедные, бедные звери!
Воют, рыдают, ревут!
В каждой берлоге
И в каждой пещере
Злого обжору кланут.

Да и какая же мать
Согласится отдать
Своего дорогого ребенка —
Медвежонка, волчонка, слоненка,-
Чтобы несытое чучело
Бедную крошку
замучило!

Плачут они, убиваются,
С малышами навеки
прощаются.

Но однажды поутру
Прискакала кенгуру,
Увидала усача,
Закричала сгоряча:
«Разве это великан?
(Ха-ха-ха!),
Это просто таракан!
(Ха-ха-ха!).»

Таракан, таракан,
таракашечка,
Жидконогая
козявочка-букашечка.
И не стыдно вам?
Не обидно вам?
Вы — зубастые,
Вы — клыкастые,
А малявочке
Поклонились,
А козявочке
Покорились!»

Испугались бегемоты,
Зашептали: «Что ты, что ты!
Уходи-ка ты отсюда!
Как бы не было нам худа!»

Только вдруг из-за кусточка,
Из-за синего лесочка,

Из далеких из полей
Прилетает Воробей.
Прыг да прыг,
Да чик-чирик,
Чики-рики-чик-чирик!

Взял и клюнул Таракана,
Вот и нету великана.
Поделом великану досталось,
И усов от него не осталось.

То-то рада, то-то рада
Вся звериная семья,
Прославляют, поздравляют
Удалого Воробья!

Ослы ему славу по нотам поют,
Козлы бороною дорогу метут,
Бараны, бараны
Стучат в барабаны! Сычи-трубачи
Трубят!

Грачи с каланчи
Кричат!
Летучие мыши
На крыше
Платочками машут
И пляшут.

А слониха-щеголиха
Так отплясывает лихо,
Что румяная луна
В небе задрожала
И на бедного слона
Кубарем упала.

Вот была потом забота —
За луной нырять в болото
И гвоздями к небесам

приколачивать!

Федорино горе

Часть 1

Скачет сито по полям,
А корыто по лугам.
За лопатою метла
Вдоль по улице пошла.
Топоры-то, топоры
Так и сыплются с горы.
Испугалась коза,
Растопырила глаза:
«Что такое? Почему?
Ничего я не пойму».

Часть 2

Но, как черная железная нога,
Побежала, поскакала кочерга.
И помчались по улице ножи:
«Эй, держи, держи, держи, держи,
держи!»

И кастрюля на бегу
Закричала утюгу:
«Я бегу, бегу, бегу,
Удержаться не могу!»
Вот и чайник за кофейником бежит,
Тараторит, тараторит, дребезжит...
Утюги бегут побрякивают,
Через лужи, через лужи
перескакивают.

А за ними блюдца, блюдца —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
Вдоль по улице несутся —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
На стаканы — дзынь! —

натываются,
И стаканы — дзынь! —
разбиваются.

И бежит, бренчит, стучит сковорода:
«Вы куда? куда? куда? куда? куда?»
А за нею вилки,
Рюмки да бутылки,
Чашки да ложки

Скачут по дорожке.
Из окошка вывалился стол
И пошел, пошел, пошел, пошел,
пошел...

А на нем, а на нем,
Как на лошади верхом,
Самоварище сидит
И товарищам кричит:
«Уходите, бегите, спасайтесь!»
И в железную трубу:
«Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!»

Часть 3

А за ними вдоль забора
Скачет бабушка Федора:
«Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!
Воротитесь домой!»
Но ответило корыто:
«На Федору я сердито!»
И сказала кочерга:
«Я Федоре не слуга!»
А фарфоровые блюдца
Над Федорою смеются:
«Никогда мы, никогда
Не воротимся сюда!»
Тут Федорины коты
Расфуфырили хвосты,
Побежали во всю прыть.
Чтоб посуду воротить:
«Эй вы, глупые тарелки,
Что вы скачете, как белки?
Вам ли бегать за воротами
С воробьями желторотыми?
Вы в канаву упадете,
Вы утонете в болоте.
Не ходите, погодите,
Воротитесь домой!»
Но тарелки выются-выются,
А Федоре не даются:
«Лучше в поле пропадем,
А к Федоре не пойдем!»

— Нет, балалайка слишком тихо играет. Дай что-нибудь другое, погромче.
Гуся дал ему скрипку. Незнайка принялся пикивать смычком по струнам и сказал:

- А еще громче ничего нет?
- Еще труба есть, — ответил Гуся.
- Давай-ка ее сюда, попробуем.

Гуся дал ему большую медную трубу. Незнайка как подует в нее, труба как заревет!

- Вот это хороший инструмент! — обрадовался Незнайка. — Громко играет!
- Ну, учись на трубе, если тебе нравится, — согласился Гуся.
- А зачем мне учиться? Я и так умею, — ответил Незнайка.
- Да нет, ты еще не умеешь.
- Умею, умею! Вот послушай! — закричал Незнайка и принялся изо всех сил дуть в трубу: — Бу-бу-бу! Гу-гу-гу-у!
- Ты просто трубишь, а не играешь, — ответил Гуся.
- Как не играю? — обиделся Незнайка. — Очень даже хорошо играю! Громко!
- Эх, ты! Тут дело не в том, чтобы было громко. Надо, чтоб было красиво.
- Так у меня ведь и получается красиво.
- И совсем не красиво, — сказал Гуся. — Ты, я вижу, совсем не способен к музыке.

— Это ты не способен! — рассердился Незнайка. — Ты просто из зависти так говоришь. Тебе хочется, чтобы тебя одного слушали и хвалили.

— Ничего подобного, — сказал Гуся. — Бери трубу и играй сколько хочешь, если считаешь, что не нужно учиться. Пусть и тебя хвалят.

- Ну и буду играть! — ответил Незнайка.

Он принялся дуть в трубу, а так как играть он не умел, то труба у него и ревела, и хрипела, и визжала, и хрюкала. Гуся слушал, слушал... Наконец ему надоело. Он надел свою бархатную тужурку, нацепил на шею розовый бантик, который носил вместо галстука, и ушел в гости.

Вечером, когда все малыши собрались дома, Незнайка снова взялся за трубу и принялся дуть в нее сколько хватало сил:

- Бу-бу-бу-у! Ду-ду-ду-у!
- Что за шум? — закричали все.
- Это не шум, — ответил Незнайка. — Это я играю.
- Перестань сейчас же! — закричал Знайка. — От твоей музыки уши болят!
- Это потому, что ты к моей музыке еще не привык. Вот привыкнешь — и уши не станут болеть.

- А я и не хочу привыкать. Очень мне нужно!

Но Незнайка не слушал его и продолжал играть:

- Бу-бу-бу! Хр-р-р! Хр-р-р! Виу! Виу!

— Да перестань ты! — набросились на него все малыши. — Уходи отсюда со своей противной трубой!

- Куда же мне уходить?
- Иди в поле да там и играй.
- Так в поле ведь некому будет слушать.
- А тебе обязательно надо, чтоб кто-нибудь слушал?
- Обязательно.
- Ну, иди на улицу, там тебя соседи услышат.

Незнайка пошел на улицу и стал играть возле соседнего дома, но соседи попросили его не шуметь под окнами. Тогда он пошел к другому дому — его и оттуда прогнали. Он пошел к третьему дому — его стали и оттуда гнать, а он решил им назло играть и играть. Соседи рассердились, выбежали из дома и погнались за ним. Насилу он убежал от них со своей трубой.

С тех пор Незнайка перестал играть на трубе.

— Моей музыки не понимают, — говорил он. — Еще не доросли до моей музыки. Вот когда дорастут — сами попросят, да поздно будет. Не стану больше играть.

Как Незнайка был художником

Тюбик был очень хороший художник. Одевался он всегда в длинную блузу, которую называл «балахон». Стоило посмотреть на Тюбика, когда он, нарядившись в свой балахон и откинув назад свои длинные волосы, стоял перед мольбертом с палитрой в руках. Каждый сразу видел, что перед ним настоящий художник.

После того как никто не захотел слушать Незнайкину музыку, он решил сделаться художником. Пришел он к Тюбику и говорит:

— Слушай, Тюбик, я тоже хочу быть художником. Дай мне каких-нибудь красок и кисточку.

Тюбик был вовсе не жадный, он подарил Незнайке свои старые краски и кисточку. В это время к Незнайке пришел его друг, Гунька.

Незнайка говорит:

- Садись, Гунька, сейчас я тебя рисовать буду.

Гунька обрадовался, сел поскорее на стул, и Незнайка принялся его рисовать. Ему хотелось изобразить Гуньку покрасивее, вот он и нарисовал ему красный нос, зеленые уши, синие губы и оранжевые глаза. Гуньке хотелось поскорее увидеть свой портрет. От нетерпения он не мог усидеть спокойно на стуле и все время вертелся.

— Не вертись, не вертись, — говорил ему Незнайка, — а то непохоже получится.

- А сейчас получается похоже? — спросил Гунька.

— Очень похоже, — ответил Незнайка и пририсовал ему фиолетовой краской усы.

— Ну-ка, покажи, что получилось! — попросил Гунька, когда Незнайка окончил портрет.

Незнайка показал.

— Да разве я такой? — закричал Гулька в испуге.
— Конечно, такой. Какой же еще?
— А усы зачем нарисовал? У меня ведь усов нету.
— Ну, вырастут когда-нибудь.
— А нос почему красный?
— Это чтоб было красивее.
— А волосы почему голубые? Разве у меня голубые волосы?
— Голубые, — ответил Незнайка. — Но, если тебе не нравится, я могу сделать зеленые.

— Нет, это плохой портрет, — сказал Гулька. — Дай я его порву.
— Зачем же уничтожать художественное произведение? — ответил Незнайка.
Гулька хотел отнять у него портрет, и они принялись драться. На шум прибежали Знайка, доктор Пилюлькин и остальные малыши.

— Вы чего деретесь? — спрашивают.
— Вот, — закричал Гулька, — рассудите вы нас: скажите, кто здесь нарисован? Правда, это не я?
— Конечно, не ты, — ответили малыши. — Тут какое-то пугало огородное нарисовано.

Незнайка говорит:
— Вы не догадались потому, что здесь подписи нет. Я сейчас подпишу, и все будет понятно.

Он взял карандаш и подписал под портретом печатными буквами: «ГУЛЬКА». Потом повесил портрет на стене и сказал:

— Пусть висит. Все могут смотреть, никому не запрещается.
— Все равно, — сказал Гулька, — когда ты ляжешь спать, я приду и уничтожу этот портрет.

— А я ночью не лягу спать и буду стеречь, — ответил Незнайка.

Гулька обиделся и ушел домой, а Незнайка на самом деле не лег вечером спать. Когда все уснули, он взял краски и принялся всех рисовать. Пончика нарисовал таким толстым, что он даже не поместился на портрете. Торопыжку нарисовал на тоненьких ножках, а сзади зачем-то пририсовал ему собачий хвост. Охотника Пульку изобразил верхом на Бульке. Доктору Пилюлькину вместо носа нарисовал градусник. Знайке неизвестно для чего нарисовал ослиные уши. Словом, всех изобразил в смешном и нелепом виде.

К утру он развесил эти портреты на стенах и сделал под ними надписи, так что получилась целая выставка.

Первый проснулся доктор Пилюлькин. Он увидел на стене портреты и стал смеяться. Они ему так понравились, что он даже нацепил на нос пенсне и стал рассматривать портреты очень внимательно. Он подходил к каждому портрету и долго смеялся.

— Молодец, Незнайка! — говорил доктор Пилюлькин. — Никогда в жизни я так не смеялся!

Наконец он остановился возле своего портрета и строго спросил:
— А это кто? Неужели это я? Нет, это не я. Это очень плохой портрет. Ты лучше сними его.

— Зачем снимать? Пусть повисит, — ответил Незнайка.
Доктор Пилюлькин обиделся и сказал:
— Ты, Незнайка, видно, больной. У тебя что-то с глазами случилось. Когда это ты видел, чтобы у меня вместо носа был градусник? Придется тебе на ночь касторки дать.

Незнайка очень не любил касторку. Он испугался и говорит:
— Нет-нет! Теперь я сам вижу, что портрет плохой.

Он поскорей снял со стены портрет Пилюлькина и порвал его.
Вслед за Пилюлькиным проснулся охотник Пулька. И ему портреты понравились. Он чуть не лопнул со смеху, глядя на них. А потом он увидел свой портрет, и настроение у него сразу испортилось.

— Это плохой портрет, — сказал он. — Не похож на меня. Ты сними его, а то я не буду тебя с собой на охоту брать.

Пришлось Незнайке и охотника Пульку со стены снять. Так было со всеми. Всем нравились портреты других, а свои не нравились.

Самым последним проснулся Тюбик, который, по обыкновению, спал дольше всех. Когда он увидел на стене свой портрет, то страшно рассердился и сказал, что это не портрет, а бездарная, антихудожественная мазня. Потом он сорвал со стены портрет и отнял у Незнайки краски и кисточку.

На стене остался один Гулька портрет. Незнайка снял его и пошел к своему другу.

— Хочешь, Гулька, я подарю тебе твой портрет? А ты за это со мной помирись, — предложил Незнайка.

Гулька взял портрет, порвал его на кусочки и сказал:
— Ладно, мир. Только если еще хоть раз нарисуешь, ни за что не стану мириться.

— А я никогда больше не буду рисовать, — ответил Незнайка. — Рисуешь, рисуешь, а никто даже спасибо не скажет, все только ругаются. Не желаю больше художником быть.

Как Незнайка сочинял стихи

После того как из Незнайки не получилось художника, он решил сделаться поэтом и сочинять стихи. У него был знакомый поэт, который жил на улице Одунчикова. Этого поэта по-настоящему звали Пудиком, но, как известно, все поэты очень любят красивые имена. Поэтому, когда Пудик начал писать стихи, он избрал себе другое имя и стал называться Цветиком.

Однажды Незнайка пришел к Цветику и сказал:
— Слушай, Цветик, научи меня сочинять стихи. Я тоже хочу быть поэтом.
— А у тебя способности есть? — спросил Цветик.
— Конечно, есть. Я очень способный, — ответил Незнайка.

— Это надо проверить, — сказал Цветик. — Ты знаешь, что такое рифма?
— Рифма? Нет, не знаю.
— Рифма — это когда два слова оканчиваются одинаково, — объяснил Цветик. — Например: утка — шутка, коржик — моржик. Понял?
— Понял.
— Ну, скажи рифму на слово «палка».
— Селедка, — ответил Незнайка.
— Какая же это рифма: палка — селедка? Никакой рифмы нет в этих словах.
— Почему нет? Они ведь оканчиваются одинаково.
— Этого мало, — сказал Цветик. — Надо, чтобы слова были похожи так, чтобы получалось складно. Вот послушай: палка — галка, печка — свечка, книжка — шишка.
— Понял, понял! — закричал Незнайка. — Палка — галка, печка — свечка, книжка — шишка! Вот здорово! Ха-ха-ха!
— Ну, придумай рифму на слово «пакля», — сказал Цветик.
— Шмакля, — ответил Незнайка.
— Какая шмакля? — удивился Цветик. — Разве есть такое слово?
— А разве нету?
— Конечно, нет.
— Ну, тогда рвакля.
— Что это за рвакля такая? — снова удивился Цветик.
— Ну, это когда рвут что-нибудь, вот и получается рвакля, — объяснил Незнайка.
— Врешь ты все, — сказал Цветик, — такого слова не бывает. Надо подбирать такие слова, которые бывают, а не выдумывать.
— А если я не могу подобрать другого слова?
— Значит, у тебя нет способностей к поэзии.
— Ну, тогда придумай сам, какая тут рифма, — ответил Незнайка.
— Сейчас, — согласился Цветик.
Он остановился посреди комнаты, сложил на груди руки, голову наклонил набок и стал думать. Потом поднял голову кверху и стал думать, глядя на потолок. Потом ухватился руками за собственный подбородок и стал думать, глядя на пол. Прделав все это, он стал бродить по комнате и потихоньку бормотал про себя:
— Пакля, бакля, вакля, гакля, дакля, макля... — Он долго так бормотал, потом сказал: — Тьфу! Что это за слово? Это какое-то слово, на которое нет рифмы.
— Ну вот! — обрадовался Незнайка. — Сам задает такие слова, на которые нет рифмы, и еще говорит, что я неспособный.
— Ну, способный, способный, только отстань! — сказал Цветик. — У меня голова разболелась. Сочиняй так, чтобы был смысл и рифма, вот тебе и стихи.
— Неужели это так просто? — удивился Незнайка.
— Конечно, просто. Главное — это способности иметь.

Незнайка пришел домой и сразу принялся сочинять стихи. Целый день он ходил по комнате, глядел то на пол, то на потолок, держался руками за подбородок и что-то бормотал про себя.

Наконец стихи были готовы, и он сказал:
— Послушайте, братцы, какие я стихи сочинил.
— Ну-ка, ну-ка, про что же это стихи? — заинтересовались все.
— Это я про вас сочинил, — признался Незнайка. — Вот сначала стихи про Знайку:

Знайка шел гулять на речку,
Перепрыгнул через овечку.

— Что? — закричал Знайка. — Когда это я прыгал через овечку?
— Ну, это только в стихах так говорится, для рифмы, — объяснил Незнайка.
— Так ты из-за рифмы будешь на меня всякую неправду сочинять? — вскипел Знайка.

— Конечно, — ответил Незнайка. — Зачем же мне сочинять правду? Правду и сочинять нечего, она и так есть.

— Вот попробуй еще, так узнаешь! — пригрозил Знайка. — Ну-ка, читай, что ты там про других сочинил?

— Вот послушайте про Торопыжку, — сказал Незнайка.

Торопыжка был голодный,
Проглотил утюг холодный.

— Братцы! — закричал Торопыжка. — Что он про меня сочиняет? Никакого холодного утюга я не глотал.

— Да ты не кричи, — ответил Незнайка. — Это я просто для рифмы сказал, что утюг был холодный.

— Так я же ведь никакого утюга не глотал, ни холодного, ни горячего! — кричал Торопыжка.

— А я и не говорю, что ты проглотил горячий, так что можешь успокоиться, — ответил Незнайка. — Вот послушай стихи про Авоську:

У Авоськи под подушкой
Лежит сладкая ватрушка.

Авоська подошел к своей кровати, заглянул под подушку и сказал:

— Враки! Никакой ватрушки тут не лежит.

— Ты ничего не понимаешь в поэзии, — ответил Незнайка. — Это только для рифмы так говорится, что лежит, а на самом деле не лежит. Вот я еще про Пилюлькина сочинил.

— Братцы! — закричал доктор Пилюлькин. — Надо прекратить это издевательство! Неужели мы будем спокойно слушать, что Незнайка тут врёт про всех?

— Довольно! — закричали все. — Мы не хотим больше слушать! Это не стихи, а какие-то дразнилки.

Только Знайка, Торопыжка и Авоська кричали:

— Пусть читает! Раз он про нас прочитал, так и про других пусть читает.
— Не надо! Мы не хотим! — кричали остальные.
— Ну, раз вы не хотите, то я пойду почитаю соседям, — сказал Незнайка.
— Что? — закричали тут все. — Ты еще пойдешь перед соседями нас сра-
мить? Попробуй только! Можешь тогда и домой не возвращаться.
— Ну ладно, братцы, не буду, — согласился Незнайка. — Только вы уж не
сердитесь на меня.
С тех пор Незнайка решил больше не сочинять стихов.

Д. МАМИН-СИБИРЯК

Сказка про Комара Комаровича — длинный нос и про Мохнатого Мишу — короткий хвост

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в бо-
лоте. Комар Комарович — длинный нос прикорнул под широкий лист и заснул.
Спит и слышит отчаянный крик:
— Ой, батюшки! Ой, караул!
Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:
— Что случилось? Что вы орете?
А комары летают, жужжат, пищат — ничего разобрать нельзя.
— Ой, батюшки! Пришел в наше болото медведь и завалился спать. Как лег
в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров; какдохнул — проглотил целую
сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передавил.
Комар Комарович — длинный нос сразу рассердился; рассердился и на медве-
дя, и на глухих комаров, которые пищали без толку.
— Эй вы, перестаньте пищать! — крикнул он. — Вот я сейчас пойду и прого-
ню медведя. Очень просто! А вы орете только напрасно.
Еще сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в бо-
лоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили с иско-
нок века, развалился и носом сопит, только свист идет, точно кто на трубе играет. Вот
бессовестная тварь! Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комари-
ных душ да еще спит так сладко!
— Эй, дядя, ты это куда забрался? — закричал Комар Комарович на весь лес,
да так громко, что даже самому сделалось страшно.
Мохнатый Миша открыл один глаз — никого не видно, открыл другой глаз —
едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.
— Тебе что нужно, приятель? — заворчал Миша и тоже начал сердиться.
Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит.
— Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!
Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно
рассердился.
— Да что тебе нужно, негодная тварь? — зарычал он.

— Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю. Вместе с шубой тебя съем.
Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду
лапой и сейчас же захрапел.
Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на все болото:
— Ловко я напугал мохнатого Мишку! В другой раз не придет.
Подивились комары и спрашивают:
— Ну, а сейчас-то медведь где?
— А не знаю, братцы. Сильно трусил, когда я ему сказал, что съем, если не
уйдет. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: съем. Боюсь, как бы он не
окошел со страху, пока я к вам летаю. Что же, сам виноват!
Запищали все комары, жажужжали и долго спорили, как им быть с невежей
медведем. Никогда еще в болоте не было такого страшного шума.
Пищали, пищали и решили — выгнать медведя из болота.
— Пусть идет к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше. Еще отцы и деды
наши вот в этом самом болоте жили.
Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя
в покое: пусть его полежит, а когда выспится — сам уйдет, но на нее все так наки-
нулись, что бедная едва успела спрятаться.
— Идем, братцы! — кричал больше всех Комар Комарович. — Мы ему пока-
жем. Да!
Полетели комары за Комар Комаровичем. Летят и пищат, даже самим страшно
делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.
— Ну, я так и говорил: умер бедняга со страху! — хвастался Комар Комаро-
вич. — Даже жаль немножко, вон какой здоровый медведище.
— Да он спит, братцы, — пропищал маленький комаришка, подлетевший к
самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.
— Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! — запищали все комары разом и под-
няли ужасный гвалт. — Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам
спит, как ни в чем не бывало.
А мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.
— Он притворяется, что спит! — крикнул Комар Комарович и полетел на мед-
ведя. — Вот я ему сейчас покажу. Эй, дядя, будет притворяться!
Как налетит Комар Комарович, как вопьется своим длинным носом прямо в
черный медвежий нос, Миша так и вскочил — хват лапой по носу, а Комар Ко-
маровича как не бывало.
— Что, дядя, не понравилось? — пищит Комар Комарович. — Уходи, а то хуже
будет. Я теперь не один Комар Комарович — длинный нос, а прилетели со мной
и дедушка, Комарище — длинный носище, и младший брат, Комаришко — длин-
ный носишко! Уходи, дядя.
— А я не уйду! — закричал медведь, усаживаясь на задние лапы. — Я вас всех
передавлю.
— Ой, дядя, напрасно хвастаешь.

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович вьется над самым медвежьим ухом и пищит:

— Я тебя съем, дядя.

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую березу и принялся колотить ею комаров.

Так и ломит со всего плеча. Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет, — все вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжелый камень и запустил им в комаров — опять толку нет.

— Что, взял, дядя? — пищал Комар Комарович. — А я тебя все-таки съем.

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рев. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил! Все ему хотелось зацепить первого Комар Комаровича, — ведь вот тут, над самым ухом вьется, а хватит медведь лапой, и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку — давай кататься по траве, чтобы передавить все комариное царство. Катался, катался Миша, однако и из этого ничего не вышло, а только еще больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох. Вышло того хуже — комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

— Пойдите, вот я вам задам! — ревел он так, что за пять верст было слышно. — Я вам покажу штуку!

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревет:

— Ну-ка, подступитесь теперь ко мне. Всем носы пообломаю!

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут. Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся да как сорвется с сука, точно мешок. Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

— Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?

Еще тоньше рассмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

— Я тебя съем. Я тебя съем. Съем. Съем!

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

— Охота вам, Михайло Иванович, беспокоить себя напрасно! Не обращайтесь на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

— И то не стоит, — обрадовался медведь. — Я это так. Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я! Я!

Как повернется Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович — длинный нос летит за ним, летит и кричит:

— Ой, братцы, держите! Убежит медведь. Держите!

Собрались все комары, посоветовались и решили: «Не стоит! Пусть его уходит — ведь болото-то осталось за нами!»

В. БИАНКИ

ПЕРВАЯ ОХОТА

Надоело Щенку гонять кур по двору.

«Пойду-ка, — думает, — на охоту за дикими зверями и птицами».

Шмыгнул в подворотню и побежал по лугу.

Увидели его дикие звери, птицы и насекомые и думают каждый про себя.

Выпь думает: «Я его обману!»

Удод думает: «Я его удивлю!»

Вертишейка думает: «Я его напугаю!»

Ящерка думает: «Я от него вывернусь!»

Гусеницы, бабочки, кузнечики думают: «Мы от него спрячемся!»

«А я его прогоню!» — думает Жук-Бомбардир.

«Мы все за себя постоять умеем, каждый по-своему!» — думают они про себя.

А Щенок уже побежал к озерку и видит: стоит у камыша Выпь на одной ноге по колено в воде.

«Вот я её сейчас поймаю!» — думает Щенок и совсем уж приготовился прыгнуть ей на спину.

А Выпь глянула не него и шагнула в камыш.

Ветер по озеру бежит, камыш колышет. Камыш качается взад-вперед, взад-вперед. У Щенка перед глазами желтые и коричневые полосы качаются взад-вперед, взад-вперед.

А Выпь стоит в камыше, вытянулась — тонкая-тонкая, и вся в желтые и коричневые полосы раскрашена. Стоит, качается взад-вперед, взад-вперед.

Щенок глаза выпучил, смотрел, смотрел — не видит Выпи в камыше. «Ну, — думает, — обманула меня Выпь, не прыгать же мне в пустой камыш! Пойду другую птицу поймаю». Выбежал на пригорок, смотрит: сидит на земле Удод, хохлом играет, — то развернет, то сложит. «Вот я на него сейчас с пригорка прыгну!» — думает Щенок.

А Удод припал к земле, крылья распластал, хвост раскрыл, клюв вверх поднял.

Смотрит Щенок: нет птицы, а лежит на земле пестрый лоскут и торчит из него кривая игла. Удивился щенок: «Куда же Удод девался? Неужели я эту пеструю тряпку за него принял? Пойду поскорей маленькую птичку поймаю». Подбежал к дереву и видит: сидит на ветке маленькая птица Вертишейка.

Кинулся к ней, а Вертишейка юрк в дупло. «Ага! — думает Щенок. — Попалась!» Поднялся на задние лапы, заглянул в дупло, а в черном дупле черная змея

извивается и страшно шипит. Отшатнулся Щенок, шерсть дыбом поднял — и наутек.

А Вертишейка шипит ему вслед из дупла, головой крутит, по спине у нее змейкой извивается полоска черных перьев.

«Уф! напугала как! Еле ноги унес. Больше не стану на птиц охотиться. Пойду лучше Ящерку поймаю».

Ящерка сидела на камне, глаза закрыла, грелась на солнышке. Тихонько к ней подкрался Щенок, — прыг! — и ухватил за хвост. А Ящерка извернулась, хвост в зубах у него оставила, сама — под камень! Хвост в зубах у Щенка извивается. Фыркнул Щенок, бросил хвост — и за ней. Да куда там! Ящерка давно под камнем сидит, новый хвост себе отрачивает.

«У, — думает Щенок, — уж если Ящерка и та от меня вывернулась, так я хоть насекомых наловлю». Посмотрел кругом, а по земле жуки бегают, в траве кузнечики прыгают, по веткам гусеницы ползают, по воздуху бабочки летают.

Бросился Щенок ловить их, и вдруг — стало кругом, как на загадочной картинке, все тут, а никого не видно — спрятались все. Зеленые кузнечики в зеленой траве притаились.

Гусеницы на веточках вытянулись и замерли, — их от сучков не отличишь. Бабочки сели на деревья, крылья сложили, — не разберешь, где кора, где листья, где бабочки. Один крошечный Жук-Бомбардир идет себе по земле, никуда не прячется. Догнал его Щенок, хотел схватить, а Жук-Бомбардир остановился, да как пальнет в него летучей едкой стружкой — прямо в нос попал!

Взвизгнул Щенок, хвост поджал, повернулся — да через луг, да в подворотню. Забился в конуру и нос высунуть боится. А звери, птицы и насекомые — все опять за свои дела принялись.

Д. САМОЙЛОВ

У СЛОНЕНКА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

(Сценарий для постановок, игр-драматизаций, спектаклей)

Действующие лица:

Слониха
Слоненок
Верблюжонок
Кот
Сурок
Утенок
Поросенок

Сурок

Послушайте необычайно важное сообщение:

У Слоночка сегодня День рождения!

Об этом событии знают все:

Сороки сказали лисе,
Лиса сказала Кротихе,
Кротиха — зайчихе,
Зайчиха — Верблюду,
Верблюд рассказал везде и повсюду,
И это снова дошло до сорок...

Слоночек

Что, во-первых, мама печет пирог,
Что, во-вторых, слоны — особый народ
И рождение справляют два раза в год!

Слониха

Что слоненку ровно семь с половиной лет,
Что приглашены на обед...

Утенок

Утенок — Слоночку ближайший друг.

Поросенок

Поросенок Хрюк.

Волчонок

Волчонок — веселый озорник.

Верблюжонок

Верблюжонок — первый ученик.

Слониха

И конечно — Сурок,
Музыкант и педагог,
Ради него-то и печется пирог.

Сурок

Благодарю вас.
Впрочем сейчас
Разговаривать некогда.
Пять часов без пяти минут:
Звери в гости к Слоночку идут.

Все *(поют)*

Мы идем к Слопенку в гости на Рождение,
Нам готовят, нам готовят угощение!
Нас ведет Суток —
Знаменитый педагог,
Он на скрипочке играет,
Звери песенку поют.
Если ты собрался в гости — не опаздывай,
А в гостях плохой характер не показывай.
Нас ведет Суток —
Знаменитый педагог,
Он на скрипочке играет,
Звери песенку поют.

Слониха

Здравствуйте, здравствуйте, дорогие звери!

Все

Здравствуйте!

Слониха

Проходите, не стойте у двери.

Суток

Здравствуйте, Слониха!

Слониха

Здравствуйте, Суток!

Волчонок

Здесь, кажется, есть пирог!
Дайте мне немедленно кусок!

Звери

И нам! И нам!

Слониха

Только не сейчас!

Суток

Погодите, звери, мне стыдно за вас.

Какая невоспитанность! Какое нетерпение!
Помните — вы приглашены на рождение,
А Слопенка даже не поздравили!
Вы, ей богу, меня покраснеть заставили!
Как это ужасно! Это возмутительно!

Слониха

Но они же дети, им это простительно.

Суток

Поздравление Слопенку-сыну
И Слонихе-маме
По особой программе
Начнем!

Звери

Мы Слопенка поздравляем
И желаем, желаем...

Утенок

Чтоб Слопеночек был прилежен,

Волчонок

Не небрежен, не изнежен,

Поросенок

И начитан, и воспитан,

Верблюжонок

И не скушен, и послушен.

Голоса

...Чистоплотен и добротен...
...Не всеяден и не жаден...
...И не скуп, и не глуп...
ЖЕЛАЕМ СЧАСТЬЯ И ДОБРА,
ГИП-ГИП-УРА! ГИП-ГИП-УРА!

Слониха

Прекрасно, прекрасно!

Сурук

Я все это написал без единой помарки.

Слоненок

Мама, а где же подарки?

На рождение надо приносить подарки.

Слониха

Ну, что вы на это скажете?

Сурук

Сейчас будут и подарки!

Первый — Волчонок.

Волчонок

Я принес тебе марки.

Они невкусные — я съел штук пять,

А потом всю ночь не мог спать.

Слоненок

Спасибо!

Сурук

Теперь — Утенок.

Утенок

Вот перышко из моего хвоста...

Слоненок

Какая красота!

Я немедленно привяжу это перышко к хвосту

И буду носить, пока не подрасту.

Волчонок

Ты стал похож на утенка,

А я очень люблю утят...

Сурук

Веди себя прилично.

В гостях друг друга не едят.

Поросенок!

Поросенок

А я принес калач. Вот он — попрошу.

Слоненок

Можно, я откушу?

Можно, я его съем?

Слониха

Нет, ты должен раздать всем.

Слоненок

Сейчас раздам.

Волчонок

А-ам!

Слоненок

Где же калач?

Все

Где же калач?!

Волчонок

Вот беда.

Я такой рассеянный иногда.

Вот и сейчас — я проглотил его по ошибке.

Слоненок

Зачем он съел мой калач?!

Сурук

Ладно, Слоненок, не плачь.

Верблюжонок тебе приготовил сюрприз.

Верблюжонок

Сейчас будет сюрприз!

Только сначала отвернись.

Заводная механическая игрушка!

Все

Пушка!

Слоненок

А где же пушка?

Сурок

Вот она!

Слоненок

Нет. Это просто маленький пистолет.

Верблюжонок

Нет, Слоненок, это пушка.

Вот ствол, а вот лафет.

Слоненок

То, что для всех — пушка,

Для слона — пистолет.

Лапы вверх! Пиф-паф, пиф-паф...

Слониха

Сейчас не время для этих забав.

Прошу, проходите в слоновую

Столовую!

А вот и пирог.

Все

А-а! Пирог! Пирог!...

Утенок

Какой кря-кря-крясивый!

Волчонок

Какой огромный!

Поросенок

Наверно, сладкий!

Волчонок

Я бы, пожалуй, скушал кусок.

Утенок

А я — два.

Поросенок

А я — сто или двести.

Верблюжонок

Погодите, не лезьте.

Мы, верблюды, не любим съестного,

Честное верблюжачье слово!

И поэтому отойдите, Волчонок и Свинья,

Первым пирог пробую я!

Все

Нет, я! Нет, я!

Сурок

Погодите, молодые друзья,

Вы так ведете себя, в самом деле,

Будто никогда пирогов не ели.

Давайте сначала поиграем, споем.

А угощение будет потом...

Слониха, поставьте пирог на окно.

Звери, становитесь в круг,

Нам споет Поросенок Хрюк.

Поросенок (поет)

Все про нас говорят, что мы грязные,

Средин нас, поросят, есть разные.

И глупые, и умные,

И тихие, и шумные —

Разные бывают поросята.

Быть почище один старается,

В каждой луже другой купается,

Есть чистые, опрятные —

Разные бывают поросята!

Поросенком одним восхищаются,

Поросенком другим возмущаются.

Есть славные, примерные,

Есть жадные и скверные —

Разные бывают поросята.

Слониха

Прекрасно, прекрасно!

Какие таланты бывают среди поросят!
Одну минуточку, там стучат.

Кот

Приятно, да-да! Приятно, ха-ха!
О-о-о-чень приятно!
Здравствуйте, уважаемая Слониха,
Почтенный Сурок, очаровательный Слоненок,
Прелестный Утенок, несравненный Верблюжонок,
Прекрасный Волчонок
И восхитительный Поросенок!
Я, кажется, попал на бал?
Я, видите ли, хотел сообщить по секрету
Величайшую новость.
Зайду в другой раз.

Слониха

Ах, Кот, оставайтесь у нас!

Все

Оставайтесь у нас!

Слониха

Расскажите нам секрет.

Кот

Ах, нет.
Ей-богу, я слишком занят,
Я работаю воспитателем в мышином детском саду.
Разрешите, я пойду.

Слониха

Нет, вы наш гость и вы останетесь у нас.

Кот

Я зайду в другой раз.

Слониха

Я обижусь, я вас очень прошу!

Кот

Ну что ж, хотя я и спешу,

Я остаюсь...ох!
Здесь, кажется, есть пирог?

Сурок

Всею свой срок.
Вы, кажется, хотели сообщить нам секрет?

Кот

Секрет? Нет.
Я дал слово, что буду молчать.

Сурок

Но нам вы можете сказать.
Здесь все свои.

Слониха

Скажите! Не томите!

Кот

Нет!

Все

Ах, скажите!

Кот

Ах, нет!

Все

Ну, скажите!

Кот

Нет.
Впрочем, ладно, я скажу.
Итак, сегодня я прохожу...

Все

Где?

Кот

Прохожу мимо....

Все

Чего?

Кот

Прохожу мимо того, где нет ничего,
И вижу того, кто ни на что не похож,
И вижу, как он берет нож...
Где тут нож?
Вот так...он берет нож...

Все

А-ах!

Кот

Отрезает кусок...
Где тут пирог?
Вот так отрезает кусок...
И вот...вот так разевает рот...

Все

А-ах!

Кот

...И вот...вот...
Куска и нет.
Вот, собственно говоря, и весь секрет.

Слоненок

Какой же это секрет?

Верблюжонок

Это бред.

Поросенок

Это обман.

Утенок

Он, по-моему, пьян.

Слониха

Откровенно говоря, я ничего не поняла!

Кот

Именно так и обстояли дела.
Разрешите, я еще раз покажу.

Волчонок

Не смейте прикасаться к ножу!

Слониха

Я, кажется, поняла, в чем дело,
Надо, чтоб детвора играла и пела.

Сурук

Коты порой опасней, чем тигры.
Итак, дети, продолжим наши игры.
Чья очередь?

Волчонок

Моя.
Народный танец «Волк у ручья»,
А мне подыграют Слоненок и Сурук.

Слоненок

Где моя труба?

Сурук

Где мой смычок?

(Волчонок танцует.)

Утенок

Прекрасно! Прекрасно!

Волчонок

Ой, с меня градом течет пот.
Выходи, Утенок, твой черед.

Утенок

Я расскажу сказку про Кря-кря-крясную Шапочку.
Это очень красивая сказка.
Трогательная до слез.

Волчонок

Ну вот, понес...
Рассказывай!

Утенок

Жила-была... Жил-был...
А дальше я забыл...

Сурук

Попробуй вспомнить.

Утенок

Вчера пре-кря-сно помнил,
А сейчас забыл...

Сурук

Ну тогда не задерживай нас,
Расскажешь как-нибудь в другой раз.
А ты, Верблюжонок, чем порадуешь друзей?

Верблюжонок

Ей-ей.
Я сегодня не в настроении.
У нас, верблюдов, бывают припадки эдакой хандры,
Когда мы, так сказать, не очень бодры.
Но тем не менее
Я прочитаю стихотворение
Собственного сочинения.
«В лесу родилась елочка,
В лесу она росла,
Та елочка верблюдику
Подарена была.
Сперва от этой елочки
Он отжевал вершок,
А после скушал елочку
По самый корешок».
Ну как?

Слоненок

А елочку не едят.

Верблюжонок

Как не едят?
Мы, верблюды, едим даже кактус.
Так-то-с!

Мы едим все и этим горды.
И вообще обходимся без еды.

Поросенок

Ага!
Значит, ты можешь обойтись без пирога!
Отдай его мне.

Верблюжонок

Не желаю этого слушать!
Чтоб потом не есть, надо сперва покушать.
Кстати, пора попробовать пирог.
Что вы об этом думаете, уважаемый Сурук?

Сурук

М-да...

Волчонок

Но где же пирог?

Поросенок

Пирог пропал!

Утенок

Может быть, он упал?

Все

Где, где пирог?

Слониха

Тихо, тихо, я уверена, что это шутка.

Сурук

Пора кончать эту глупую шутку.
Кто спрятал пирог?

Кот

Одну минутку!
Я думаю, что дело крайне серьезно.
Искать пирог — поздно.
Его съел Волчонок,

Пока верблюд читал стихотворение,
На его морде я видел варенье,
Но не придал этому значения.

Слоненок

Как ты посмел?
Зачем ты съел?

Все

Как ты посмел?
Зачем ты съел?

Волчонок

Честное слово, я пирога не брал.
Спросите Поросенка, он видал.
Я сидел с ним рядом.

Поросенок

Правильно. Сидел с закрытым ртом.

Сурок

Сейчас я расправлюсь с этим скотом.
Успокойтесь, скоро
Я отыщу вора.
Слониха, пройдемте на кухню
И дайте мне горшок.

Слониха

Пожалуйста, уважаемый Сурок!

Кот

Какое печальное происшествие!
Как это могло случиться?
К сожалению, я вынужден удалиться,
Иначе я бы этого молодца...

Сурок

Нет, Кот, вы останетесь здесь до конца!
Вот, звери, перед вами волшебный горшок.
Он достаточно широк,
Чтоб вы туда сунули ваши лапки.
Просьба одна:

Дотронуться до дна.
Как только вор притронется ко дну,
Горшок закричит. Ну?
Начинай, Волчонок.

Волчонок

Горшок молчит. Виноват не я.

Поросенок

Молчит, как копченая свинья.

Утенок

Молчит, как утиный паштет.

Верблюжонок

Молчит, как верблюжий след.

Слоненок

Молчит, как слоновый бивень в музее.

Сурок

А ну-ка, Кот. Подходите скорее.
Суйте лапу поближе в горшок.

Кот

Нет уж, вы первый.

Сурок

Молчит, как сурок.
Суйте-ка вашу лапу, Кот.
Поглубже, поглубже! Вот-вот-вот!

Кот

Горшок молчит, как сметана!

Слониха

Все это очень и очень странно.
Кто же все-таки этот плут?

Сурок

Выясним все через пять минут.
А ну-ка, звери, покажите ваши лапы.

Волчонок

Наши лапы черны, как арапы.

Верблюжонок

Наши лапы почему-то в саже.

Сурок

А вот вам, звери, виновник кражи.

Глядите на лапу Кота.

Все

Она чиста!

Сурок

В этом-то все и дело.

Горшок, который я вам принес,

Никакой не волшебный,

А самый обыкновенный.

Я сделал с ним только одно,

Немного сажи насыпал на дно,

Все вы дотронулись до дна,

Потому что совесть у вас чиста,

Все, за исключением Кота.

Волчонок

Разрешите, я его укушу!

Слоненок

Я его хоботом оглушу!

Утенок

А я его клюну!

Верблюжонок

А я на него плюну!

Кот

Ха-ха-ха! Любовь к шуткам — мое главное свойство!

Простите за напрасное беспокойство.

Вот ваш пирог,

Я спрятал его в мешок

И откусил лишь маленький кусок.

Слониха

Как вам не стыдно, Кот!

От пирога остались только крохи!

Кот

Но и они не плохи.

Кушайте, звери, кушайте, ради бога.

Сурок

Кот, уходите с этого порога!

Вы старый обманщик и старый плут,

Вам нечего делать тут.

Пусть узнают все звери лесные,

Степные и болотные,

Какое вы скверное животное.

Уходите прочь!

Все

Прочь! Прочь!

Кот

Да, я уйду, но вы мне ответите за оскорбление!

Я буду жаловаться в домоуправление!

Я, мяу, я, мяу, подлец и прохвост,

Я пакостил всем многократно.

И каждого зверя мне дернуть за хвост —

Приятно, да-да, приятно, ха-ха,

Очень приятно!

Слониха

Ну и мошеник! Как только терпит свет его?

Не печальтесь, я завтра испеку вам пирог лучше этого!

Приходите прямо с утра.

Сурок

А теперь, зверята, пора.

Пора по домам.

Не волнуйте ваших пап и мам.

До свидания, Слониха! До свидания, Слоненок!

Слониха

До свидания, Сурок! До свиданья, детвора!

Утенок

Ни пуха, ни пера!

Слоненок

Приходите, я очень люблю гостей,
Если они не шалуны и проказники,
Приходите ко мне и в будни, и в праздники.
Приходите завтра, прямо с утра.

Звери (поют)

Мы уходим, мы уходим,
Потому что поздний час.
До свиданья, до свиданья,
Было весело у вас,
Замечательно, замечательно!
До свидания, Слоненок!
До свидания, Сурок!
До свидания, Слониха,
Просим нам испечь пирог
Настоятельно, настоятельно!
Мы уходим, мы уходим,
Потому что время спать.
Если будет день рождения,
Позовите нас опять
Обязательно, обязательно!

Конец

Басни

Л. ТОЛСТОЙ

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит: «Сломайте!».

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту.

Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит:

«Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться, да все врозь — вас всякий легко погубит».

Мальчик стерег овец и, будто увидав волка, стал звать: «Помогите, волк! волк!» Мужики прибежали и видят: неправда. Так сделал он и два, и три раза, случилось — и вправду набежал волк. Мальчик стал кричать: «Сюда, сюда скорей, волк!». Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманывает, — не послушали его.

Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал все стадо.

Хотела галка пить. На дворе стоял кувшин с водой, а в кувшине была вода только на дне. Галке нельзя было достать.

Она стала кидать в кувшин камушки и столько наклала, что вода стала выше и можно было пить.

Поэзия

В. ВИТКА

Считалочка

(Пер. с белорус. И. Токмаковой)

Раз,
два,
три,
четыре,
пять,
Негде зайчику скакать:
Всюду ходит волк, волк.
Он зубами — щелк, щелк!

А мы спрячемся в кусты,
Прячься, зайнышка, и ты.
Ты, волчище, погоди!
Как попрячемся — иди.

Ю. ТУВИМ

Чудеса

(Пер. с польск. В. Приходько)

Однажды в июле,
В чудесный денек,
Вдруг выпал
Оранжевый снег
На лужок.
И в небо над лугом
Привычно и ловко
Взлетела корова,
Как божья коровка.
А бабочки
Гнезда из прутиков
Вили
И в сети
Зеленое солнце ловили.
Залаяли птицы.
Запели собаки.

Я вас уверяю,
Что это не враки.
Зажмурив глаза,
Я улегся в траву
И все чудеса
Увидал наяву.

Про пана Трулялинского

(Пересказ с польск. Б. Заходера)

Кто не слышал об артисте
Тралиславе Трулялинском!
А живет он в Припевайске,
В переулке Веселинском.

С ним и тетка — Трулялетка,
И дочурка — Трулялюрка,
И сынышка — Трулялишка,
И собачка — Трулялячка.
Есть у них еще котенок
По прозванью Труляленок,
И вдобавок попугай —
Развеселый Труляляй!

На заре они встают,
Чаю наскоро попьют,
И встречает вся компания
Звонкой песней утро раннее.

Палочку-трулялочку
Поднимет дирижер —
И сразу по приказу
Зальется дружный хор:
«Тру-ля-ля да тру-ля-ля!
Тра-ля-ля да тра-ла-ла!
Честь и слава Тралиславу!
Трулялинскому хвала!»

Трулялинский чуть не пляшет,
Дирижерской палкой машет
И, усами шевеля,
Подпеваает:
«Тру-ля-ля!»
«Тру-ля-ля!» — звучит уже
На дворе и в гараже,
И прохожий пешеход
Ту же песенку поет.

Все шоферы — Трулялеры,
Почтальоны — Труляльоны,
Футболисты — Трулялисты,
Продавщицы — Трулялицы,
Музыканты — Трулялянты
И студенты — Труляленты.

Сам учитель — Трулялитель,
А ребята — Трулялята!

Даже мышки, даже мушки
Распевают: «Трулялюшки!»
В Припевайске весь народ
Припеваючи живет!

Ф. ГРУБИН

Слезы

(Пер. с чеш. Е. Солоновича)

Пусть плачет, если хочет, кто-то.
А я не плачу. Неохота.
И мне за плачущих обидно:
Сквозь слезы солнышка не видно.

Литературные сказки

А. МИЛН

Винни-Пух и все-все-все

(Главы из книги, пер. с англ. Б. Заходера)

Глава первая,

в которой мы знакомимся с Винни-Пухом и несколькими пчелами

Ну вот, перед вами Винни-Пух.

Как видите, он спускается по лестнице вслед за своим другом Кристофером Роббином, головой вниз, пересчитывая ступеньки собственным затылком: бум-бум-бум. Другого способа сходить с лестницы он пока не знает. Иногда ему, правда, кажется, что можно бы найти какой-то другой способ, если бы он только мог на минутку перестать бумкать и как следует сосредоточиться. Но — увы! — сосредоточиться-то ему и некогда.

Как бы то ни было, вот он уже спустился и готов с вами познакомиться.
— Винни-Пух. Очень приятно!

Вас, вероятно, удивляет, почему его так странно зовут, а если вы знаете английский, то вы удивитесь еще больше.

Это необыкновенное имя подарил ему Кристофер Робин. Надо вам сказать, что когда-то Кристофер Робин был знаком с одним лебедем на пруду, которого он звал Пухом. Для лебеда это было очень подходящее имя, потому что если ты зовешь лебеда громко: «Пу-ух! Пу-ух!» — а он не откликается, то ты всегда

можешь сделать вид, что ты просто понарошку стрелял; а если ты звал его тихо, то все подумают, что ты просто подул себе на нос. Лебедь потом куда-то делся, а имя осталось, и Кристофер Робин решил отдать его своему медвежонку, чтобы оно не пропало зря.

А Винни — так звали самую лучшую, самую добрую медведицу в зоологическом саду, которую очень-очень любил Кристофер Робин. А она очень-очень любила его. Ее ли называли Винни в честь Пуха, или Пуха называли в ее честь — теперь уже никто не знает, даже папа Кристофера Робина. Когда-то он знал, а теперь забыл.

Словом, теперь мишку зовут Винни-Пух, и вы знаете почему.

Иногда Винни-Пух любит вечером во что-нибудь поиграть, а иногда, особенно когда папа дома, он больше любит тихонько посидеть у огня и послушать какую-нибудь интересную сказку.

В этот вечер...

— Папа, как насчет сказки? — спросил Кристофер Робин.

— Что насчет сказки? — спросил папа.

— Ты не мог бы рассказать Винни-Пуху сказочку? Ему очень хочется!

— Может быть, и мог бы, — сказал папа. — А какую ему хочется и про кого?

— Интересную, и про него, конечно. Он ведь у нас ТАКОЙ медвежонок!

— Понимаю, — сказал папа.

— Так, пожалуйста, папочка, расскажи!

— Попробую, — сказал папа.

И он попробовал.

Давным-давно — кажется, в прошлую пятницу — Винни-Пух жил в лесу один-одинешенек, под именем Сандерс.

— Что значит «жил под именем»? — немедленно спросил Кристофер Робин.

— Это значит, что на дощечке над дверью было золотыми буквами написано «Мистер Сандерс», а он под ней жил.

— Он, наверно, и сам этого не понимал, — сказал Кристофер Робин.

— Зато теперь понял, — проворчал кто-то басом.

— Тогда я буду продолжать, — сказал папа.

— Вот однажды, гуляя по лесу, Пух вышел на полянку. На полянке рос высокий-превысокий дуб, а на самой верхушке этого дуба кто-то громко жужжал: жжжжжжж...

Винни-Пух сел на траву под деревом, обхватил голову лапами и стал думать.

Сначала он подумал так: «Это — жжжжжж — неспроста! Зря никто жужжать не станет. Само дерево жужжать не может. Значит, тут кто-то жужжит. А зачем тебе жужжать, если ты — не пчела? По-моему, так!»

Потом он еще подумал-подумал и сказал про себя: «А зачем на свете пчелы? Для того, чтобы делать мед! По-моему, так!»

Тут он поднялся и сказал:

— А зачем на свете мед? Для того, чтобы я его ел! По-моему, так, а не иначе!

И с этими словами он полез на дерево.

Он лез, и лез, и все лез, и по дороге он пел про себя песенку, которую сам тут же сочинил. Вот какую:

Мишка очень любит мед!

Почему? Кто поймет?

В самом деле, почему

Мед так нравится ему?

Вот он влез еще немножко повыше... и еще немножко... и еще совсем-совсем немножко повыше... И тут ему пришла на ум другая песенка-пыхтелка:

Если б мишки были пчелами,

То они бы нипочем

Никогда и не подумали

Так высоко строить дом!

И тогда (конечно, если бы

Пчелы — это были мишки!)

Нам бы, мишкам, было незачем

Лазить на такие вышки!

По правде говоря, Пух уже порядком устал, поэтому Пыхтелка получилась такая жалобная. Но ему осталось лезть уже совсем-совсем-совсем немножко. Вот стоит только влезть на эту веточку — и...

ТРРАХ!

— Мама! — крикнул Пух, пролетев добрых три метра вниз и чуть не задев носом о толстую ветку.

— Эх, и зачем я только... — пробормотал он, пролетев еще метров пять.

— Да ведь я не хотел сделать ничего плохого... — попытался он объяснить, стукнувшись о следующую ветку и перевернувшись вверх тормашками.

— А все из-за того, — признался он наконец, когда перекувырнулся еще три раза, пожелал всего хорошего самым нижним веткам и плавно приземлился в колючий-преколючий терновый куст, — все из-за того, что я слишком люблю мед! Мама!..

Пух выкарабкался из тернового куста, вытащил из носа колючки и снова задумался. И самым первым делом он подумал о Кристофере Робине.

— Обо мне? — переспросил дрожащим от волнения голосом Кристофер Робин, не смея верить такому счастью.

— О тебе.

Кристофер Робин ничего не сказал, но глаза его становились все больше и больше, а щеки все розовели и розовели.

Итак, Винни-Пух отправился к своему другу Кристоферу Робину, который жил в том же лесу, в доме с зеленой дверью.

— Доброе утро, Кристофер Робин! — сказал Пух.

— Доброе утро, Винни-Пух! — сказал мальчик.
— Интересно, нет ли у тебя случайно воздушного шара?
— Воздушного шара?
— Да, я как раз шел и думал: «Нет ли у Кристофера Робина случайно воздушного шара?». Мне было просто интересно.
— Зачем тебе понадобился воздушный шар?
Винни-Пух оглянулся и, убедившись, что никто не подслушивает, прижал лапу к губам и сказал страшным шепотом:
— Мед.
— Что-о?
— Мед! — повторил Пух.
— Кто же это ходит за медом с воздушными шарами?
— Я хожу! — сказал Пух.

Ну, а как раз накануне Кристофер Робин был на вечере у своего друга Пятачка, и там всем гостям дарили воздушные шарики. Кристоферу Робину достался большущий зеленый шар, а одному из Родных и Знакомых Кролика приготовили большой-пребольшой синий шар, но этот Родственник и Знакомый его не взял, потому что сам он был еще такой маленький, что его не взяли в гости, поэтому Кристоферу Робину пришлось, так и быть, захватить с собой оба шара — и зеленый, и синий.

— Какой тебе больше нравится? — спросил Кристофер Робин.

Пух обхватил голову лапами и задумался глубоко-глубоко.

— Вот какая история, — сказал он. — Если хочешь достать мед — главное дело в том, чтобы пчелы тебя не заметили. И вот, значит, если шар будет зеленый, они могут подумать, что это листик, и не заметят тебя, а если шар будет синий, они могут подумать, что это просто кусочек неба, и тоже тебя не заметят. Весь вопрос — чему они скорее поверят?

— А думаешь, они не заметят под шариком тебя?

— Может, заметят, а может, и нет, — сказал Винни-Пух. — Разве знаешь, что пчелам в голову придет? — Он подумал минутку и добавил: — Я притворюсь, как будто я маленькая черная тучка. Тогда они не догадаются!

— Тогда тебе лучше взять синий шарик, — сказал Кристофер Робин.

И вопрос был решен.

Друзья взяли с собой синий шар, Кристофер Робин, как всегда (просто на всякий случай), захватил свое ружье, и оба отправились в поход.

Винни-Пух первым делом подошел к одной знакомой луже и как следует вывалялся в грязи, чтобы стать совсем-совсем черным, как настоящая тучка. Потом они стали надувать шар, держа его вдвоем за веревочку. И когда шар раздулся так, что казалось, вот-вот лопнет, Кристофер Робин вдруг отпустил веревочку, и Винни-Пух плавно взлетел в небо и остановился там — как раз напротив верхушки пчелиного дерева, только немного в стороне.

— Ураааа! — закричал Кристофер Робин.
— Что, здорово? — крикнул ему из поднебесья Винни-Пух. — Ну, на кого я похож?

— На медведя, который летит на воздушном шаре!

— А на маленькую черную тучку разве не похож? — тревожно спросил Пух.

— Не очень.

— Ну ладно, может быть, отсюда больше похоже. А потом, разве знаешь, что придет пчелам в голову!

К сожалению, ветра не было, и Пух повис в воздухе совершенно неподвижно. Он мог чують мед, он мог видеть мед, но достать мед он, увы, никак не мог.

Спустя некоторое время он снова заговорил.

— Кристофер Робин! — крикнул он шепотом.

— Чего?

— По-моему, пчелы что-то подозревают!

— Что именно?

— Не знаю я. Но только, по-моему, они ведут себя подозрительно!

— Может, они думают, что ты хочешь утащить у них мед?

— Может, и так. Разве знаешь, что пчелам в голову придет!

Вновь наступило недолгое молчание. И опять послышался голос Пуха:

— Кристофер Робин!

— Что?

— У тебя дома есть зонтик?

— Кажется, есть.

— Тогда я тебя прошу: принеси его сюда и ходи тут с ним взад и вперед, а сам поглядывай все время на меня и приговаривай: «Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается!» Я думаю, тогда пчелы нам лучше поверят.

Ну, Кристофер Робин, конечно, рассмеялся про себя и подумал: «Ах ты, глупенький мишка!» — но вслух он этого не сказал, потому что он очень любил Пуха.

И он отправился домой за зонтиком.

— Наконец-то! — крикнул Винни-Пух, как только Кристофер Робин вернулся. — А я уже начал беспокоиться. Я заметил, что пчелы ведут себя совсем подозрительно!

— Открыть зонтик или не надо?

— Открыть, но только погоди минутку. Надо действовать наверняка. Самое главное — это обмануть пчелиную царицу. Тебе ее оттуда видно?

— Нет.

— Жаль, жаль. Ну, тогда ты ходи с зонтиком и говори: «Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается», а я буду петь специальную Тучкину Песню — такую, какую, наверно, поют все тучки в небесах... Давай!

Кристофер Робин принялся расхаживать взад и вперед под деревом и говорить, что, кажется, дождь собирается, а Винни-Пух запел такую песню:

Я Тучка, Тучка, Тучка,
А вовсе не медведь,
Ах, как приятно Тучке
По небу лететь!
Ах, в синем-синем небе
Порядок и уют —
Поэтому все Тучки
Так весело поют!

Но пчелы, как ни странно, жужжали все подозрительнее и подозрительнее. Многие из них даже вылетели из гнезда и стали летать вокруг Тучки, когда она запела второй куплет песни. А одна пчела вдруг на минутку присела на нос Тучки и сразу же снова взлетела.

— Кристофер — ай! — Робин! — закричала Тучка.

— Что?

— Я думал, думал и наконец все понял. Это неправильные пчелы!

— Да ну?

— Совершенно неправильные! И они, наверно, делают неправильный мед, правда?

— Ну да?

— Да. Так что мне, скорей всего, лучше спуститься вниз.

— А как? — спросил Кристофер Робин.

Об этом Винни-Пух как раз еще и не подумал. Если он выпустит из лап веревочку, он упадет и опять бумкнет. Эта мысль ему не понравилась. Тогда он еще как следует подумал и потом сказал:

— Кристофер Робин, ты должен сбить шар из ружья. Ружье у тебя с собой?

— Понятно, с собой, — сказал Кристофер Робин. — Но если я выстрелю в шарик, он же испортится!

— А если ты не выстрелишь, тогда испорчусь я, — сказал Пух.

Конечно, тут Кристофер Робин сразу понял, как надо поступить. Он очень тщательно прицелился в шарик и выстрелил.

— Ой-ой-ой! — вскрикнул Пух.

— Разве я не попал? — спросил Кристофер Робин.

— Не то чтобы совсем не попал, — сказал Пух, — но только не попал в шарик!

— Прости, пожалуйста, — сказал Кристофер Робин и выстрелил снова.

На этот раз он не промахнулся. Воздух начал медленно выходить из шарика, и Винни-Пух плавно опустился на землю.

Правда, лапки у него совсем одеревенели, оттого что ему пришлось столько времени висеть, держась за веревочку. Целую неделю после этого происшествия он не мог ими пошевелить, и они так и торчали кверху. Если ему на нос садилась муха, ему приходилось сдвигать ее: «Пухх! Пуххх!»

И, может быть — хотя я в этом не уверен, — может быть, именно тогда-то его и назвали Пухом.

— Сказке конец? — спросил Кристофер Робин.

— Конец этой сказке. А есть и другие.

— Про Пуха и про меня?

— И про Кролика, про Пятачка, и про всех остальных. Ты сам разве не помнишь?

— Помнить-то я помню, но когда хочу вспомнить, то забываю...

— Ну, например, однажды Пух и Пятачок решили поймать Слонопотама...

— А поймали они его?

— Нет.

— Где им! Ведь Пух совсем глупенький. А я его поймал?

— Ну, услышишь — узнаешь.

Кристофер Робин кивнул.

— Понимаешь, папа, я-то все помню, а вот Пух забыл, и ему очень-очень интересно послушать опять. Ведь это будет настоящая сказка, а не просто так... воспоминание.

— Вот и я так думаю.

Кристофер Робин глубоко вздохнул, взял медвежонка за заднюю лапу и поплелся к двери, волоча его за собой. У порога он обернулся и сказал:

— Ты придешь посмотреть, как я купаюсь?

— Наверно, — сказал папа.

— А ему не очень было больно, когда я попал в него из ружья?

— Ни капельки, — сказал папа.

Мальчик кивнул и вышел, и через минуту папа услышал, как Винни-Пух поднимается по лесенке: бум-бум-бум.

Глава вторая,

в которой Винни-Пух пошел в гости, а попал в Безвыходное Положение

Как-то днем известный своим друзьям, а значит, теперь и вам, Винни-Пух (кстати, иногда для краткости его звали просто Пух) не спеша прогуливался по Лесу с довольно важным видом, ворча себе под нос новую песенку.

Ему было чем гордиться — ведь эту песенку-ворчалку он сам сочинил только сегодня утром, занимаясь, как обычно, утренней гимнастикой перед зеркалом. Надо вам сказать, что Винни-Пух очень хотел похудеть и потому старательно занимался гимнастикой. Он поднимался на носки, вытягивался изо всех сил и в это время пел так:

— Тара-тара-тара-ра!

А потом, когда он наклонялся, стараясь дотянуться передними лапками до носков, он пел так:

— Тара-тара-ой, караул, трам-пам-па!

Ну, вот так и сочинилась песенка-ворчалка, и после завтрака Винни все время повторял ее про себя, все ворчал и ворчал, пока не выучил ее всю наизусть.

Теперь он знал ее всю от начала до конца. Слова в этой Ворчалке были приблизительно такие:

Тара-тара-тара-ра!
Трам-пам-пам-тарарам-пам-па!
Тири-тири-тири-ри,
Трам-пам-пам-тиририм-пим-пи!

И вот, ворча себе под нос эту Ворчалку и размышляя — а размышлял Винни-Пух о том, что было бы, если бы он, Винни, был не Винни-Пухом, а кем-нибудь совсем-совсем другим, — наш Винни незаметно дошел до песчаного откоса, в котором была большая дыра.

— Ага! — сказал Пух (трам-пам-пам-тирирам-пам-па!). — Если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, то дыра — это нора, а нора — это Кролик, а Кролик — это подходящая компания, а подходящая компания — это такая компания, где меня чем-нибудь угостят и с удовольствием послушают мою Ворчалку. И все такое прочее!

Тут он наклонился, сунул голову в нору и крикнул:

— Эй! Кто-нибудь дома?

Вместо ответа послышалась какая-то возня, а потом снова стало тихо.

— Я спросил: «Эй! Кто-нибудь дома?» — повторил Пух громко-громко.

— Нет! — ответил чей-то голос. — И незачем так орать, — прибавил он, — я и в первый раз прекрасно тебя понял.

— Простите! — сказал Винни-Пух. — А что, совсем-совсем никого нет дома?

— Совсем-совсем никого! — отвечал голос. Тут Винни-Пух вытащил голову из норы и задумался.

Он подумал так: «Не может быть, чтобы там совсем-совсем никого не было! Кто-то там все-таки есть — ведь кто-нибудь должен же был сказать: «Совсем-совсем никого!»

Поэтому он снова наклонился, сунул голову в отверстие норы и сказал:

— Слушай, Кролик, а это не ты?

— Нет, не я! — сказал Кролик совершенно не своим голосом.

— А разве это не твой голос?

— По-моему, нет, — сказал Кролик. — По-моему, он совсем, ну ни капельки не похож! И не должен быть похож!

— Вот как? — сказал Пух.

Он снова вытащил голову наружу, еще раз задумался, а потом опять сунул голову обратно и сказал:

— Будьте так добры, скажите мне, пожалуйста, куда девался Кролик?

— Он пошел в гости к своему другу Винни-Пуху. Они, знаешь, какие с ним друзья!

Тут Винни-Пух прямо охнул от удивления.

— Так ведь это же я! — сказал он.

— Что значит «я»? «Я» бывают разные!

— Это «я» значит: это я, Винни-Пух!

На этот раз удивился Кролик. Он удивился еще больше Винни.

— А ты в этом уверен? — спросил он.

— Вполне, вполне уверен! — сказал Винни-Пух.

— Ну хорошо, тогда входи!

И Винни полез в нору. Он протискивался, протискивался, протискивался и наконец очутился там.

— Ты был совершенно прав, — сказал Кролик, осмотрев его с головы до ног. — Это действительно ты! Здравствуй, очень рад тебя видеть!

— А ты думал, кто это?

— Ну, я думал, мало ли кто это может быть! Сам знаешь, тут, в Лесу, нельзя пускать в дом кого попало! Осторожность никогда не повредит. Ну ладно. А не пора ли чем-нибудь подкрепиться?

Винни-Пух был всегда не прочь немного подкрепиться, в особенности часов в одиннадцать утра, потому что в это время завтрак уже давно окончился, а обед еще и не думал начинаться. И, конечно, он страшно обрадовался, увидев, что Кролик достает чашки и тарелки. А когда Кролик спросил: «Тебе чего намазать — меду или сгущенного молока?» — Пух пришел в такой восторг, что выпалил: «И того и другого!» Правда, спохватившись, он, чтобы не показаться очень жадным, поскорее добавил: «А хлеба можно вообще не давать!»

И тут он замолчал и долго-долго ничего не говорил, потому что рот у него был ужасно занят.

А спустя долгое время, мурлыкая что-то сладким-сладким голосом — голос у него стал прямо-таки медовый! — Пух встал из-за стола, от всей души пожал Кролику лапу и сказал, что ему пора идти.

— Уже пора? — вежливо спросил Кролик.

Нельзя ручаться, что он не подумал про себя: «Не очень-то вежливо уходить из гостей сразу, как только ты наелся». Но вслух он этого не сказал, потому что он был очень умный Кролик.

Вслух он спросил:

— Уже пора?

— Ну, — замылся Пух, — я мог бы побыть еще немного, если бы ты... если бы у тебя... — запинался он и при этом почему-то не сводил глаз с буфета.

— По правде говоря, — сказал Кролик, — я сам собирался пойти погулять.

— А-а, ну хорошо, тогда и я пойду. Всего хорошего.

— Ну, всего хорошего, если ты больше ничего не хочешь.

— А разве еще что-нибудь есть? — с надеждой спросил Пух, снова оживляясь. Кролик заглянул во все кастрюли и банки и со вздохом сказал:

— Увы, совсем ничего не осталось!

— Я так и думал, — сочувственно сказал Пух, покачав головой. — Ну, до свиданья, мне пора идти.

И он полез из норы. Он изо всех сил тянул себя передними лапками и изо всей мочи толкал себя задними лапками, и спустя некоторое время на воле оказался его нос... потом уши... потом передние лапы... потом плечи... а потом... А потом Винни-Пух закричал:

— Ай, спасите! Я лучше полезу назад!

Еще потом он закричал:

— Ай, помогите! Нет, уж лучше вперед!

И, наконец, он завопил отчаянным голосом:

— Ай-ай-ай, спасите-помогите! Не могу ни взад, ни вперед!

Тем временем Кролик, который, как мы помним, собирался пойти погулять, видя, что парадная дверь забита, выбежал наружу черным ходом и, обежав кругом, подошел к Пуху.

— Ты что — застрял? — спросил он.

— Не-ет, я просто отдыхаю, — ответил Пух, стараясь говорить веселым голосом. — Просто отдыхаю, думаю кой о чем и пою песенку...

— Ну-ка, дай мне лапу, — строго сказал Кролик.

Винни-Пух протянул ему лапу, и Кролик стал его тащить.

Он тащил и тащил, он тянул и тянул, пока Винни не закричал:

— Ой-ой-ой! Больно!

— Теперь все ясно, — сказал Кролик, — ты застрял

— Все из-за того, — сердито сказал Пух, — что выход слишком узкий!

— Нет, все из-за того, что кто-то пожадничал! — строго сказал Кролик. — За столом мне все время казалось, хотя из вежливости я этого не говорил, что кто-то слишком много ест! И я твердо знал, что этот «кто-то» — не я! Делать нечего, придется сбегать за Кристофером Робин.

Кристофер Робин, друг Винни-Пуха и Кролика, жил, как вы помните, совсем в другом конце Леса. Но он сразу же прибежал на помощь и, когда увидел переднюю половину Винни-Пуха, сказал: «Ах ты, глупенький мой мишка!» — таким ласковым голосом, что у всех сразу стало легче на душе.

— А я как раз начал думать, — сказал Винни, слегка хлюпая носом, — что вдруг бедному Кролику уже никогда-никогда не придется ходить через парадную дверь... Я бы тогда очень-очень огорчился...

— Я тоже, — сказал Кролик.

— Не придется ходить через парадную дверь? — переспросил Кристофер Робин. — Почему? Пожалуй, придется...

— Ну вот и хорошо, — сказал Кролик.

— Пожалуй, придется втолкнуть тебя в нору, если мы не сможем тебя вытащить, — закончил Кристофер Робин.

Тут Кролик задумчиво почесал за ухом и сказал, что ведь если Винни-Пуха втолкнуть в нору, то он там останется навсегда. И что хотя он, Кролик, всегда безумно рад видеть Винни-Пуха, но все-таки, что ни говори, одним полагается жить на земле, а другим под землей, и...

— По-твоему, я теперь никогда-никогда не выйду на волю? — спросил Пух жалобно.

— По-моему, если ты уже наполовину вылез, жаль останавливаться на полпути, — сказал Кролик.

Кристофер Робин кивнул головой.

— Выход один, — сказал он, — нужно подождать, пока ты опять похудеешь.

— А долго мне нужно худеть? — испуганно спросил Пух.

— Да так, с недельку.

— Ой, да не могу же я торчать тут целую неделю!

— Торчать-то ты как раз отлично можешь, глупенький мой мишка. Вот вытащить тебя отсюда — это дело похитрее!

— Не горюй, мы будем читать тебе вслух! — весело воскликнул Кролик. — Только бы снег не пошел... Да, вот еще что, — добавил он, — ты, дружок, занял у меня почти всю комнату... Можно, я буду вешать полотенца на твои задние ноги? А то они торчат там совершенно зря, а из них выйдет чудесная вешалка для полотенец!

— Ой-ой-ой, це-е-лу-ю неделю! — грустно сказал Пух. — А как же обедать?!

— Обедать, дорогой мой, не придется! — сказал Кристофер Робин. — Ведь ты должен скорей похудеть! Вот читать вслух — это мы тебе обещаем!

Медвежонок хотел вздохнуть, но не смог — настолько крепко он застрял. Он уронил слезинку и сказал:

— Ну, уж вы тогда хотя бы читайте мне какую-нибудь удобоваримую книгу, которая может поддержать и утешить несчастного медвежонка в безвыходном положении...

И вот целую неделю Кристофер Робин читал вслух именно такую удобоваримую, то есть понятную и интересную, книжку возле Северного Края Пуха, а Кролик вешал выстиранное белье на его Южный Край... И тем временем Пух становился все тоньше, и тоньше, и тоньше.

А когда неделя кончилась, Кристофер Робин сказал:

— Пора!

Он ухватился за передние лапы Пуха, Кролик ухватился за Кристофера Робина, а все Родные и Знакомые Кролика (их было ужасно много!) ухватились за Кролика и стали тащить изо всей мочи.

И сперва Винни-Пух говорил одно слово:

— Ой!

А потом другое слово:

— Ох!

И вдруг — совсем-совсем вдруг — он сказал:

— Хлоп! — точь-в-точь как говорит пробка, когда она вылетает из бутылки.

Тут Кристофер Робин, и Кролик, и все Родные и Знакомые Кролика сразу полетели вверх тормашками! Получилась настоящая куча мала.

А наверху этой кучи очутился Винни-Пух — свободный!

Винни-Пух важно кивнул всем своим друзьям в знак благодарности и с важным видом отправился гулять по Лесу, напевая свою песенку. А Кристофер Робин посмотрел ему вслед и ласково прошептал:

— Ах ты, глупенький мой мишка!

Глава четвертая, в которой Иа-Иа теряет хвост, а Пух находит

Старый серый ослик Иа-Иа стоял один-одинешенек в заросшем чертополохом уголке леса, широко расставив передние ноги и свесив голову набок, и думал о Серьезных Вещах. Иногда он грустно думал: «Почему?», а иногда: «По какой причине?», а иногда он думал даже так: «Какой же отсюда следует вывод?» И неудивительно, что порой он вообще переставал понимать, о чем же он, собственно, думает.

Поэтому, сказать вам по правде, услышав тяжелые шаги Винни-Пуха, Иа очень обрадовался, что может на минутку перестать думать и просто поздороваться.

— Как самочувствие? — по обыкновению уныло спросил он.

— А как твое? — спросил Винни-Пух.

Иа покачал головой.

— Не очень как! — сказал он. — Или даже совсем никак. Мне кажется, я уже очень давно не чувствовал себя как.

— Ай-ай-ай, — сказал Пух, — очень грустно! Дай-ка я на тебя посмотрю.

Иа-Иа продолжал стоять, понуро глядя в землю, и Винни-Пух обошел вокруг него.

— Ой, что это случилось с твоим хвостом? — спросил он удивленно.

— А что с ним случилось? — сказал Иа-Иа.

— Его нет!

— Ты не ошибся?

— Хвост или есть, или его нет. По-моему, тут нельзя ошибиться. А твоего хвоста нет.

— А что же тогда там есть?

— Ничего.

— Ну-ка, посмотрим, — сказал Иа-Иа.

И он медленно повернулся к тому месту, где недавно был его хвост; затем, заметив, что ему никак не удастся его догнать, он стал поворачиваться в обратную сторону, пока не вернулся туда, откуда начал, а тогда он опустил голову и посмотрел снизу и наконец сказал, глубоко и печально вздыхая:

— Кажется, ты прав.

— Конечно, я прав, — сказал Пух.

— Это вполне естественно, — грустно сказал Иа-Иа. — Теперь все понятно. Удивляться не приходится.

— Ты, наверно, его где-нибудь позабыл, — сказал Винни-Пух.

— Наверно, его кто-нибудь утащил... — сказал Иа-Иа. — Чего от них ждать! — добавил он после большой паузы.

Пух чувствовал, что он должен сказать что-нибудь полезное, но не мог придумать, что именно. И он решил вместо этого сделать что-нибудь полезное.

— Иа-Иа, — торжественно произнес он, — я, Винни-Пух, обещаю тебе найти твой хвост.

— Спасибо, Пух, — сказал Иа. — Ты настоящий друг. Не то что некоторые!

И Винни-Пух отправился на поиски хвоста.

Он вышел в путь чудесным весенним утром. Маленькие прозрачные облачка весело играли на синем небе. Они то набегали на солнышко, словно хотели его закрыть, то поскорее убежали, чтобы дать и другим побаловаться.

А солнце весело светило, не обращая на них никакого внимания, и сосна, которая носила свои иголки круглый год не снимая, казалась старой и потрепанной рядом с березками, надевшими новые зеленые кружева. Винни шагал мимо сосен и елок, шагал по склонам, заросшим можжевельником и репейником, шагал по крутым берегам ручьев и речек, шагал среди груд камней и снова среди зарослей, и вот наконец, усталый и голодный, он вошел в Дремучий Лес, потому что именно там, в Дремучем Лесу, жила Сова.

«А если кто-нибудь что-нибудь о чем-нибудь знает, — сказал медвежонок про себя, — то это, конечно, Сова. Или я не Винни-Пух, — сказал он. — А я — он, — добавил Винни-Пух. — Значит, все в порядке!»

Сова жила в великолепном замке «Каштаны». Да, это был не дом, а настоящий замок. Во всяком случае, так казалось медвежонку, потому что на двери замка был и звонок с кнопкой, и колокольчик со шнурком. Под звонком было прибито объявление:

ПРОШУ НАЖАТЬ ЭСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ

А под колокольчиком другое объявление:

ПРОШУ ПАДЕРГАТЬ ЭСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ

Оба эти объявления написал Кристофер Робин, который один во всем Лесу умел писать. Даже Сова, хотя она была очень-очень умная и умела читать и даже подписывать свое имя — С а в а, и то не сумела бы правильно написать такие трудные слова.

Винни-Пух внимательно прочел оба объявления, сначала слева направо, а потом — на тот случай, если он что-нибудь пропустил, — справа налево.

Потом, для верности, он нажал кнопку звонка и постучал по ней, а потом он подергал шнурок колокольчика и крикнул очень громким голосом:

— Сова! Открывай! Пришел Медведь.

Дверь открылась, и Сова выглянула наружу.

— Здравствуй, Пух, — сказала она. — Какие новости?

— Грустные и ужасные, — сказал Пух, — потому что Иа-Иа, мой старый друг, потерял свой хвост, и он очень убивается о нем. Будь так добра, скажи мне, пожалуйста, как мне его найти?

— Ну, — сказала Сова, — обычная процедура в таких случаях нижеследующая...

— Что значит Бычья Цедура? — сказал Пух. — Ты не забывай, что у меня в голове опилки и длинные слова меня только огорчают.

— Ну, это означает то, что надо сделать.

— Пока она означает это, я не возражаю, — смиренно сказал Пух.

— А сделать нужно следующее: во-первых, сообщи в прессу. Потом...

— Будь здорова, — сказал Пух, подняв лапу. — Так что мы должны сделать с этой... как ты сказала? Ты чихнула, когда собиралась сказать.

— Я не чихала.

— Нет, Сова, ты чихнула.

— Прости, пожалуйста, Пух, но я не чихала. Нельзя же чихнуть и не знать, что ты чихнул.

— Ну и нельзя знать, что кто-то чихнул, когда никто не чихал.

— Я начала говорить: сперва сообщи...

— Ну вот ты опять! Будь здорова, — грустно сказал Винни-Пух.

— Сообщи в печать, — очень громко и внятно сказала Сова. — Дай в газету объявление и пообещай награду. Надо написать, что мы дадим что-нибудь хорошенькое тому, кто найдет хвост Иа-Иа.

— Понятно, понятно, — сказал Пух, кивая головой. — Кстати, насчет «чего-нибудь хорошенького», — продолжал он сонно, — я обычно как раз в это время не прочь бы чем-нибудь хорошенько подкре... — И он покосился на буфет, стоявший в углу комнаты Совы. — Скажем, ложечкой сгущенного молока или еще чем-нибудь, например, одним глоточком меду...

— Ну вот, — сказала Сова, — мы, значит, напишем наше объявление, и его расклеят по всему Лесу.

«Ложечка меду, — пробормотал медвежонок про себя, — или... или уж нет, на худой конец».

И он глубоко вздохнул и стал очень стараться слушать то, что говорила Сова.

А Сова говорила и говорила какие-то ужасно длинные слова, и слова эти становились все длиннее и длиннее... Наконец она вернулась туда, откуда начала, и стала объяснять, что написать это объявление должен Кристофер Робин.

— Это ведь он написал объявления на моей двери. Ты их видел, Пух?

Пух уже довольно давно говорил по очереди то «да», то «нет» на все, что бы ни сказала Сова. И так как в последний раз он говорил «да, да», то на этот раз он сказал: «Нет, нет, никогда!» — хотя не имел никакого понятия, о чем идет речь.

— Как, ты их не видел? — спросила Сова, явно удивившись. — Пойдем посмотрим на них.

Они вышли наружу, и Пух посмотрел на звонок и на объявление под ним и взглянул на колокольчик и шнурок, который шел от него, и чем больше он смотрел на шнурок колокольчика, тем больше он чувствовал, что он где-то видел что-то очень похожее... Где-то совсем в другом месте, когда-то раньше...

— Красивый шнурок, правда? — сказала Сова.

Пух кивнул.

— Он мне что-то напоминает, — сказал он, — но я не могу вспомнить, что. Где ты его взяла?

— Я как-то шла по лесу, а он висел на кустике, и я сперва подумала, что там кто-нибудь живет, и позвонила, и ничего не случилось, а потом я позвонила очень громко, и он оторвался, и, так как он, по-моему, был никому не нужен, я взяла его домой и...

— Сова, — сказал Пух торжественно, — он кому-то очень нужен.

— Кому?

— Иа. Моему дорогому другу Иа-Иа. Он... он очень любил его.

— Любил его?

— Был привязан к нему, — грустно сказал Винни-Пух.

С этими словами он снял шнурок с крючка и отнес его хозяину, то есть Иа, а когда Кристофер Робин прибил хвост на место, Иа-Иа принялся носиться по Лесу, с таким восторгом размахивая хвостом, что у Винни-Пуха защекотало во всем теле и ему пришлось поскорее побежать домой и немножко подкрепиться.

Спустя полчаса, утирая губы, он гордо спел:

Кто нашел хвост?

Я, Винни-Пух!

Около двух

(Только по-правдашнему было около одиннадцати!)

Я нашел хвост!

Э. БЛАЙТОН

ЗНАМЕНИТЫЙ УТЕНОК ТИМ

(Главы из книги, пер. с англ. Э. Паперной)

Слышите?

— Кряк! Кряк!

А знаете, кто это крякает? Это крякает знаменитый утенок Тим. Вы когда-нибудь слышали о нем? Наверное, слышали.

Кто же не знает Тима! О его приключениях можно написать целую книгу.

У Тима три сестры и три брата, но все они — обыкновенные утята, а Тим особенный.

Вы только посмотрите на него. Правда, можно подумать, что Тим — самый главный во дворе?

Однажды Тим вышел за ворота, посмотрел направо, посмотрел налево и побежал в поле.

— Эй, Тим! — забеспокоилась Мама-Утка. — Не отходи от меня так далеко.

— Ничего, мама! — крикнул Тим. — Я скоро вернусь! — И побежал дальше.

Через несколько шагов Тим вдруг остановился. Он увидел в траве какую-то странную вещь. Это была старая печная труба, внутри вся черная от сажи. Ну, конечно, Тиму нужно было в нее заглянуть.

— Да это настоящий тоннель! — обрадовался Тим. — Вот хорошо! А я буду паровоз!

Тим протиснулся в трубу и сразу весь перепачкался в саже. Чем дальше лез Тим, тем он становился все чернее и чернее. Видите, каким он вылез из трубы: даже клнов стал черным.

Мама-Утка не знала, что Тим полез в трубу. Мама-Утка думала, что Тим смиренно идет сзади. Вдруг она обернулась.

— Караул! Спасите!.. — завопила Мама-Утка и бросилась к своим утятам. — Бежим! Скорее! За нами гонится какое-то страшилище.

Мама-Утка и утята побежали по полю. Они мчались изо всех сил, а Тим бежал за ними вдогонку и кричал:

— Подождите! Подождите! Это я — Тим!

Но Мама-Утка и утята не слышали Тима. Они бежали по траве, громко крикали, падали, поднимались и снова бежали.

Вот и пруд.

— Прыгайте в воду! — скомандовала Мама-Утка. — Наверное, страшилище не умеет плавать!

Утята попрыгали в воду, и Мама-Утка за ними.

А Тим? Тим тоже добежал до пруда и тоже прыгнул в воду. Он нырнул на дно и забулькал, как лягушка.

Но вот Тим поднялся на поверхность воды.

Он опять стал желтеньким.

Мама-Утка осторожно поглядела по сторонам.

— Он ушел! Мы спасены! Тим, ты тоже здесь?

— Да, да, мама, — крикнул Тим. — Это я прогнал страшилище. Не бойтесь! Я не дам вас в обиду.

— Молодец, Тим! — хором закричали утята. — Какой ты умный и храбрый!

— Ну, не очень-то хвалите его, — проворчала Мама-Утка. — Это ему вредно. А теперь — хвосты вверх, головы прямо, — плывите за мной.

И они пошли домой — Мама-Утка впереди, утята позади, а за утятами — гордый и счастливый Тим.

На другое утро Тим сидел на берегу пруда и грелся на солнышке. Вдруг видит — по дороге идет человек с корзинкой.

«Куда он идет? — подумал Тим. — Пойду-ка я за ним».

Человек подошел к речке, вынул из корзинки мешок и швырнул его в воду!

Только человек ушел, Тим сейчас же прыг в воду — и подплыл к мешку. Мешок был завязан и тихонько пищал.

«Странно, — подумал Тим, — я никогда не слышал, чтобы мешки пищали». Он потянул мешок за веревочку и вытащил его на берег.

— Мяу, — пискнул мешок.

— Ой! — удивился Тим и отпрыгнул в сторону.

— Мяу, мяу! — пискнул мешок.

— Да там кто-то есть, — сказал Тим.

Он потянул за веревочку. Мешок раскрылся, и из мешка вылез худой, мокрый, дрожащий от холода черный котенок.

— Мяу, — сказал он. — Спасибо, утенок. Ты избавил меня от смерти. Кто ты?

— Знаменитый Тим, — гордо ответил утенок. — А ты кто?

— А я Черныш. Хозяин говорит, что я обжора, что на меня не напасешься молока. Вот он и решил меня утопить, но ты меня спас. Только куда же я теперь пойду?

— Пойдем со мной, — сказал Тим. — Ты будешь жить у нас во дворе. У нас во дворе много еды. Только, пожалуйста, отряхнись сначала, а то ты похож на мокрую курицу.

Черныш отряхнулся так, что вся трава кругом стала мокрой.

— Я готов.

И Тим гордо повел Черныша за собой. Он привел его во двор. Во дворе их встретили корова Роза, козел Буль и гусыня Тилли. Тим рассказал им печальную историю Черныша.

— Какой злой хозяин! — сказал козел Буль.

— Бедный Черныш, — вздохнула гусыня Тилли. — Ну ничего, теперь ты будешь жить у нас. — А кто попробует его обидеть, то будет иметь дело со мной! — крикнул Тим и так распушил свои желтые перья, что сразу стал вдвое больше.

— Никто тебя не обидит, Черныш, не бойся! — закричали все.

Только кот Снежок ничего не сказал. Это был белый хозяйский кот. Он важно подошел к своей мисочке и стал лакать молоко. Черныш посмотрел на мисочку и жалобно мяукнул. Ведь он еще ничего не ел с утра. Но Снежок даже не посмотрел на Черныша и стал лакать еще быстрее. Тим испугался, что Снежок выпьет все молоко. — Эй, Снежок! — закричал Тим. — Оставь немножко Чернышу!

Но Снежок продолжал лакать, как будто не слышал.

— Я так голоден, — мяукал Черныш. А Снежок все лакал и лакал.

— Подожди же, — прошипел Тим. — Я тебя накажу за жадность.

Он побежал в темный угол. А в темном углу на паутине висел большой, мохнатый, черный паук. Тим знал, что Снежок до смерти боится пауков.

Тим схватил паука и побежал прямо к Снежку.

— Помогите! Паук! — заорал Снежок и бросился бежать.

Он бежал со всех ног. Вот он завернул за угол и влетел в кухню. Куда бы спрятаться? Скорей, скорей, кухонный шкаф открыт! Снежок прыгнул в шкаф. Загрелась посуда, посыпалась мука, упала щетка... Снежок забился в темный уголок и свернулся там комочком, дрожа от страха.

А Тим во дворе покатывался со смеху.

— Иди обедать, Черныш. Снежок теперь не скоро вернется.

Черныш подбежал к мисочке. Как вкусно! В одну минуту он вылакал все молоко. А теперь надо умыться. Черныш лизнул переднюю лапку и вытер ею усы. Потом опять лизнул лапку и вымыл щеки, потом опять лизнул и вымыл уши. Он был очень чистоплотный котенок!

— Спасибо, Тим, — сказал Черныш, когда кончил умываться, — ты настоящий друг. Сначала ты спас меня от смерти, а теперь от голода.

— Пустяки, — ответил Тим, — стоит ли об этом говорить.

В это время Мама-Утка бегала по двору и искала Тима. Никто не знал, где он. Один только Снежок мог бы сказать, где Тим, но Снежок сидел в темном шкафу и дрожал от страха.

— Я так волнуюсь, — говорила Мама-Утка, — я видела за воротами лисицу. Я так боюсь, что она утащит Тима. Ведь он всегда бегаёт один.

Возле кухни Тим встретился с кроликом Лоппи и курицей Пенни.

— Будь осторожен, — зашептали они. — За воротами видели лисицу. Смотри, как бы она тебя не съела.

Тим испугался.

— Мама! — закричал он. — Где ты? Я хочу к тебе!

Но Мама-Утка была на другом конце двора и ничего не слыхала.

«Что делать? — думал Тим. — Куда бежать?» Вдруг он увидел корзинку. Она стояла возле кухонной двери. Это была круглая плетеная корзинка с плотной крышкой. Кухарка всегда ходила с ней на рынок.

— Вот хорошо, — обрадовался Тим. — Тут уж лисица меня не найдет.

Он поднял крышку и влез в корзинку. Внутри было темно и пахло чем-то вкусным. На дне лежал большой кусок колбасы.

«Пусть теперь лисица меня поищет!» — думал Тим.

Он уселся поудобнее и тихонько засмеялся. А лисица выглянула из-за угла и увидела корзинку.

— Ньюф-нюф-нюф! — потянула она воздух носом. — Пахнет утенком. Вот хорошо! Отнесу-ка я эту корзинку моим лисятам. То-то они обрадуются. Будет у нас на обед утиный суп.

Лисица выбежала из-за угла: уши торчком, хвост трубой, лапами топ-топ-топ, носом нюф-нюф-нюф, а глазами так и водит по сторонам — не идет ли кухарка.

«Ох уж эта кухарка! В прошлый раз она швырнула в меня щеткой. Как бы она не увидела меня сейчас», — подумала лисица и поглядела вокруг. Но во дворе

не было никого. Лисица прокралась тихонько вдоль стены, продела лапу в ручку корзинки и спокойно пошла, как будто несла провизию с рынка.

Лисица думала, что ее никто не видел, но она ошиблась. Черныш сидел за углом и видел все. Он слышал, как бедный Тим, надрываясь, кричал в корзинке:

— Помогите! Помогите!

— Я спасу тебя, Тим! — закричал Черныш. Он заметался по двору. Хоть бы встретить кого-нибудь! И как назло — никого, весь двор пустой. Что делать?

Черныш бросился к Мама-Утке.

— Скорее, скорее! — закричал Черныш. — Лисица унесла Тима!

— Какой ужас! — заплакала Мама-Утка. — Бедный мой сыночек! Что мне делать? Где лисица?

— Вон она! Видите — там, далеко в поле? — показал Черныш.

— Вижу! — закричала Мама-Утка. — Я ее догоню. Бежим!

— Нет, нам не догнать лисицу, — вздохнул Черныш. — Ведь она бегаёт гораздо быстрее вас. Вот если бы вы могли доплыть до нее!

— Я могу сделать лучше, — гордо сказала Мама-Утка. — Я могу долететь до нее. Смотри! — И она расправила крылья.

Крылья были белые как снег, большие и широкие. Они хлопали так сильно, что Черныш даже попятился. Мама-Утка поднялась в воздух, замахала крыльями — хлоп-хлоп-хлоп! — и полетела в поле за лисицей.

А лисица уже подходила к своему дому. Она очень устала — корзина была тяжелая. Ведь в ней лежали утенок и колбаса.

«Ничего, — думала лисица, — скоро дом. Позову сына или дочку, они помогут дотащить корзинку».

И только она об этом подумала, как вдруг услышала над собой шум: хлоп-хлоп-хлоп! Это Мама-Утка догоняла ее. Мама-Утка спустилась ниже, на лету продела голову в ручку корзинки и изо всех сил рванулась вверх. Ура! Корзинка была у нее на шее!

— Отдай! — завизжала лисица. — Это моя корзинка.

— Ну так что ж! — крикнула Мама-Утка. — А в корзинке мой сын.

И в это время Тим заплакал в корзинке.

— Не бойся, сынок! — крикнула Мама-Утка. — Это я, твоя мама. Мы летим домой.

И верно, скоро они прилетели домой. Весь двор обрадовался Тиму. А уж как был рад Черныш! И с каким удовольствием он съел колбасу!

— Спасибо, Тим, — сказал Черныш. — Ведь ты второй раз спасаешь меня от голода.

— Пустяки, — ответил Тим, — стоит ли об этом говорить.

Три дня Тим никуда не уходил от Мама-Утки. Он очень боялся опять встретиться с лисицей.

На четвертый день Тим играл с Чернышом и вдруг увидел, как Мама-Утка проливает горькие слезы.

— Что случилось? — испугался Тим. — Кто-нибудь съел моего брата или сестру? — Нет, — заплакала Мама-Утка. — Я очень несчастна.

— Расскажите, кто вас обижает, — закричал Черныш, — мы их проучим!

— Меня обижает лисица, — ответила Мама-Утка. — С тех пор как я выхватила у нее корзинку, она целыми днями стережет меня за углом.

— Не плачь, мама, — сказал Тим. — Мы тебе поможем.

— А как мы это сделаем? — промяукал Черныш.

— Подождем, — сказал Тим, — лисица, наверно, скоро появится.

И верно, не успел он договорить, как лисица показалась. Она тихонько прокралась вдоль стены, пробежала через двор и спряталась в собачьей будке.

— Скорей, Черныш, — заволновался Тим. — Я придумал, как наказать лисицу. Бежим со мной! Нам нужно найти Буля.

Они побежали в поле. Буль щипал траву.

— Слушай, Буль, — сказал Тим, — помоги нам поймать лисицу. Она забралась в будку Топа и подкарауливает мою маму.

— Ладно, — ответил козел.

Все втроем побежали на ферму.

— А что мы сделаем? — спросил Буль. Тим что-то зашептал ему на ухо.

— Ловко придумано, — засмеялся Буль.

— Тише-тише! — зашептал Тим. — Лисица услышит, у нее очень чуткие уши.

Они тихонько вошли во двор. Буль разбежался — и как стукнет со всего размаха рогами в будку! Хлоп! — будка опрокинулась и накрыла лисицу.

Лисица заметалась, забилась, но никак не могла выбраться. Только кончик ее рыжего хвоста торчал наружу.

— Ага, попалась! — закричал Тим. — Будешь еще обижать мою маму? Ну, лисица, теперь уж ты не уйдешь!

И верно, лисице пришел конец.

— Видишь, мама, — сказал Тим, — вот мы и победили лисицу.

— Спасибо, сынок, — сказала Мама-Утка. — Только прошу тебя, будь теперь послушным и, пожалуйста, не убегай далеко.

— Хорошо, мама, постараюсь, — вздохнул Тим. Скоро Тим прославился на весь двор. Все его очень хвалили. Только и слышно было: наш знаменитый утенок, наш знаменитый Тим.

А Черныш по-прежнему дружил с Тимом. Они никогда-никогда не расставались. И если вы где-нибудь увидите Тима — так и знайте: сейчас же появится и Черныш.

Т. ЭГНЕР

Приключения в лесу Елки-на-Горке

(Главы, пер. с норв. Л. Брауде)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О Лазающем Мышонке, о его друге — Лесном Мышонке Мортене и о слойке с изюмом

Мышонок Мортен был самым маленьким из всех четвероногих обитателей леса Елки-на-Горке. Думаю, что он был не больше твоего мизинчика — во-о-от такусенький, а это ведь совсем немного. Зато Мортен был очень вежливым и трудолюбивым. Он вечно был занят своими делами и не лез в чужие. (Ты даже не представляешь себе, как это важно.)

«Ах, — думал Мортен, — если бы все были такими, как я! Но они не такие. И хуже всех этот противный Лис. Он рыскает по всему лесу и мечтает только о том, как бы ему кого-нибудь съесть».

Мортен так разволновался от всех этих мыслей, что даже сказал: «Тьфу!». Так громко-громко: «Тьфу!».

И в это время в дверь постучали.

— Кто там? — спросил Мортен.

— Всего-навсего я, — ответил Лазающий Мышонок и заглянул в комнату. — Понимаешь, сидел я у себя дома и вдруг подумал, что тебе, может, грустно одному. И тогда я решил: пойду-ка я к своему лучшему другу Мортену, спою ему мою новую песенку, подбодрю его немножко. Да, именно так я и подумал.

— Молодец, что так подумал, — обрадовался другу Мортен. — Заходи, — добавил он.

— А почему ты сказал «тьфу», когда я входил в комнату? — поинтересовался Лазающий Мышонок.

— Я не говорил «тьфу», — ответил Мортен.

— Ты просто забыл. Как раз, когда я постучал в дверь, ты сказал: «Тьфу!».

— А-а, вот про какое «тьфу» ты спрашиваешь, — сообразил Мортен. — Я сказал «тьфу», потому что как раз в эту минуту подумал о Лисе.

— А-а, тогда я тебя очень хорошо понимаю. А теперь... — замялся Лазающий Мышонок.

— Что «теперь»? — не понял Мортен.

— А теперь... — тянул Лазающий Мышонок.

— Ну что «теперь»?

— Я думал, ты сам меня об этом попросишь, — честно признался Лазающий Мышонок.

— Конечно, попрошу. Только скажи, пожалуйста, о чем я должен тебя попросить.

— Попросить, чтоб я спел тебе свою новую песенку.

— Конечно! Как раз об этом я и хотел тебя попросить. (Я же говорил, что Мортен был очень вежливым Лесным Мышонком.)

Лазающий Мышонок взял гитару — она всегда висела у него на плече — и приготовился играть.

— Это маленькая песенка обо мне самом, — сказал он, взял первый аккорд и запел ПЕСЕНКУ ЛАЗАЮЩЕГО МЫШОНКА:

Жил-был мышонок...
Ну да, это я.
Нет в мире мышонка
Счастливей меня.
Доволен я всем,
Никогда не грущу,
Денек не поем —
Веселее свищу.
Фальдерулля-лей!
Другие весь день
По зерну тащат в норку.
А мне что-то лень,
Да и что в этом толку —
Все дружат с мышонком,
Мышонок всем нужен,
И каждый с мышонком
Разделит свой ужин.
Фальдерулля-лей!
Меня приглашают,
А я тут как тут.
Чем здесь угощают?
Что здесь подают?
Я ем, и я пью,
Веселюсь до упаду —
Я песни пою,
Мне работать не надо.
Фальдерулля-лей!

— Понравилась? — спросил Лазающий Мышонок, когда закончил петь.

— Честно говоря... — замялся вежливый Мортен, — это не очень-то правильная песенка.

— Зато веселая, — возразил Лазающий Мышонок.

— Конечно, веселая, — сказал Мортен, — но все-таки она не из тех песенок, которые заставляют нас думать: «Сегодня мы должны как следует потрудиться и собрать побольше орехов».

— Ну и что? Это праздничная и развлекательная песенка. Она заставляет нас думать: «Сегодня мы должны быть веселыми и съесть побольше орехов». А собирать орехи — это совсем другое дело.

— Но лучше бы ты сочинил песенку собирателя орехов, — посоветовал Мортен. — Она была бы куда полезнее.

— Все бы вам польза да польза, — заворчал Лазающий Мышонок. — Полезно — не полезно! Ну а вообще-то, раз ты мой лучший друг, я с удовольствием сочиню для тебя песенку собирателя орехов.

— Большое спасибо, — поблагодарил Мортен.

— Это будет настоящая трудовая песенка. Но она будет только твоя песенка.

— Хорошо, — согласился Мортен, и Лазающий Мышонок начал сочинять.

Он походил немножко вперед и назад, потом немножко назад и вперед, потом почесал лапкой за ухом и...

— Хочешь послушать? — спросил Лазающий Мышонок.

— С удовольствием, — сказал Мортен, и Лазающий Мышонок запел ПЕСЕНКУ СОБИРАТЕЛЯ ОРЕХОВ:

Люблю я орешки пощелкать, поесть,
За ними не лень мне на дерево влезть.
Вот это для тети пятнадцать орешков,
А это Зайчонку — сложу их в тележку.
Я эти орешки на слойки сменяю.
Ах слойки с изюмом, я вас обожаю!

— Да, это очень хорошая песенка, — сказал Мортен. — Правда, ты забыл, что я не умею лазать по деревьям — ведь я обыкновенный лесной мышонок, — добавил он, — все равно она мне очень подойдет, потому что каждую субботу я вымениваю себе большую слойку с изюмом у Зайки-пекаря.

— Я это знаю, — скромно отозвался Лазающий Мышонок. — Я еще утром сообразил, что сегодня суббота, и подумал про себя: «Сидит сейчас бедняжка Мортен у себя дома совсем один, с большой слойкой, и скучает». И тогда я сказал самому себе: «Ты должен пойти к Мортену и помочь ему. А то ведь ему одному не справиться».

Мортену стало очень приятно, что у него такой заботливый и внимательный друг. Он подошел к шкафчику и вытащил из него большую слойку. Сверху она была покрыта изюмом, прямо как ежик колючками.

— О-о! — сказал Лазающий Мышонок. (Больше ничего он сказать не мог.)

Сначала Мортен хотел разделить слойку на три части, как он всегда это делал. Но Лазающему Мышонку показалось, что такая дележка будет не совсем правильной, потому что тогда одному достанется два куска, а другому только один. А съесть два куска ему было все-таки неудобно.

— Давай поделим ее на две части, — предложил Лазающий Мышонок.

— Давай, — согласился Мортен, который быстренько сообразил, что так действительно будет удобнее.

Так они и сделали, и это оказалось куда как легко. («И правильно», — подумал Лазающий Мышонок.)

Они сидели, жевали слойку и болтали понемножку обо всем, что происходило в лесу.

— Вчера я встретил папу маленьких бельчат, папу Йенса, — сказал Мортен, — он был ужасно злой.

— Угумн? — переспросил Лазающий Мышонок. (Он был очень занят булкой и поэтому говорить внятно не мог.)

— Да, просто жутко, какой он был злой. Он рассказал мне, что почти каждый вечер в его беличью кладовку забирается воришка и ворует орехи, которые папа Йене запасает на зиму.

— Угумн? — удивился Лазающий Мышонок.

— Да. И ему очень хотелось бы узнать, кто этот воришка, — продолжал Мортен.

— А ты не знаешь, кто бы это мог быть? — спросил Лазающий Мышонок. (Он наконец справился с тем куском, который был у него во рту, а новый откусить не успел.)

— Нет, — вздохнул Мортен. — Но папа Йене сказал, что этому воришке недобровать, когда он, Йене, доберется до него.

— Ух ты! — оживился Лазающий Мышонок. — А в твоей кладовке много орехов? — поинтересовался он.

— Кое-что найдется, но не очень-то много, — осторожно ответил Мортен.

— А у меня совсем нисколючко! — гордо сказал Лазающий Мышонок.

— Сколько же это — нисколючко? — не понял Мортен.

— Вообще — нисколючко, ни одного орешка.

— Уф?! — с удивлением произнес Мортен. — Какой-то ты чудной... Ты не работаешь, как другие, не собираешь орехи и корешки и никогда не думаешь о завтрашнем дне, и все равно ты всегда веселый!

— Я ведь играю и пою, — объяснил Лазающий Мышонок.

— Но ведь этим не проживешь? — возразил Мортен.

— Но от этого и не помрешь!

— И ты никогда не хочешь есть? — поинтересовался Мортен.

— Почему же не хочу? Каждый божий день! — весело ответил Лазающий Мышонок.

— Откуда же ты берешь еду? — удивился Мортен.

— Ха! — беззаботно ответил Лазающий Мышонок. — Где придется — сегодня там, а завтра здесь.

— Как это «сегодня там, а завтра здесь»?

— А это знает только Лазающий Мышонок, — ответил Лазающий Мышонок и вытер мордочку. — Тысячу раз спасибо за сегодняшнее угощение. А теперь мне

пора отправляться домой. Я так устал, что даже сидеть больше не могу, мне надо срочно прилечь.

— Да и слойка уже кончилась, — вздохнул Мортен.

— Знаю, — сказал Лазающий Мышонок и тоже вздохнул.

Они встали из-за стола и начали похлопывать себя по животам. Вдруг Мортен страшно испугался, потому что он кое-что вспомнил.

— О-о-о! — простонал он. — Завтра ведь воскресенье, и ко мне в гости придет бабушка!

— Ты что, очень боишься бабушки? — удивился Лазающий Мышонок.

— Ну да, — ответил Мортен, — мы же съели всю слойку...

— Твоя бабушка очень любит слойки? — сочувственно поинтересовался Лазающий Мышонок.

— Больше всего на свете!

— Да, нехорошо, что мы ее всю слопали. Ну ничего, что-нибудь придумаешь, — успокоил он Мортена. И, поблагодарив за угощение еще раз («Тысячу раз спасибо!»), Лазающий Мышонок отправился к себе домой, чтобы как следует отоспаться после сытного обеда.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О Лазающем Мышонке, которому удалось еще раз плотно перекусить, о Мортене, который раздобыл себе новую слойку, и о Лисе, которого одурачили дважды

Когда Лазающий Мышонок проснулся на следующее утро, он был опять ужасно голоден.

«Чудно, — подумал он. — Только вчера я съел большущий кусок чудесной слойки с изюмом... Но так уж, видно, повелось на белом свете: еще вчера твой живот готов был лопнуть от самой вкусной еды, а сегодня ты по-прежнему голоден. Ну да ничего, что-нибудь сообразим», — сказал Лазающий Мышонок самому себе, взял гитару под мышку и отправился в лес на поиски новых приключений.

День был прекрасный, солнце светило вовсю, и, когда Лазающий Мышонок заметил среди деревьев небольшой пенек, он уселся на него и запел коротенькую ПЕСЕНКУ О САМОМ СЕБЕ:

Жил-был мышонок...

Ну да, это я.

Нет в мире мышонка

Счастливей меня.

Доволен я всем,

Никогда не грущу.

Денек не поем —

Веселее свищу.

Фальдерулля-лей!

Другие весь день
Но зерну тащат в норку.
А мне что-то лень,
Да и что в этом толку —
Все дружат с мышонком,
Мышонок всем нужен,
И каждый с мышонком
Разделит свой ужин.
Фальдерулля-лей!
Меня приглашают,
А я тут как тут.
Чем здесь угощают?
Что здесь подают?
Я ем, и я пью.
Веселюсь до упаду —
Я песни пою,
Мне работать не надо.
Фальдерулля-лей!

Мышонок закончил петь и вдруг... что это? Плюх! К его ногам плюхнулся небольшой пакетик, а из пакетика слегка выглядывал кусочек пряника.

Лазяющий Мышонок попробовал пряники и самодовольно улыбнулся:

— Ну что, разве я не говорил, что обязательно случится что-нибудь хорошее?

Он поднял голову, чтобы посмотреть, откуда берется все это хорошее, и увидел наверху, на дереве, множество птичьих семейств, которые сидели возле своих гнездышек и приветливо кивали ему.

— Спой еще! — кричали дроздята.

— Ну разве он не прелесть? — спрашивала Маленькая Синичка.

— А какой у него приятный голос, — заметила мама Дроздиха.

— Да, для мышонка у него вполне приличный голос, — тоном знатока сказала Кукушка.

— Эй ты, Мышонок, спой-ка еще! — опять закричали дроздята. (Ты уже, видно, заметил, что они были не так вежливы, как Мортен.)

И Лазяющий Мышонок с удовольствием пел им еще и еще, а птицы кидали ему все больше и больше пряников, так что под конец карманы Лазящего Мышонка оказались битком набиты пряниками.

— Тысячу раз спасибо вам всем! — Лазяющий Мышонок взмахнул шапочкой, поклонился птицам и снова зашагал по лесу.

Когда Мортен Лесной Мышонок проснулся, он прежде всего подумал о своей бабушке и той слойке, которую они с Лазяющим Мышонком умяли накануне.

— Какой ужас! — сказал он самому себе. — Единственное, что можно сделать, — это сейчас же пойти и собрать побольше орехов и выменять на них у Зайки-пекаря новую слойку.

Мортен быстренько соскочил с кровати, схватил свою маленькую тележку и помчался с ней в орешник.

— Прежде чем искать орехи, попробую-ка я спеть новую песенку, которую сочинил для меня Лазяющий Мышонок, — сказал Мортен и, задрвав голову, медленно пошел по тропинке, напевая свою веселую ПЕСЕНКУ СОБИРАТЕЛЯ ОРЕХОВ:

Люблю я орешки пошелкать, поесть,
За ними не лень мне на дерево влезть.
Вот это для тети пятнадцать орешков,
А это Зайчонку — сложу их в тележку.
Я эти орешки на слойки сменяю.
Ах, слойки с изюмом, я вас обожаю!

— Смотри-ка, орех! Еще орех! И еще один! — закричал радостно Мортен. «До чего же хорошо, когда есть своя собственная песенка собирателя орехов! А орех и еще орех очень скоро превратятся в свеженькую и ароматную слойку с изюмом», — так рассуждал Мортен, накладывая орехи в тележку.

— Ну теперь у меня их даже больше, чем нужно, — сказал он и отправился прямо к домику пекаря.

За прилавком собственной персоной стоял Зайка-пекарь.

— Добрый день, Мортен Лесной Мышонок, — сказал он. — Погода сегодня замечательная. Ты решил прогуляться?

— Да, — ответил Мортен, — и заодно взять у тебя свежую слойку, вроде той, которую ты мне дал вчера.

— Прекрасно! — обрадовался пекарь. — Значит, моя слойка тебе понравилась?!

— Еще как понравилась! — облизнулся Мортен. — Даже слишком понравилась, по правде говоря. Вообще-то я покупал ее на сегодня, — стал объяснять он, — но вчера ко мне неожиданно нагрянули гости, и мы слопали ее до последней крошки. А сегодня ко мне придет бабушка...

— Да-а, — перебил его Зайка-пекарь, — так оно и бывает. — И он достал с полки новую слойку, очень похожую на ту, которую Мортен и Лазяющий Мышонок с таким удовольствием съели накануне.

— Пожалуйста, дорогой Мортен, — сказал Зайка-пекарь, давая ему булку. — А впридачу возьми еще карамельку, чтобы тебе было чем полакомиться по дороге.

И Зайка-пекарь принялся разбирать орехи, которые принес ему Мортен, а радостный Мортен сказал: «Большое спасибо!» — и отправился домой, во все горло распевая ПЕСЕНКУ О ТОЙ ВКУСНЯТИНЕ, КОТОРУЮ ОН УСПЕЛ ЗАМЕТИТЬ В ЛАВКЕ ЗАЙКИ-ПЕКАРЯ:

Я в пекарню заходил
К пекарю Зайчонку,
Слойку свежую купил
И, конечно, не забыл

Рассмотреть лавчонку.
В ней полным-полно коврижек,
Кексов и ватрушек,
Есть с орехами — для мышек,
С медом пряники — для мишек
И других зверюшек.
Ах, какие слойки здесь!
Ах, какие пряники!
Я штук сто хотел бы съесть.
Но в меня не сможет влезть
Столько — я ведь маленький!

Но был в лесу один злодей, и он слышал эту песенку, а слышать ее ему вовсе и не следовало. То был Миккель-Лис. Он лежал, вольготно развалившись под елью.

«Любопытно! — подумал Миккель, услышав вдали песенку мышонка, и тут же почувствовал, что он жутко голоден. — Подкрадусь-ка я чуточку поближе», — решил он и потихонечку пополз навстречу Мортену. Он пробирался так тихо, что Мортен заметил его только тогда, когда очутился совсем рядом с Лисом.

— Что это у тебя в тележке? — неожиданно вынырнул из-за куста Миккель.

— С-с-слойка, всего-навсего с-с-слойка, — ответил насмерть перепуганный Мортен.

— Давай-ка ее сюда! — потребовал Лис.

— Я не могу отдать ее тебе, — объяснил трясущийся от испуга Мортен, — потому что сегодня ко мне в гости придет моя бабушка.

— Подойди ко мне вместе со своей слойкой! — приказал Лис.

— Нет! — пискнул Мортен и со всех ног кинулся бежать.

— Тогда я проглочу и тебя, и твою дурацкую слойку! — заорал Миккель и бросился вдогонку за Мортенем.

И хотя Мортен очень спешил (согласитесь, что каждый поспешил бы на его месте), Лис бежал еще быстрее и скоро уже наступал на пятки несчастному мышонку.

А на макушке высокой сосны сидел старый Ворон Пер, который все видел...

«Бедный Мортен! — подумал старый Ворон. — Ведь он такой славный! Попробую-ка я помочь ему». И вдруг, обычно такой спокойный, Пер закричал во все горло:

— Берегитесь, детки, берегитесь! За деревом стоит охотник!!!

Как только Миккель услышал про охотника, он на полном ходу свернул с тропинки и бросился в ближние кусты.

Немного погодя Лис осторожно высунул морду.

— Где, где охотник? — спросил он.

— Ха-ха! Я тебя одурачил, — невозмутимо произнес Ворон Пер. (Он мог сказать ему правду, потому что, пока Лис прятался в кустах, Мортен Лесной Мышонок уже добрался до своего домика, юркнул в дверь и закрыл ее за собой на все запоры.)

Когда до Лиса дошло, что его обманули, он страшно разозлился.

— Ты за это заплатишься! — закричал он Ворону Перу.

— Как только ты до меня доберешься! — И Ворон Пер даже немножко подвинулся, уступая Лису место на ветке рядом с собой.

Но Миккель поплелся прочь; он был еще голоднее, чем прежде.

Но успел Лис пройти и нескольких шагов, как снова услышал... песенку мышонка. Приложив лапу к уху, Лис прислушался. Да, сомнений не было: это пел мышонок. Мышонок, который подходил все ближе и ближе.

«Он идет по этой дороге, — подумал Мик-кель. — Спрячусь-ка я получше и подожду его здесь. На этот раз меня никто не одурачит!» — решил он и притаился в кустах.

А по дороге, с гитарой, висевшей у него на шее, приплясывая, шел Лазающий Мышонок и пел такую ПЕСЕНКУ О ЛАЗАЮЩЕМ МЫШОНКЕ-МУЗЫКАНТЕ:

Я по деревьям лазаю,
Как белочка! Ура!
А песни петь, могу я петь
С утра и до утра.
Мышонок — замечательный
Плясун, поэт, певец,
Мышонок — про-просто, просто, просто,
Прос-то мо-ло-дец!
Траля-ляля-ляля-ляля,
Траля-ляля-ляля!
Траля-ляля-ляля-ляля,
Траля-ляля-ляля!

Вдруг... Лазающий Мышонок заметил, что кто-то шевелится в кустах.

— Помогите! Помогите! На помощь! Лис! — закричал Лазающий Мышонок и бросился наутек.

— Стой! — во все горло заорал Миккель и кинулся вдогонку. — Все равно поймаю!

Но не успел он произнести эти слова, как Лазающий Мышонок сидел на макушке самого высокого дерева. Лис подпрыгнул, потом подпрыгнул немножко выше, потом еще капельку выше, но все зря — Лазающий Мышонок сидел слишком высоко. Он удобно и надежно устроился на ветке и, глядя вниз, поддразнил Миккеля:

— Как жалко, что лисы не лазают по деревьям.

— Подожди, — прорычал Лис, — я до тебя еще доберусь!

— И долго мне придется ждать? — поинтересовался Лазающий Мышонок.

— Я буду сидеть здесь до тех пор, пока ты не свалишься, — ответил Лис, — даже если мне придется просидеть здесь целую неделю, — добавил он.

И Миккель уселся прямо под деревом — стеречь Лазающего Мышонка.

Так они и сидели: Лазающий Мышонок на макушке дерева, а Лис внизу.

Время шло...

Скоро Лазающему Мышонку надоело сидеть просто так, и он решил проводить время с толком. Мышонок стал сочинять песенку про Лиса. Очень скоро у него была готова вполне стоящая песенка из четырех куплетов.

— Хэллоу, Миккель, ты здесь?

— Слезай вниз, коли хочешь поболтать, — хмуро проворчал Миккель.

— Честно говоря, мне здесь как-то уютнее, — сказал Лазающий Мышонок. —

Но я хочу тебя кое о чем спросить.

— Спрашивай.

— Я хочу только спросить тебя: ничего, если я спою маленькую песенку, пока мы ждем?

— Нет, наоборот, это будет прекрасно, — оживился Лис. — Пой! (Он подумал, что Лазающий Мышонок может так увлечься своим пением, что свалится вниз.)

— Только я не уверен, что тебе понравится моя песенка, — замялся Лазающий Мышонок.

— Почему же это не понравится? — удивился Лис.

— Потому что она такая печальная, — вздохнул Мышонок, — особенно для тебя. — И он запел ПЕСЕНКУ ПРО ЛИСА:

Бум фальдера фальдерулля лей!
Лис выслеживал зверей,
Он в лесу меня нашел
И сказал: «Как хорошо!
Бум фальдера, бум фальдерей!
Ужин сам ко мне пришел».
Бум фальдера фальдерулля лей!
Я на дерево скорей!
Лис подумал: «Время есть.
Я успею Мышонка съесть.
Бум фальдера, бум фальдерей!
Подожду пока что здесь»..
Бум фальдера фальдерулля лей!
Лис не ел, не пил семь дней!
Я орешки грыз на ветке,
Лис торчал внизу, как в клетке.
Бум фальдера, бум фальдерей!
Лис подох! Поплачьте, детки!

Когда Лазающий Мышонок допел свою песенку до конца, он посмотрел на Лиса и спросил:

— Как тебе понравилась моя песенка, Миккель?

— В жизни не слышал ничего противнее, — ответил Лис.

— Значит, ты просто ничего не понимаешь в песнях.

— Я понимаю ровно столько, сколько хочу понимать, — разозлился Лис. — А тебя я скоро съем, — добавил он совсем невпопад.

— Неужто ты такой голодный? — удивился Лазающий Мышонок. — Вот можешь пока перекусить! — добавил он и запустил шишку прямо в голову Миккеля-Лиса.

После этого они немного помолчали. Лису вся эта история начала уже надоедать, да и Лазающий Мышонок затосковал по своей теплой постельке...

Когда вот так сидишь и ждешь, думается о многом, и Лазающий Мышонок вспомнил о том, как он был совсем маленьким, крошечным мышонком, и мама Мышка пела ему колыбельные песенки, чтобы он поскорее уснул.

Пока Мышонок вспоминал свою маму, ему в голову пришла замечательная идея. Он взял гитару, посмотрел вниз на Лиса и закричал:

— Хэллоу, Миккель! Сейчас ты услышишь песенку, которую пела мне моя мама, когда я был еще совсем маленьким. Может она понравится тебе больше, чем та, которую я пел тебе раньше.

Лис ничего не ответил, и Лазающий Мышонок начал петь КОЛЫБЕЛЬНУЮ ПЕСЕНКУ:

Засыпай, малышка,
Серенькая мышка.
Укрываем хвостик,
Сны придут к нам в гости.
В лисьей норке на кровати
Даже Лис улегся спать.
Спят и совы, и коты,
Засыпай, малыш, и ты.

— Ну разве это не замечательная песенка? — спросил Мышонок, когда закончил петь.

— Вполне стоящая песенка, — сонно подтвердил Лис.

— Может, спеть еще раз?

— Валяй, — зевая, согласился Миккель.

Лазающий Мышонок спел свою песенку еще раз, а потом взглянул вниз на Лиса и спросил:

— Спеть еще раз, Миккель?

Но Миккель ничего не ответил. Он спал и при этом громко храпел.

— Так я и думал, — прошептал Лазающий Мышонок.

Он спустился с дерева, тихонько прокрался мимо Лиса и со всех ног весело помчался к себе домой. Лис продолжал храпеть.

Проснувшись, Лис подумал, что он заснул всего на одну минутку. Он поднял голову и сказал, обращаясь к Мышонку:

— Хорошую песенку ты спел недавно.

Не услышав ответа, Лис сказал погромче:

«Карта Южного полюса? — повторил про себя Мафин. — Южного полюса? Вряд ли! Я все-таки думаю, что сокровище зарыто под дубом. Давай-ка я еще раз взгляну на план».

Перигрин принялся рассматривать карту сквозь увеличительное стекло, а Мафин лег на живот и вытянул морду: он думал, что лежа лучше рассматривать карту.

— Дуб, — прошептал Мафин.

— Южный полюс, — пробормотал Перигрин.

Вдруг чья-то тень легла на карту. Это подошел негритенок Волли.

— Да ведь это штат Луизиана в Америке! — воскликнул он. — Я там родился. Мигом уложу вещи и отправлюсь за сокровищем! Интересно только, каким путем туда лучше добраться?

Все трое снова уставились на карту.

— Луизиана! — радовался Волли.

— Южный полюс, — бормотал Перигрин.

— Дуб, — шептал Мафин.

Вдруг все трое подскочили на месте, потому что сзади захрустели камушки. Это появился страус Освальд. Вытянув длинную шею, он посмотрел на карту и улыбнулся.

— Конечно, это Африка! — сказал он. — Я когда-то жил там. Отправляюсь в путь сию же минуту. Только сначала надо хорошенько запомнить план.

— Это Луизиана! — воскликнул Волли.

— Нет, Южный полюс! — возразил Перигрин.

— Дуб! Дуб! — настаивал Мафин.

— Африка, — шептал Освальд. — Вот что, — сказал он, — я забираю план с собой! — Он вытянул шею и схватил клювом бумажку.

В ту же секунду Волли вцепился в нее своей коричневой ручкой, Перигрин наступил на уголок карты перепончатой лапой, а в другой ее угол вцепился зубами Мафин.

И вдруг, откуда ни возьмись, хлопая ушами и виляя хвостом, примчался щенок Питер.

— Спасибо, Мафин! Спасибо, Освальд! Спасибо, Волли и Перигрин! — вскричал он, задыхаясь от быстрого бега.

Все от удивления забыли про карту.

— За что спасибо? — спросил Мафин.

— Да за то, что вы нашли мою бумажку! — сказал Питер. — Она улетела у меня изо рта, и я уже решил, что она пропала.

— Твоя бумажка? — буркнул Перигрин.

— Ну да, а мне бы очень не хотелось, чтобы она потерялась. Ведь без нее мне не найти мое сокровище!

— Какое сокровище?! — воскликнули разом Мафин, Освальд, Волли и Перигрин.

— Разве вы не поняли, что здесь нарисовано? Вот дорожка нашего сада. Вот кусты. А вот клумба. А это то место, где я зарыл мою самую любимую кость.

И Питер побежал прочь, бережно держа в зубах клочок бумаги.

— Кость! — простонал Мафин.

— Клумба! — вздохнул Освальд.

— Кусты! — проворчал Перигрин.

— А мы и не сообразили! — прошептал Волли.

И все четверо, убитые горем, отправились домой. Но они быстро утешились, увидев, что их ждет чай со сладким печеньем.

Мафин печет пирог

Стоя перед зеркалом, Мафин надел набекрень поварскую шапочку, повязал белоснежный фартук и с важным видом отправился на кухню. Он задумал испечь для своих друзей пирог — не какой-нибудь, а настоящий праздничный пирог: на яйцах, с яблоками, гвоздикой и разными украшениями.

Все необходимое он разложил на кухонном столе. Оказалось, что для такого пирога нужно очень многое: и кулинарная книга, и миска, и масло, и яйца, и сахар, и яблоки, и корица, и гвоздика, и еще уйма разных разностей.

— Теперь, если меня оставят в покое и никто не будет ко мне приставать, я испеку славный пирог!

Но как только он это сказал, за окошком послышалось громкое жужжание и в комнату влетела пчела. У нее был очень важный вид, и в лапках она несла баночку с медом.

— Меня прислала наша царица! — сказала пчела, кланяясь. — Она слышала, что ты собираешься печь сладкий пирог, и поэтому почтительнейше просит тебя принять немного меду. Попробуй, какой это чудесный мед!

— Непременно, — сказал Мафин. — Поблаговари свою царицу. Но в рецепте ничего не говорится про мед. Там написано: «Возьмите сахар...»

— Вз-з-з-здор! — сердито прожужжала пчела. — Ее величество пчелиная царица не примет отказа. Все лучшие пироги делаются на меду.

Она жужжала так назойливо, что Мафин согласился взять мед и положить его в тесто.

— Я передам твою благодарность ее величеству! — сказала пчела и, махнув лапкой, улетела в окно.

Мафин с облегчением вздохнул.

— Ладно! — сказал он. — Надеюсь, такая капелька меду не повредит пирогу.

— Так, так, мой мальчик! Пирог печешь? Хор-р-рошо.

Это была попугайка Поппи. Она влетела в окно и уселась на столе.

— Так, так. Очень хор-р-рошо. Но тебе необходимы свежие яйца! Я только что снесла для тебя яичко вот в эту чашечку. Бери, и все будет в порядке, мой дорогой!

Мафин пришел в ужас, но он всегда старался быть вежливым с Поппи, потому что Поппи была очень старая и раздражительная.

— Спасибо, Поппи, — сказал он. — Только, пожалуйста, не беспокойся: у меня уже есть яйца для пирога. Куриные яйца.

Поппи очень рассердилась: как он смеет думать, будто куриные яйца лучше попугайчих!

— Я вовсе не шучу, молодой Мафин! — закричала она сердито. — В лучшие пироги всегда кладут яйца попугаев. Делай, как я тебе говорю, и не спорь! — И, оставив чашечку с яйцом, она полетела прочь, что-то гневно бормоча себе под нос.

«Ну ладно, — решил Мафин, — одно маленькое яичко не может повредить пирогу. Пусть отправляется в тесто вместе с медом. А уж дальше я все буду делать по кулинарной книге».

И Мафин пошел к буфету за сахаром. Но тут раздался веселый смех, и, обернувшись, Мафин увидел двух маленьких негритят, Волли и Молли. Они хлопотали вокруг миски с тестом: бросали в нее немножко того, немножко этого, щепоточку одного, кусочек другого и помешивали тесто, даже не заглядывая в кулинарную книгу.

— Послушайте! — закричал Мафин сердито. — Кто делает пирог, вы или я? У меня особый рецепт, и вы все испортите!

Но Волли и Молли только рассмеялись.

— Не сердись, Мафин, — загараторили они. — Мы прирожденные повара, и у нас все получается само собой. Нам не нужны ни кулинарные книжки, ни весы, ни мерки. Мы кладем всего понемножку и хорошенько размешиваем, чтобы было вкусно. Вот и готово, Мафин! Чудесно! Теперь поставь в духовку, и получится великолепный пирог. До свидания, Мафин!

Волли и Молли убежали, продолжая весело щебетать и слизывать сладкое тесто с липких коричневых пальцев.

— Теперь мне уже нечего делать с этим тестом! — вздохнул Мафин. — Остается только поставить его в духовку и следить за правильной температурой.

— Температурой? — раздался позади скрипучий голос пингвина Перигрина. Мне не слышалось, молодой Мафин, ты сказал «температура»? А понимаешь ли ты значение этого слова? Конечно, нет! Но я тебе помогу... Не беспокойся и предоставь действовать мне!

Бедному Мафину пришлось довольно долго ждать, пока Перигрин суетился вокруг плиты, измеряя температуру, проверяя выключатели, бормоча какие-то непонятные Мафину слова: «измерительная шкала», «ртуть», «перегрев», «накал». В конце концов он сунул пирог в духовку и, захлопнув дверцу, ловко повернул выключатель.

— Ну что ж, — сказал Мафин, — хотя мне и не дали самому сделать пирог, зато я сам его украшу.

Он побежал в сад, и тут вдруг ему пришла в голову блестящая мысль: а не украсить ли верхушку пирога ботвой моркови? Она очень красива и похожа на перышки. Но когда Мафин сорвал с грядки зеленый пучок ботвы, он вдруг заметил молоденький лиловый чертополох. Он и его сорвал и, повеселев, побежал со своим букетом домой.

Войдя в кухню, он обомлел. Перигрина не было, но зато пришел страус Освальд. Освальд вытащил пирог из духовки и наклонился над ним. Мафин притаился и смотрел. Освальд украшал пирог перышками из своего хвоста... Ноздри у Мафина задрожали, а из правого глаза медленно потекла слеза. Разве это был тот чудесный пирог, о котором он мечтал?

Освальд поднял глаза и увидел ослика.

— Иди сюда, Мафин! — весело воскликнул он. — Я узнал, что ты печешь пирог, и решил мимоходом взглянуть на него. Я отнесу его на стол, и мы будем все вместе пить чай.

— Хорошо, Освальд!.. — печально сказал Мафин, роняя на пол свой чудесный букет. — Пусть будет так. Я сейчас приду. Вот только сниму поварскую шапочку...

Тут он пошевелил ушами и неожиданно обнаружил, что шапочки на голове нет. Куда она могла пропасть? Он выглянул в окно, поискал под столом и даже проверил, нет ли ее в духовке. Исчезла! От огорчения Мафин присел.

— Ой! — сказал он. — Вспомнил! Шапка упала у меня с головы в миску, но все были так заняты приготовлением моего пирога, что не заметили ее, а я забыл ее вынуть. Знаешь, Освальд, — добавил он, — мне совершенно не хочется есть. Но надеюсь, что вам всем пирог очень понравится. Пойду немножко погуляю...

Мафин недоволен своим хвостом

Опечаленный Мафин сидел под вишневым деревом в саду. Если бы кто-нибудь понаблюдал за ним в это время, то увидел бы, как он поворачивает голову то вправо, то влево, изо всех сил вытягивая шею и стараясь разглядеть свой хвост.

Хвост был длинный, тонкий, прямой, как палка, с маленькой кисточкой на конце. И Мафин с грустью подумал, что ни у кого из его друзей нет такого жалкого хвоста.

Он встал и направился к небольшому пруду, где плавала и ныряла, поблескивая черной атласной кожей, тюлениха Сэлли.

— Ах, Сэлли! — сказал Мафин. — Какой у тебя замечательный хвост! Не то что мой...

— Не унывай, — сказала Сэлли приветливо. — Если тебе непременно хочется сменить свой хвост, я с удовольствием одолжу мой запасной, хотя мне кажется, что твой не так уж плох. Вполне подходящий и даже хорошенький.

Сэлли нырнула в пруд и вскоре появилась с запасным хвостом. Хвост был совершенно мокрый, потому что хранился в скалистой подводной пещере. Сэлли аккуратно прикрепила его Мафину поверх его собственного хвоста.

— Готово! — сказала Сэлли. — Это очень полезный хвост: с ним можно плавать и нырять.

И прежде чем Мафин успел поблагодарить ее, тюлениха снова скользнула в воду.

Мафин долго стоял на берегу, чувствуя себя очень неловко с таким непривычным хвостом. Ему все время казалось, что хвост так и подталкивает его к воде, будто хочет снова стать мокрым и блестящим и поплавать в пруду. И Мафин вдруг сделал глубокий вдох и впервые в жизни нырнул в воду. Хотя он старался во всем подражать Сэлли, ничего не вышло. Он камнем упал на дно, но через минуту выскочил на поверхность, пыхтя, фыркая и пуская пузыри.

— Сэлли, — еле проговорил он. — Сэлли! Помогите! Помогите! Тону!

Сэлли быстро подплыла к нему и помогла выбраться на берег.

— Пожалуйста, забери обратно свой хвост, Сэлли! — сказал Мафин, когда немного пришел в себя. — Ему бы хотелось сидеть в воде всю жизнь, а я не могу. С твоей стороны было очень мило одолжить мне свой хвост, но я не уверен, что он мне подойдет.

Мафин немножко посидел на берегу, чтобы отдышаться, а потом тихонько побрел к пингвину Перигрину, который грелся на солнышке около своей хижинки и читал ученую книгу.

— Какой у вас прелестный, аккуратненький хвостик, мистер Перигрин! — сказал Мафин. — Как бы мне хотелось иметь такой же! Его, наверно, легко держать в чистоте и порядке.

Перигрин очень обрадовался и был польщен. Он ласково посмотрел на Мафина. Солнце пригревало спину пингвина, он вкусно пообедал и наслаждался книжкой. Ему захотелось оказать кому-нибудь добрую услугу.

— Ты совершенно прав, молодой Мафин, — сказал он. — У меня действительно прекрасный хвост: красивый, аккуратный, работающий. Должен признаться, что твой хвост очень невыгодно отличается от моего. Знаешь что? Я одолжу тебе мой запасной хвост. Тебе он очень пойдет.

Перигрин вынул из несгораемого шкафа свой запасной хвост, чуть поменьше того, который носил сам, и, пожалуй, чуточку менее блестящий, но, в общем, отличный хвост.

— Вот, — сказал он, прилаживая хвост Мафину. — Этот хвост тебе пригодится. Это довольно-таки смысленный хвост, и он поможет тебе думать.

Перигрин снова взялся за книгу и перестал обращать на Мафина внимание.

Скоро Мафин убедился, что Перигрин и в самом деле был прав, говоря, какой у него ученый и умный хвост. Хвост заставил Мафина призадуматься о таких сложных вещах, что уже через минуту у ослика разболелась голова. Он старался не думать, чтобы не утомлять себя, но хвост этого не хотел. Хвост заставлял ослика мыслить и быть серьезным.

Наконец Мафин окончательно потерял всякое терпение.

— Пожалуйста, Перигрин, — сказал он кротко, — заберите ваш хвост. Это, конечно, замечательный хвост, и я вам очень благодарен, но у меня от него разболелась голова.

— Мне бы следовало знать, — сердито сказал Перигрин, отцепляя от Мафина хвост и укладывая его в несгораемый шкаф, — что несчастный осел, такой вот, как ты, никогда не сможет пользоваться первоклассным хвостом, таким вот, как этот! С моей стороны было просто смешно предлагать его тебе. Сейчас же уходи отсюда, я не могу больше терять драгоценное время на такого осла, как ты!

Мафин вернулся под вишневое дерево. Нельзя сказать, чтобы теперь он был вполне доволен своим хвостом, но все-таки убедился, что его хвост лучше, чем у Сэлли и Перигрина.

Вдруг он заметил страуса Освальда, который стоял за деревом. Освальд дождался, пока вишни сами упадут ему в рот. Ждать надо было очень долго, потому что дерево еще только цвело. Наконец страус перестал смотреть на ветки, закрыл рот, вздохнул и тут только заметил Мафина.

— Что случилось, Мафин? — спросил Освальд. — У тебя такой жалкий вид!

— Хвост замучил! — ответил он. — Ну что это за хвост! Как бы мне хотелось, чтобы он был из настоящих пушистых перьев, как у тебя!

Дело в том, что Освальд очень гордился своим хвостом. Это было его единственное сокровище, и он его очень берег. Но Освальд был добряк и любил Мафина.

— Если хочешь, Мафин, я могу одолжить тебе мой самый лучший, парадный хвост. Он завернут в папиросную бумагу. Подожди минуточку, я сейчас принесу.

Освальд поскакал прочь на своих длинных, тонких ногах и вскоре вернулся, неся в клюве драгоценный пушистый хвост.

— Смотри, — сказал он, осторожно развертывая его. — Не правда ли, какой красивый? Береги его и обязательно поднимай, когда будешь садиться, а то изомнешь.

Он осторожно приладил Мафину пышный хвост. Ослик горячо поблагодарил его и обещал, что будет обращаться с ним бережно.

Потом Мафин с гордым видом отправился на прогулку, а зади на хвосте у него развевались прелестные перышки.

Но даже хвост страуса не подошел Мафину. Оказалось, что он нестерпимо щекочет! Мягкие пушистые перышки чуть не сводили Мафина с ума. Он не мог шагать спокойно: приходилось подпрыгивать и подскакивать, чтобы убежать от сумасшедшей щекотки.

— Худо, Освальд! — кричал он, прыгая и брыкаясь. — Отцепи его поскорей! Так щекотно, что я сойду с ума!

— Странно! — сказал Освальд. — Никогда не замечал, чтобы он щекотал!..

Тем не менее он отстегнул хвост, осторожно завернул его в папиросную бумагу и отнес домой.

Мафин сел на траву огорченный. Опять неудача! Неужели ничего нельзя сделать с бедным хвостом? Вдруг он услышал на тропинке быстрые шаги. Они затихли возле него. Мафин уныло поднял голову. Перед ним стояла девочка Молли — сестра Волли.

— Не вешай носа, Мафин! — сказала она. — Глупенький, ну что хорошего в чужих хвостах? Лучше украсить свой собственный. Когда мама хочет, чтобы у дочки была красивая прическа, она завязывает ей бант. Давай сделаем то же самое с твоим хвостом. Посмотри, какую я принесла тебе ленточку. Пожалуйста, приподними хвостик, Мафин!

Мафин послушно поднял свой длинный белый хвост и чуть было не свернул шею, стараясь разглядеть, что делает Молли.

— Готово! — закричала она через минуту. — Подымись, Мафин, и помаш хвостом. Увидишь, какой он теперь хорошенький.

Мафин послушался и остался очень доволен: на конце хвоста был завязан красный шелковый бант. Его хвост стал теперь самым красивым из всех хвостов на свете!

— Спасибо, Молли, — сказал он. — Ты очень добрая и славная, и ты так ловко все это придумала! Пойдем покажем всем, как это красиво!

Мафин поскакал с гордым видом, а Молли побежала рядом. Мафин больше не стыдился своего хвоста. Наоборот, он был от него в восторге. И каждый встречный соглашался, что Молли очень ловко все придумала.

Мафин — сыщик

Мафин обнаружил таинственную пропажу. Это очень взволновало его. Он пришел на кухню, чтобы, как всегда, позавтракать сладкой и сочной морковкой, но не нашел ее там. Стояла чистая белая тарелка — и ни одной морковки.

Ничего подобного никогда не случалось прежде. Мафин сел и задумался.

«Тут нужен сыщик! — решил он. — Только сыщик может разгадать эту тайну».

Ему очень нравились эти чуть страшные слова: «сыщик», «тайна»...

«Будь у меня подходящая шляпа, я бы сам мог стать неплохим сыщиком, подумал он. — А пока придется просто менять шапочки да маскироваться, чтобы никто не узнал меня».

Итак, он надел свою белую шапочку и отправился па поиски преступника. Пробегая по саду, он увидел тюлениху Сэлли. Она спешила к нему навстречу, очень встревоженная, и кричала:

— Ах, Мафин, у меня пропал мячик! Я его оставила около реки, а он исчез!

— Вот как? — сказал сыщик Мафин. — Это, безусловно, связано с моей пропажей. Расскажи мне все подробности, Сэлли, и я найду мяч!

Сэлли объяснила, как было дело. Потом Мафин попросил ее показать то место, где она оставила мячик. Обнюхав и осмотрев песок, он нашел там кое-что существенное.

— Ага! — сказал сыщик. — Это следы! Без сомнения, эта улика поможет нам отыскать преступника.

Он сбегал домой, надел другую шапочку, привязал седую бороду и снова принялся за поиски. Ему казалось, что он похож на старого-престарого старичка и что никто не сможет узнать его. По дороге он встретил щенка Питера.

— Здравствуй, Мафин! — крикнул Питер.

— Ш-ш-ш!.. — сказал Мафин. — Я не Мафин. Я сыщик. Я разыскиваю пропавшие морковки и мячик. Одну улику я уже нашел.

— А у меня пропала моя любимая старая кость! — сказал Питер грустно. — Я зарыл ее в клумбу, а теперь там ничего нет. Если ты сыщик, найди, пожалуйста, мою кость. Мне она очень нужна.

— Идем со мною, Питер, — сказал сыщик Мафин. — Покажи, где ты ее зарыл.

Питер показал Мафину ямку в клумбе. Мафин обнюхал землю, как настоящий сыщик, и опять нашел кое-что интересное. Это была еще одна улика. И вот как она выглядела:

— Ага! — сказал Мафин. — Это перо. Теперь я уже кое-что знаю о преступнике. У него есть нога, и ему принадлежало это перо.

Великий сыщик снова побежал домой, чтобы переодеться. Когда он вышел из дому, это уже был не старый-престарый старичок, а прелестная маленькая девочка в соломенной шляпке, с косами. Ослик побежал дальше, ища улики, и вскоре наскочил на пингвина Перигрина. Перигрин был в дурном настроении.

— Потрудись глядеть, куда идешь, молодой Мафин! — проворчал он. — Натыкаешься на встречных!

— Ш-ш-ш!.. — сказал Мафин. — Я не Мафин. Я сыщик. Я маскируюсь. Я разыскиваю пропавшие морковки, мячик и кость. Две улики я уже нашел: у преступника была одна нога, и у него было это перо.

— Если ты действительно сыщик, — сказал Перигрин, — поищи-ка лучше мои часы. Они мне нужны, чтобы правильно распределять время.

— А где вы их видели в последний раз? — спросил Мафин.

— В цветнике, — ответил Перигрин. Мафин пустился галопом по дорожке, которая вела к цветнику, и услышал, как что-то тикает в кустах.

— Ага! — сказал Мафин. — Это улика. Теперь я знаю три вещи о преступнике. У него по крайней мере одна нога, у него было перо, и он тикает.

И, промчавшись мимо стоявшего в кустах Освальда, Мафин снова возвратился в дом.

На этот раз в саду появилась не маленькая девочка, а китайский фокусник. В это время из окошка кухни выглянул негритенок Волли.

— Здравствуй, Мафин! — сказал он. — Не знаешь ли ты, куда пропал мой пакетик с яйцами?

— Ш-ш-ш! — сказал Мафин. — Я не Мафин. Я сыщик. Я разыскиваю пропавшие морковки, мячик, кость и часы. Три улики против преступника у меня уже есть.

— О милый Мафин, если ты сыщик, найди пропавшие яйца! Они мне очень нужны: я хочу испечь печенье к чаю.

— Расскажи, как они пропали, — попросил Мафин.

И Волли рассказал.

Мафин пообещал отыскать яйца. Он обнюхал всю траву вокруг дома и в саду, заглядывал во все двери, а когда кто-нибудь проходил мимо, прятался в шкаф. Но ему так и не удалось что-либо найти.

— Ну что ж, — сказал Мафин, — значит, придется поколдовать.

Он не очень-то любил это делать, даже немножко побаивался, потому что не всегда у него удачно получалось. Иногда возникали неожиданные осложнения.

Мафин вошел в свой сарайчик и плотно прикрыл дверь. Его друзья уселись снаружи и терпеливо ждали. Им пришлось ждать довольно долго. Наконец из трубы повалил густой черный дым, и в воздухе чем-то запахло. Когда Мафин снова появился, на нем была волшебная шапочка, а в руках он нес нечто особенное.

— Это волшебный аппарат, — сказал он. — Когда я смотрю в него, я вижу такие вещи, которых никто не видит. Вот, например, я смотрю через него на Освальда и вижу, что у него внутри, под перьями и кожей, находится... Ой, Освальд, что я вижу! Мои морковки, и мячик Сэлли, и кость Питера, и часы Перигрина, и пакетик с яйцами!.. Ах, Освальд, ты все это проглотил!

У Освальда был очень пристыженный вид, а все так и ахнули. Потом хором заговорили:

— Мои часы!

— Моя любимая кость!

— Какая жадная птица!

— Что теперь делать?

— Как достать обратно?

Только Освальд молчал.

— Здесь нужно новое волшебство, — сказал Мафин и с важным видом вернулся в сарайчик.

Он вышел оттуда с удочкой в руке. Может быть, это была даже не удочка, а волшебный кнутик, кто знает? А может быть, и то и другое.

Как только Мафин взмахнул волшебной удочкой, раздался какой-то странный звук, и тут же перед Волли очутился его пакетик с яйцами. Еще один взмах — и Перигрин получил свои часы. Взмах — и к Питеру вернулась его любимая старая кость. Потом Сэлли получила свой мячик и, наконец, Мафин — пучок морковки.

— Ну вот, — сказал Мафин, — теперь все в порядке.

Все окружили Мафина и принялись горячо благодарить его.

— Я устал! — сказал он. — Это очень трудно — быть сразу и сыщиком, и волшебником! — И добавил: — Пойду домой, поем морковки, а потом хорошенько выплещу. До свиданья!.. Да! Совсем забыл про Освальда... Знаешь что, Освальд? Сходи-ка на кухню и съешь что-нибудь, только съедобное! Не проглоти по ошибке кастрюлю или ложку.

❧ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ЗАУЧИВАНИЯ НАИЗУСТЬ ❧

(Рус. нар. потешка)

Дед хотел уху сварить,
Дед пошел ершей ловить,
А за дедом кот Лаврентий,
За котом петух Терентий
Тащат удочки
Вдоль по улочке.
Деду одному невмочь.
Надо старому помочь.

(Рус. нар. потешка)

— Ножки, ножки, где вы были?
— За грибами в лес ходили.
— А вы, ручки, помогали?
— Мы грибочки собирали.
— А вы, глазки, помогали?
— Мы искали да смотрели,
Все пенечки оглядели.
— Вот и Ванечка с грибком,
С подосиновичком!

А. ПУШКИН

(Из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»)

«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе.
Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?

Я жених ее». — «Постой, —
Отвечает ветер буйный, —
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места,
В том гробу твоя невеста».

3. АЛЕКСАНДРОВА

Елочка

Маленькой елочке
Холодно зимой,
Из лесу елочку
Взяли мы домой.

Беленький зайнышка
Елочку просил:
«Мятного пряничка
Зайке принеси!»

Белочка прыгала
В шубке голубой:
«Елочка, елочка,
Я пойду с тобой!»

Маленькой елочке
В комнатах тепло,
Заяц и белочка
Дышат на стекло.

Красные зяблики
Вьются у окна,
В теплой проталинке
Елочка видна.

Сколько на елочке
Шариков цветных,
Розовых пряников,
Шишек золотых!

Сколько под елочкой
Маленьких ребят!
Топают, хлопают,
Весело кричат:

«Елочка, елочка,
Яркие огни,
Синими бусами,
Елочка, звени,

Ветку нарядную
Ниже опусти,
Нас шоколадною
Рыбкой угости!

Встанем под елочкой
В дружный хоровод.
Весело, весело
Встретим Новый год!»

А. БАРТО

Я знаю, что надо придумать,
Чтоб не было больше зимы,
Чтоб вместо высоких сугробов
Вокруг зеленели холмы.

Смотрю я в стекляшку
Зеленого цвета,
И сразу зима
Превращается в лето.

Л. НИКОЛАЕНКО

Кто рассыпал колокольчики,
А синичка собрала,
Ухватила
И за кончики
В свою песню запела?
Как услышишь —
Колокольчики звенят,
Посмотри-ка:
Не синички ли летят?

В. ОРЛОВ

С базара

— Откуда идешь ты,
Лягушка-квакушка?
— С базара домой,
Дорогая подружка!
— А что ты купила?
— Всего понемножку:
Купила КВАпусту,
КВАсоль,
И КВАртошку.

Почему медведь зимой спит

— Мишка, мишка!
Что с тобой?
Почему ты спишь зимой?
— Потому, что снег и лед —
Не малина и не мед!

Е. СЕРОВА

Одуванчик

(Из цикла «Наши цветы»)

Носит одуванчик
Желтый сарафанчик.
Подрастет — нарядится

В беленькое платьице:
Легкое,
воздушное,
Ветерку послушное.

Кошачьи лапки

(Из цикла «Наши цветы»)

В самый жар кошачьи лапки
Носят бархатные шапки.
У кошачьих лапок нет
Острых коготочков,
Смело делайте букет
Из таких цветочков.

«Купите лук, зеленый лук...»

*(Шотл. нар. песенка,
пер. И. Токмаковой)*

Купите лук, зеленый лук,
Петрушку и морковку,
Купите нашу девочку,
Шалунью и плутовку!
Не нужен нам зеленый лук,
Петрушка и морковка.
Нужна нам только девочка,
Шалунья и плутовка!

Фольклор

Ласточка

(Потешка)

— Ласточка, что несешь?
Касаточка, что несешь?
— Кашу малым деткам.
— Где они?
— На ветке.
— А ветка где?
— Сжег огонь.
— А где огонь?
— Дождь потушил.
— А где дождь?
— Выпил бык.

— А где бык?
— Волк унес.
— А где волк?
— Прогнал Матвей
Липовой дубинкой!

Муравьишка в чаще
Дуб тяжелый тащит.
Эй, товарищи-друзья,
Выручайте муравья!
Коли нет ему подмоги,
Муравей протянет ноги.

Произведения поэтов Приднестровья

С. АНДРЕЕВА

Друзья

Есть собачка у меня —
Очень звонкая она!
Ночью она громко лает,
Никого к нам не пускает!
Ну, а днем мы с ней играем
И всех кошек разгоняем!

И. ДРАЧ

Врач

Знает врач про нас немало:
Как зовут, кто наша мама,
Знает рост и знает вес,
Кто как спит и кто как ест.
С нас не сводит строгих глаз,
Потому что лечит нас.

К. ДРАГОМИР

Летчик

Я пилотом стать хочу!
Путь проляжет мимо —
Повидаться залечу
К бабушке любимой...

Запущу мотора гром,
Тенью дом накрою
И с утра аэродром
Во дворе устрою.

Весна

Мне сегодня не до сна,
Будит город наш весна.
Сбила пальчиком сосульки,
Птицам срезала свистульки,
Чтоб звенела птичья трель
Под веселую капель.

И заплакала навзрыд,
Что так долго город спит.

Н. КУЛИК

«Мы вдвоем с моим котом...»

Мы вдвоем с моим котом
Делать все умеем,
Если чашку разобьем,
Сами вместе склеим,
Мы с товарищем моим
Делаем все сами,
Когда мы еще не спим,
Помогаем маме.

«Я не ссорился с Антошкой...»

Я не ссорился с Антошкой,
С Катей песенки пою,
Я теперь такой хороший,
Сам себя не узнаю.
Стал быстрее одеваться,
Никуда не опоздал,
Мама стала удивляться,
До чего я взрослый стал.

Воробей

Воробей на ветку сел,
Громко «чик-чирик» пропел.
Кот подумал: «Что же значит
Это слово по-кошачьи?»
Потянулся и мякнул:
«Пенье — сложная наука».

К. ШИШКАН

Художник

Дождик, дождик, ты художник,
Ты разводишь краски,
Ты в лесу уже смешал
Голубую с красной.

В серых тучах прячешь ты
Тоненькие кисти.
Чтобы лаком покрывать
И цветы, и листья.
Дай мне кисточку одну,
Нарисую я весну.

Л. ДЕЛЯНУ

Лейка

У меня есть лейка!
Ой, какая лейка!
Видели вы лейку
Новую мою?
Как луна сияет...
Если сухо станет,
Я ее наполню
И цветы полью...

Г. ГУРСКИ

Телефон

Телефонлезен очень.
Можно днем звонить и ночью.
Утром позвоню я Ване,
Днем соседке, тете Ане.
Позвонит мне Виорел,
А потом дружок Сэндел,
И, как дня померкнет свет,
Позвонит любимый дед
О делах мне рассказать,
Доброй ночи пожелать.

У родника

Слушают твой голосок,
Горный чистый родничок,
Олененок-егоза,
Муравей и стрекоза.
Всем понятно и без слов:
В песне запах васильков,
В ней трепещет ветерок

Легким звоном между строк,
Колокольчик льется,
И малыш смеется.

Солнце — Художник

В огороде вместе с Лизкой
Мы посеяли редиску.
Целую неделю ждали,
Лейкой грядки поливали.
По совету тети Али
Солнышко светить позвали.
И теперь зеленой строчкой
Вышла армия листочков.

Г. ПАНОВ

Пудель

Хитрый пудель-сладкоежка
Просит пряник у Сережки,
А Сережка говорит:
Измени свой хитрый вид,
Дам и пряник, и конфету,
И от бабушки котлету!
Только больше не скули
И подачек не проси!

В. РОМАНЧУК

Дом родной

Дом, где гроздья винограда
На лозе густой,
Дом, где мама сыну рада,
Это — дом родной.
Дом, где свежий хлеб по кругу
Делят всей семьей,
Дом, где любят все друг друга, —
Это дом родной.
Дом, где птицы гнезда лепят
Прямо под стрехой.
Где понятен мне их лепет, —
Это дом родной.

Г. ВАСЮТИНСКАЯ

Розы в снегу

В декабре еще цветут
В Приднестровье розы,
Не печалься, что грядут
Зимние морозы.

Алый пламень лепестков
Радует прохожих.
Как предвестница оков
Ледяных — пороша.

Снег искрящийся укрыл
Розы шапкой белой...
Вскоре сказку растворил
Солнца лучик смелый.

Н. ДЕНДЕМАРЧЕНКО

Кто страшнее?

Висит плакат в мышиной норке:
«Страшнее кошки зверя нет».
Но, не боясь, за хлебной коркой
Спешит мышонок на паркет.

Как дважды два для нас — четыре,
Ему известно с малых лет:
Для всех людей в любой квартире
Страшнее мышки зверя нет.

А. ШТРО

Мороз

Это кто тут побывал?
Окна нам разрисовал,
Крыши все посеребрил,
Лужи в лед он превратил.

Этот смелый озорник
В будку к Пуфику проник
И свернул его в «калач».
Он к тому же и силач!

Веселится там и тут,
Всюду прячется. Ну и плут!
Кто же это? Вот вопрос...
— Ну, конечно же — мороз!

Н. ЕВДОКИМОВА

Капризная кошка

Кто сидит там на дорожке? —
Это Фрося — моя кошка.
— Мяу, мяу! — сказала Фрося.
Кошка Фрося кушать просит.
По дорожке я иду,
Кошке я несу еду.
Фрося суп мой увидала
И капризно так сказала:
— Нет, хозяйка дорогая,
Есть твой суп я не хочу!
Лучше мышку я поймаю,
С аппетитом проглочу!
А мышонок под кустом
Вертит весело хвостом.
— Зря ты супчик есть не стала,
Ты меня поймай сначала!

Н. САМОНИЙ

Ежикины слезы

Плачет ежик и дрожит,
Смотрит грустно в лужу:
В ней кленовый лист лежит,
Больше он не кружит.
Кончен яркий листопад,
Рыжий дождь монетный —
С неба капли, словно град,
Воздух стал бесцветным.

И. ТКАЧЕНКО (ИЩУК)

Маленькая дама

Наряжусь сегодня мамой.
В шляпе, в куртке, в сапогах.

В пять минут я стала дамой
На высоких каблуках.

По квартире влево, вправо,
Как хозяйка, я хожу,
Я для вас сегодня мама.
Ой, смотрите, накажу.

Что такое лето?

Что такое лето?
Это много света,
Солнце в окнах, в речке,
В золотом колечке,
В зеркальце играет,
Зайчиков пускает

Что такое лето?
Зеленая карета
Пробежала по лугам,
По полям и по лесам,
Нам оставив наяву
Листья, стебли и траву.

Что такое лето?
Это три куплета
Каруселей и кино,
Моря, песен, эскизо
Из трех месяцев игры
Отдохнувшей детворы.

Из цикла «Солнечными дорожками»

Солнечные

Солнечными дорожками
Бегаем мы с лукошками
За солнечными зайчатками
С солнечными перчатками.

Посадим зайчат в лукошко,
Прикроем зайчат ладошкой,
И понесем их сами
К солнечной круглой маме.

Лужи

Эта лужа, как колечко,
Эта лужица — сердечко,
Эта лужа, как банан,
Эта, словно океан.
А вот в этой длинной луже
Вдруг себя я обнаружил.

Осень

За монетою монету
Сыпет золото по свету
На дворы и на дороги
И проожем под ноги.
Возле дома и в саду
На бегу и на ходу
Осыпает с головой
Желтой мелочью — листвою.
Осень — щедрая душа,
Ей не жалко ни гроша.

Загадки для детей

Через лес, через луга
Несет он целый день
Свои ветвистые рога
Король зверей ... (олень)

Эта рыжая воровка
Курочек хватает ловко.
И никто еще в лесу
Не провел за нос ... (лису)

Снова он бежит по следу,
Ищет что-нибудь к обеду.
В поросятах знает толк
Серый и зубастый ... (волк)

По реке плывет бревно,
Лапой шевелит оно.
На бревно кто наступил,
Знает, это ... (крокодил)

Научились есть мы сами
И руками, и ногами,
Очищаем мы бананы,
Потому что... (обезьяны)

Что за камень у дороги
Под себя поджал все ноги.
Это спряталась от страха
В твердый панцирь ... (черепаха)

В зоопарке мы с Танюшей
Оказались вдруг под душем.
Это свой аттракцион
Показал огромный ... (слон)

Путает свой длинный след
Маленький плутишка,
Чтоб кому-то на обед
Не попал ... (зайчишка)

Вот глядите красный свет —
Никому движенья нет.
А зеленый — проходи —
Путь свободен впереди.
Уберет любой затор
На дороге ... (светофор)

Н. ЕВДОКИМОВА

Загадки

Кто квартиру убирает,
Кушать варит и стирает?
Кто нам шалости прощает,
Кто нас любит и ласкает,
Сорванцов и шалунишек,
И девчонок и мальчишек,
И капризных и упрямых?
Ну конечно, наша ... (мама)

Кто, хозяина встречая,
Быстро хвостиком виляет?
Кто ночами громко лает
И соседям спать мешает?
И кого зовут Дружок?
Это маленький ... (щенок)

Кто с собой свой домик носит,
И кого ребята просят:
— Павлик-Равлик, высунь рожки,
Мы дадим тебе картошки?
Кто ползет там под калиткой?
Ну конечно же ... (улитка)

Произведения писателей Приднестровья

Б. ЧЕЛЫШЕВ

Предвестник весны

Зима отступает. И если ты попадешь в лес, глаз твой заметит что-то особенное. В городе с приходом весны снег тяжелеет, набухает влагой. Его отваливают в сторону, вывозят, сгребают. А здесь его полным-полно. Пушистый, иногда слезавшийся. И все-то на нем проступает отчетливо. Птица «разбросала» цепочки следов, прокрался какой-то зверек меж кустами и провел хвостом по снегу чуть заметную ниточку. А ты стоишь, созерцая непонятные, но чем-то очень близкие тебе письмена зимнего леса.

Ранней весной возле курицы-квочки
Бегают желтого пуха комочки.
Каждый комочек — квочкин ребенок.
Кто ж он такой?
Ну конечно ... (цыпленок)

Кто тот маленький плутишка,
Что поймать мечтает мышку,
По квартире ночью ходит,
На мышонка страх наводит,

Он живет в красивой клетке,
Его очень любят детки,
Он и ходит, и летает,
И все время повторяет:
— Кеша, ты хороший мальчик!
Кто же это? — ... (попугайчик)

Самое же удивительное — оголенные сучья. Среди них ты оказываешься в мире легенд и фантазий. Вот два дерева — схватились стволами и пронзают сучьями друг друга. В стороны ринулись соседи, наблюдают странную дуэль!

Пробираюсь по снегу вдоль ручья, почти полностью скованного ледяным панцирем. Набрел на торчащие сучья. Вспомнил: летом на этом самом месте выбросил посреди осоки ветви большой куст. Не его ли остов? Совсем как рога! Кажется, гигантский олень погрузился в трясину и остался там навсегда. Только ветвистые рога и торчат наружу — вмерзли!

Тронул ногой и рога ответили мне глухим звоном. Обошел скелет, потрогал сучья. Не мертвы ли? Ковырнул ногтем мозолистый нарост — проглянула бледная зелень. Радостно стало на душе — зелененькое пятнышко в снежном царстве, предвестник наступающей весны!

И. ТКАЧЕНКО (ИЩУК)

Непослушный цыпленок

Цыпленок едва вылупился из яйца, а уже стал самостоятельным. Мама-курица не могла нарадоваться на малыша, который был смысленнее других. Правда, другие цыплята слушались маму.

— Не ешьте эту траву, голова заболит, — говорили мама птенцам.

— Вот еще, — цыпленок нарочно отстал от семейки и склевал листочек. — Все это ерунда.

Но у него сразу закружилась голова. Внимательная мама-курица вернулась за непослушным сыном. Она напоила его водой. И скоро недомогание прошло.

— Ничего, — прокукарекал папа-петух, — на своем опыте научится, — я тоже в свое время таким своенравным был, пока не обжегся.

Цыпленок выздоровел и выбежал на двор.

— Не ходи, — окликнула его мама-курица, дождь начинается, промокнешь.

Но он опять не послушался. Капли дождя полетели с неба. Цыпленок ловил их клювом, бегал по лужам и вскоре совсем промок и замерз. Дрожа, он забился под маму-курицу. Братики и сестрички тоже старались его согреть, чтобы он не заболел. Но когда ему стало тепло, он растолкал всех. Дождь уже закончился. На дворе вечерело. Птицы спеша заходили в курятник.

— Куда ты? — позвала мама-курица цыпленка, увидев, что он направился к двери, — ночь наступает, не ходи за ворота.

— Пойду погуляю, — ответил он и выбежал во двор. Калитка была открыта. И цыпленок оказался на улице. После дождя было свежо, с веток стекали прозрачные капельки. А в кустах кто-то шевелился. Цыпленок решил посмотреть, кто там. И увидел рыжую лису. Лиса бросилась на него. Но в тот же миг раздался крик. Это мама-курица и папа-петух налетели на рыжую воровку. Цыпленок со всех ног бросился домой и забился в угол.

В курятник вернулась мама, волоча прокушенное лисой крыло. Лиса успела ее поранить. Папа-петух закрыл двери и пожелал всем спокойной ночи. Но цыпленку не спалось. Он подошел к раненной маме-курице и прижался к ней:

— Прости меня мамочка, — сказал он, — тебе наверно очень больно, — но я обещаю, что теперь всегда буду слушаться тебя. Только выздоравливай скорее.

С тех пор цыпленок стал самым послушным и, помогая маме, как старший, выводил братьев и сестричек во двор, пока мама не выздоровела.

Мисс двора

С утра во дворе было шумно. Петух объявил конкурс на самую лучшую наседку. Кто станет мисс двора, должно было решиться в конце дня на закате.

— Чтобы стать самой лучшей, надо пошить новое платье, — сказала белая курица и побежала к ежихе-портнихе, которая жила под поленицей дров.

— А я закажу себе новые сапожки, — сказала черная курица и побежала на пруд к бобру-сапожнику.

— Самое главное, это сделать себе прическу, — заявила рыжая курица и направилась в парикмахерскую к соседской утке.

Только пестрая курица никуда не побежала. Она собрала своих цыплят, цыплят черной, белой и рыжей курицы, и повела их завтракать вкусное ячменное зерно, которое хозяйка насыпала в кормушку. Потом она показала, где можно напиться. И повела цыплят в сад с мягкой сочной травой. Весь день она провела с цыплятами. И только к вечеру вернулась вместе с ними во двор. А там уже ждали белая курица в новом пуховом платье, черная курица в лаковых сапожках и рыжая курица с завитыми локонами и пышной прической.

— Интересно, кого же петух выберет на мисс двора, — гадали цыплята, окружив свою курицу-няню.

А петух с золотой короной слетел с плетня, прошел мимо белой курицы, прошел мимо черной курицы, прошел мимо рыжей курицы и остановился возле пестрой няни.

— Вот самая что ни на есть мисс двора, — объявил он.

— Как? — возмутились красавицы, — она же ничего для этого не сделала?

— А кто за вашими цыплятами весь день смотрел, кто их поил, кормил, воспитывал?

Стыдно стало курицам. А пестрая няня детишек собрала и спать повела. А золотую корону на плетень повесили. Чтобы курицы не забывали, какой настоящая мисс двора должна быть.

МОЛДАВСКИЙ ФОЛЬКЛОР, ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОЛДАВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ

Волшебный колокольчик

(Молд. нар. сказка)

Давным-давно жил бедный мальчик и не было у него никого в целом свете. Поднялся он в горы и стал овечьим пастухом.

Одним только сокровищем он владел — волшебным колокольчиком. Стоило зазвонить в него — и стадо послушно шло, куда приказывал мальчик. По вечерам он прятал колокольчик в дупло дерева, чтобы волки, привлеченные чудным звуком, не напали на овец.

Однажды разразилась гроза. Пастушок привел отару в загон, повесил колокольчик на ветку и лег спать. Когда он проснулся, то увидел, что дерево выросло до самых небес и снять колокольчик никак нельзя.

— Дерево, наклонись! Я сниму колокольчик. Пора уводить овец на пастбище.

— Нет, — отвечает дерево, — не хочу.

Пришел мальчик к топору:

— Иди, топор, сруби дерево, оно не хочет отдать мне колокольчик.

— Не пойду, — говорит топор. Пошел мальчик к ржавчине:

— Иди, ржавчина, затупи топор, он не хочет срубить дерево, а дерево не отдает мне мой колокольчик.

— Неохота, — говорит ржавчина. Рассердился пастушок, пошел к огню:

— Иди, огонь, спали ржавчину, она не хочет затупить топор, а топор не хочет рубить дерево, а дерево не отдает колокольчика.

— Лень мне идти, братец.

Пошел мальчик к воде:

— Беги, вода, погаси огонь, он не хочет опалить ржавчину, ржавчина не хочет затупить топор, топор не хочет рубить дерево, а дерево не отдает мне мой колокольчик.

— Не стану, — говорит вода.

Пошел мальчик к волу:

— Ступай, вол, выпей воду, она не хочет погасить огонь, огонь не хочет опалить ржавчину, ржавчина не хочет затупить топор, топор не хочет рубить дерево, а дерево не отдает колокольчик.

— Не пойду, — говорит вол, — я уж напился.

Мальчик обиделся, пошел к волку:

— Идем, волк, зарежь вола, он не хочет выпить воду, вода не хочет гасить огонь, огонь не хочет жечь ржавчину, ржавчина не хочет тупить топор, топор не хочет рубить дерево, а дерево не отдает мне мой колокольчик.

— Нет, — говорит волк, — не хочу я связываться с волком. Пошел пастушок к охотнику.

— Иди, охотник, застрели волка, он не хочет зарезать вола, вол не хочет выпить воду, вода не хочет погасить огонь, огонь не хочет спалить ржавчину, ржавчина не хочет затупить топор, топор не хочет срубить дерево, а дерево не отдает колокольчик.

— Нет, — говорит охотник, — я сегодня не пойду на охоту. Пошел мальчик к мышке:

— Мышка, мышка, иди отгрызи ремень с охотничьего ружья, охотник не хочет застрелить волка, волк не хочет зарезать вола, вол не хочет выпить воду, вода не хочет погасить огонь, огонь не хочет опалить ржавчину, ржавчина не хочет затупить топор, топор не хочет срубить дерево, а дерево не отдает мне мой колокольчик.

Мышка говорит:

— Не пойду, я не голодна.

Пошел мальчик, поклонился кошке:

— Иди, кисонька, съешь мышку, она не хочет отгрызть ремень с охотничьего ружья, охотник не хочет застрелить волка, волк не хочет зарезать вола, вол не хочет выпить воду, вода не хочет погасить огонь, огонь не хочет спалить ржавчину, ржавчина не хочет затупить топор, топор не хочет срубить дерево, а дерево не отдает колокольчик. Кошка говорит:

— Нет, не пойду, сыта по горло мышами.

Что делать пастушку? Пошел к собаке.

— Иди, Гривко, укуси кошку, она не хочет съесть мышку, мышка не хочет отгрызть ремень с охотничьего ружья, охотник не хочет застрелить волка, волк не хочет зарезать вола, вол не хочет выпить воду, вода не хочет погасить огонь, огонь не хочет спалить ржавчину, ржавчина не хочет затупить топор, топор не хочет срубить дерево, а дерево не отдает мне мой волшебный колокольчик. Солнце уже высоко, а мои овцы хотят пить и есть.

Сжалилась собака, видит, что мальчик устал и никто ему не хочет помочь, встряхнулась, подпрыгнула, да как бросится за кошкой! Кошка испугалась, кинулась на мышку, мышка только пискнула и начала грызть ремень охотничьего ружья, охотник подхватил ружье и прицелился в волка, волк поневоле помчался за волком, вол замычал и стал пить воду из реки, аж берега ходуном заходили. Вышла вода из берегов, выплеснулась на огонь, огонь накинута на ржавчину, ржавчина как пошла по топору, топор вскочил и стал рубить дерево, дерево наклонилось, мальчик схватил свой колокольчик и побежал пасти овец.

С тех пор собаки привыкли жить на пастбищах и стали верными друзьями пастухов.

КОШЕЛЕК С ДВУМЯ ДЕНЕЖКАМИ

Жили-были дед и баба. Была у бабы курица, а у деда петух. Курица каждый день по два яйца несла. Старуха ими сыта была, а деда хоть бы одним попотчевала! Терпел, терпел дед, да и говорит:

— Слушай, баба, у тебя что ни день, то масленица. Дай-ка ты мне парочку-другую яичек, очень уж мне охота яишенки поесть.

А старуха скупа была.

— Как бы не так! — говорит. — Хочешь яичек, возьми да побей петуха, пусть яйца несет, тогда и ешь себе досыта. Я-то свою курицу побила, так она вишь как несется.

А старик уж больно разлакомился. По бабкиному наущению тут же поймал петуха и давай его колотить.

— Либо, — говорит, — яйца неси, либо убирайся вон из хаты. Нечего даром хлеб есть.

А петух как вырвется у деда из рук, как выскочит из хагы и побежал по дороге куда глаза глядят. Шел он, шел, вдруг видит — кошелек с двумя денежками. Подхватил он его клювом и поворотил назад к дедовой хате.

Глядь — навстречу ему кагит в коляске боярин с какими-то барынями. Боярин так и вонзился глазами в петуха, увидел кошелек и говорит кучеру:

— Ну-ка слезь, посмотри, что там у этого петуха! Кучер живо с козел соскочил, изловчился, поймал петуха, отобрал кошелек и подал боярину. Боярин взял его, недолго думая, положил в карман и поехал дальше.

Обидно стало петуху, бежит он за коляской, не отступает и кричит без умолку:

— Эй, вы, бояре! Кукареку! Отдайте две денежки петуху!

Боярин разозлился и, когда проезжали мимо колодца, говорит кучеру:

— А ну, возьми-ка этого нахала-петуха да брось в колодец.

Кучер немедля соскочил с козел, поймал петуха и швырнул его в колодец. Видит петух — пришла беда! Что тут делать? Давай воду пить! Пил, пил — пока всю воду в колодце не выпил. Потом вылетел наружу, снова за коляской гонится, кричит:

— Эй, вы, бояре! Кукареку! Отдайте две денежки петуху!

Видя это, боярин очень удивился и говорит:

— Ах ты, чертов петух! Вот задам я тебе жару! Ишь ты, щеголь хохлатый да хвостатый! — И, когда приехал домой, велел кухарке изловить петуха, бросить в печь, полную горячих углей, а заслонку камнем привалить. Кухарка, ведьма этакая, сделала, как хозяин велел. Видит петух — новая беда! Начал он колодезную воду отрыгать, пока весь жар не залил. Огонь погас, и печь остыла. А петух полную кухню воды напрудил, так что старая карга совсем осатанела. Тут петух как хватит по заслонке, вышиб ее и выскочил из печи цел и невредим. Подлетел он к боярскому окошку, застучал клювом в стекло и закричал:

— Эй, вы, бояре! Кукареку! Отдайте две денежки петуху!

— Вот нажил я себе беду с этим проклятым петухом, — сказал боярин, еще больше удивившись. — Эй, кучер! Унеси ты мое горе! Брось петуха в стадо. Авось какой-нибудь бешеный бык с ним разделается, подымет его на рог, — избавлюсь от этой напасти.

Кучер тут же петуха схватил да и швырнул в середину стада, а петух тому и рад: давай глотать быков, волов и телят, пока все стадо не поглотал. Раздулся он, стал ростом с гору. Подступил опять к боярскому окну, растопырил крылья — солнце заслонил, темно стало. И начал свое:

— Эй, вы, бояре! Кукареку! Отдайте две денежки петуху!

Увидел боярин такое чудище, чуть не лопнул со страху, не знает, что и делать, как спастись от петуха.

Думал, думал и придумал наконец: «Посажу-ка я его в подвал с казной, начнет он червонцы глотать, авось какой-нибудь золотой ему поперек горла станет, он и подавится. Вот я от него и отделаюсь».

Сказано — сделано: взял петуха за крылья и бросил его в подвал с деньгами. А деньжищ у этого боярина столько было, что он им и счету не знал. Бросился петух червонцы клевать — все до одного склевал. Потом выбрался из подвала (как — про то ему знать!) да опять к боярину под окно. И завел свое:

— Эй, вы, бояре! Кукареку! Отдайте две денежки петуху!

Тут уж видит боярин — делать нечего, и кинул ему кошелек. Поднял его петух и пошел своей дорогой, а боярина на радостях оставил в покое. Как увидела домашняя птица на боярском дворе такую храбрость петушиную, вся, сколько была, за ним следом двинулась — что твоя свадьба! Приуныл боярин, глядя, как петух всю его птицу со двора сводит.

— Ну ладно, — говорит, — ступай себе, проваливай! Еще я дешево отделался от этакой беды. Тут, видать, дело было нечисто!..

А петух идет себе гордо, и вся птица за ним. Шел он, шел, пока не дошел до дедовой хаты, и запел у ворот: кукареку! кукареку!

Дед, как услышал петушиный голос, обрадовался, вышел из хаты. Смотрит за ворота — диву дается. На петуха глянуть страшно: против него и слон — блоха! А следом за ним стая птиц несметная, одна другой красивее; одна другой хохлатее да пышнее. Увидел дед, что петух такой здоровенный да и еще вокруг него столько птицы, и кинулся ворота открывать. А петух говорит:

— Расстели-ка ты, хозяин, рядом вот тут посреди двора. Бросился старик опрометью — разостлал рядно.

Стал петух на рядно и изо всей силы крыльями захлопал. И сразу двор наполнился всякой скотиной и птицей, а на рядно петух целую кучу золота вывалил — так и горит на солнце, глазам больно! Увидел дед все это богатство — не знает, что делать от радости, целует-милует петуха.

Тут, откуда ни возьмись, — баба. Увидала она такое, и глаза у нее загорелись, от зависти вот-вот лопнет.

— Дед, а дед, — а сама робеет, — дал бы и мне червончиков!

— Держи карман! Ты мне что сказала, когда я у тебя яиц просил? Побей теперь ты свою курицу, чтоб червонцев тебе принесла. Я побил своего петуха, за чем — сама знаешь... И вот что он мне дал.

Пошла баба в курятник, поймала курицу, ухватила ее за хвост и давай бить. Кто бы увидел — заплакал! Вырвалась бедняжка у бабы из рук и побежала по дороге. Вот шла она, шла, нашла стеклянную бусинку и проглотила. Потом скорей поворотила домой, к бабе, и закудахтала от ворот: «Куд-куд-куд-куд-кудах!». Баба обрадовалась, вышла курице навстречу. А курица — прыг в ворота, да мимо бабы, да скорей на гнездо! Часу не посидела, соскочила с гнезда и кудахчет. Баба кинулась смотреть — что там курица снесла. Глянула, и что же видит? Курица снесла стеклянную бусинку. Поняла баба: посмеялась над ней курица, и давай ее бить. Била, била пока до смерти не убила.

Так и осталась жадная дура-баба ни с чем. Пришлось зубы на полку положить. Поделом ей, а то мучила курицу ни за что ни про что, убила горемычную!

А дед разбогател: поставил хату большую, сад развел красивый, живет — горя не знает. И с тех пор дед петуха всюду за собой возил наряженного: золотое монисто на шее, желтые сапожки со шпорами, ни дать ни взять — царь Ирод из балагана на ярмарке, а не петух, что в борщ кладут.

Е. БУКОВ

ЗЕРКАЛО

В сенцах снял калоши. Знаешь, почему они грязные? Потому что на улице дождь. Папа сказал:

— Хочешь видеть замазуру — мальчишку? Вот, смотри, и подвел меня к зеркалу.

В зеркале я увидел мальчика с черными волосами и большими глазами, тоже черными. На щеках и на лбу у него была грязь. Как на калошах!

— Кто это? — спросил папа.

Я знаю, что когда ходишь по комнате, то ты один. А когда стоишь у зеркала, то из одного делается двое. И они одинаковые.

— Ну, узнаешь? Каков красавец! — смеялся папа.

— Так ведь это я!

Я пошел и умылся. А когда опять подошел к зеркалу, то оттуда на меня посмотрел уже чистый мальчик. Знаешь, кто это был?

СТАРЫЙ ОРЕХ

На бабушкином дворе растет большущее дерево — орех. Я всегда играю под ним в мяч. Один раз мячик взлетел высоко-высоко и не вернулся. Гляжу, а он висит среди веток. Как же теперь его достать? Орех высокий, а я маленький. Пришлось позвать бабушку. Бабушка сказала:

— Не могу, дружок, лазить по деревьям. Да ты гляди-ка, гляди!

Я присмотрелся и увидел на ветке желтую птичку. Она клевала мой мяч. Уда- рит клювом, остановится, поднимет кверху головку — и опять бьет по мячу.

Бабушка засмеялась:

— Наверно, она думает, что это большой орех.

Вдруг птичка прощелбетала что-то и улетела. А мячик упал на землю.

Бабушка опять засмеялась:

— Видишь, Рика, птица тебя выручила из беды.

С. ВАНГЕЛИ

ПОДСНЕЖНИКИ

(Главы из книги «Гугуцэ — капитан корабля», пер. с молд. В. Берестова)

Однажды Гугуцэ нашел семь копеек. Не больше и не меньше. Опустил он монетки в самый глубокий карман, три дня туда не залезал: вдруг рядом с прежними новые монетки заведутся? Но в кармане, кроме гвоздя, ничего нового не обнаружилось. Сестренка сказала, что в ее кармашке деньги сами не заводятся. Насчет папиного кармана брат с сестрой ничего сказать не могли: его не было дома.

Приближался день, какой бывает раз в году. Когда все мужчины всем женщинам делают подарки. Гугуцэ первым из мужчин своего села явился в магазин. По дороге он надумал купить маме машину. Возить маму на базар будет, конечно, он, Гугуцэ.

Потирая руки, вошел мальчик в магазин. Но не нашел он, чего хотел. В машинах, которые там продавались, не помещался даже сам Гугуцэ, не говоря уже о маме.

Видя такое дело, купил Гугуцэ пуговицу. Теперь у него оставалось три копейки. Надо бы к пуговице платью прикупить. И не какое-нибудь, а голубое. Но голубого платья в продаже не было. Может, взять вон те туфли на высоких каблуках? Гугуцэ чуть не попросил их у продавщицы, да не знал, какой размер ему купить.

Пошел он домой, стал дожидаться вечера, когда мама спать ляжет. А чтобы она быстрее уснула, Гугуцэ стал рассказывать ей сказку про царевну. Мама уснула на середине, и другая половина сказки осталась в голове у Гугуцэ. Что ж, пусть царевна подождет своего Фэт-Фрумуса до следующего раза. Гугуцэ было не до них.

На цыпочках вышел он из спальни и вернулся с ниткою в руках. Приложил он нитку к маминой ноге, и тут у мамы рука шевельнулась. Взял Гугуцэ мамину руку в ладошку, начал ее покачивать:

Ночь тиха, постель мягка,

Баю-баюшки, рука.

От этой песенки рука сразу уснула. Смерил Гугуцэ мамины ступни, лег в постель, а нитку под подушку спрятал.

☞ УКРАИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР, ПРОИЗВЕДЕНИЯ УКРАИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ ☜

ХРОМЕНЬКАЯ УТОЧКА

(Укр. нар. сказка)

Жили-были дед да баба. Детей у них не было. Говорит дед:
— Пойдем, старуха, в лес по грибы! Пошли. Видит баба — под кустиком гнездышко, а в гнездышке уточка.
— Гляди-ка, дед, — уточка!
Поглядел дед:
— Возьмем ее домой! Пусть у нас живет.
Стали поднимать, видят — лапка у нее переломана. Взяли ее тихонько со всем гнездышком, принесли домой. Оставили уточку в хате, а сами опять по грибы пошли.
Вернулись домой вечером, смотрят — что такое? Хата прибрана, хлеб испечен и борщ сварен. Они к соседям:
— Кто хату прибрал, хлеба напек и борщ наварил?
Никто не знает.
На другой день опять пошли дед с бабой по грибы. Вернулись вечером домой — опять все прибрано и вареники сварены. Спрашивают соседей:
— Не видали ли кого в нашей хате?
Одна соседка говорит:
— Видали девушку — воду несла. Такая пригожая, только хроменькая.
Дед с бабой думали, думали: кто бы это был? Баба говорит:
— Давай-ка скажем, что пойдем по грибы, а сами спрячемся да и посмотрим, кто у нас хозяйничает.
Так и сделали. Спрятались и видят — из хаты выходит девушка с коромыслом. Такая пригожая девушка, только чуть хроменькая. Пошла она к колодцу, а дед с бабой в хату. Смотрят — нету в гнезде уточки, лежат только одни перышки. Взяли они гнездышко и кинули в печь. Оно там и сгорело.
Принесла девушка воду, увидела деда с бабой — и прямо к гнездышку. А гнездышка нет. Она и заплакала.
Дед и баба уговаривают:
— Не плачь, голубонька, будешь ты у нас дочерью, родным нашим дитятком!
А она отвечает:
— Век бы жила у вас, коли бы вы не сожгли гнездышка да не подглядывали за мною. А теперь не хочу! Сделай мне, дед, прялочку да веретенце!
Дед с бабой плачут, уговаривают.
— Нет, — говорит, — не поверили, подглядывали за мною, уйду от вас!

Утром Гугуцэ первым делом побежал в магазин. Ко всем туфлям нитку приложил, выбрал самые лучшие. Но, узнав, сколько они стоят, почесал за правым ухом, вынул три копейки, пересчитал, почесал за левым ухом, поставил туфли на прилавок и пошел прочь.

Будь вы в тех краях, вы бы увидели, как вышел Гугуцэ из села, как шагал он по дороге, как скрылась за холмом его остроконечная шапка и долго не показывалась. А потом вы бы увидели, как он обратно спускался с холма, неся охапку подснежников. Ботинки у него разленились, ногам идти мешали, шапка так устала, что качалась на голове. Но Гугуцэ был куда сильнее, чем несчастные ботинки и шапка. Он принес подснежники прямо в магазин. Самый большой букет подарил продавщице, остальные всем, кто был в магазине.

Люди первый раз в этом году увидели подснежники. Все очень хвалили Гугуцэ, а продавщица даже погладила его шапку, хотя шапка была совершенно ни при чем. Тут Гугуцэ на глазах у продавщицы вынул три копейки, три раза пересчитал их, посмотрел на туфли, вздохнул. Но продавщица ни о чем не догадалась.

Солнце садилось, собирались белые облака, а у Гугуцэ не было подарка для мамы.

«Ничего, — успокаивал он себя. — Утром встану чуть свет, наберу подснежников».

Но под вечер закружились за окном такие большие снежные хлопья, каких Гугуцэ еще и не видывал. Небо потемнело, холмы побелели, а мальчик уснул. Мама нашла его, спящего, у окна. В руке он держал три копейки и пуговицу. Чудесную пуговицу. Как раз такую, какая была маме очень нужна.

Сделал дед прялочку и веретенце. Села она на дворе и прядет. Летит стая уток. Увидали ее, закричали:

Вот наша девушка,
Вот наша пригожая!
Возле хаты сидит,
В нашу сторону глядит.

Она им отвечает:

Не полечу с вами.
Как была я на лужку,
Повредила ножку.
Вы меня покинули,
Вы меня оставили!
Прялочка шумит,
Веретенце звенит.
Кинем ей по перышку,
Пускай с нами летит!

Они бросили ей по перышку и дальше полетели. Летит другая стая уток. Увидали они девушку, закричали:

Вот наша девушка,
Вот наша пригожая!
Возле хаты сидит,
В нашу сторону глядит.

А она в ответ:

Не полечу с вами.
Как была я на лужку,
Повредила ножку.
Вы меня покинули,
Вы меня оставили!
Прялочка шумит,
Веретенце звенит.
Кинем ей по перышку,
Пускай с нами летит!

Кинули ей по перышку. Летит третья стая. Увидали девушку, закричали, запели:

Вот наша девушка,
Вот наша пригожая!
Возле хаты сидит,
В нашу сторону глядит.
Прялочка шумит,
Веретенце звенит.
Кинем ей по перышку,
Пускай с нами летит!

Кинули ей по перышку, обернулась она уточкой и улетела.

СОЛОМЕННЫЙ БЫЧОК

(Укр. нар. сказка)

Жили себе дед да баба. Дед служил на смолокурне смолокурном, а баба дома сидела, пряжу пряла. И такие они бедные, ничего у них нет: что заработают, то и проедят. Вот и пристала баба к деду — сделай да сделай, дед, соломенного бычка и смолой его осмоли.

— И что ты, глупая, говоришь? На что тебе такой бычок?

— Сделай, я уж знаю на что.

Деду нечего делать, взял сделал соломенного бычка и осмолил его.

Ночь проспали. А наутро набрала баба пряжи и погнала соломенного бычка пасть, села сама у кургана, прядет пряжу, приговаривает:

— Пасись, пасись, бычок, на травушке, пока я пряжу спряду! Пасись, пасись, бычок, на травушке, пока я пряжу спряду!

Пряла, пряла, да и задремала. А тут из темного лесу, из дремучего бора медведь бежит. Наскочил на бычка.

— Кто ты таков? — спрашивает. — Скажи!

А бычок говорит:

— Я бычок-третьячок, из соломы сделан, смолой осмолен.

Медведь говорит:

— Коли ты соломенный, смолою осмоленный, дай мне смолы, ободранный бок залатать.

Бычок ничего, молчит. Тогда медведь цап его за бок и — давай смолу обдирать. Обдирал, обдирал и зубами увяз, никак не выдерет. Дергал, дергал и затащил бычка бог весть куда!

Вот просыпается баба, — нету бычка: «Ох, горюшко мне! Да куда это мой бычок делся? Пожалуй, домой уж пошел».

И вмиг донце и гребень на плечи и — домой. Глядь — медведь по бору бычка таскает, она к деду:

— Дед, дед! А бычок-то нам медведя привел. Ступай да убей его!

Выскочил дед, оттащил медведя, взял и кинул его в погреб.

Вот на другой день, ни свет ни заря, набрала баба пряжи и погнала бычка на пастбище. Сама села у кургана, пряжу прядет и приговаривает:

— Пасись, пасись, бычок, на травушке, пока я пряжу спряду!

Пряла, пряла, да и задремала. А тут из темного лесу, из дремучего бора серый волк выбегает и — к бычку.

— Кто ты таков? Сказывай!

— Я бычок-третьячок, из соломы сделан, смолою осмолен!

— Коли ты смолой осмолен, — говорит волк, — дай мне смолы бок засмолить, а то вот проклятые собаки ободрали.

— Бери!

Волк мигом к бычку, хотел смолу отодрать. Драл, драл, да зубами и увяз, никак не вытащит: как ни тянет назад, ничего не поделает. Вот и возится с этим бычком.

Просыпается баба, а бычка уже не видать. Подумала: «Пожалуй, мой бычок домой побрел», — да и пошла. Глядь, а бычка волк тащит. Побежала она, деду сказала. Дед и волчишку в погреб бросил. Погнала баба и на третий день бычка пастись; села у кургана, да и заснула. Бежит лисичка.

— Кто ты таков? — спрашивает бычка.

— Я бычок-третьячок, из соломы сделан, смолой осмолен.

— Дай мне, голубчик, смолы, к боку приложить: проклятые борзые чуть с меня шкуру не сняли!

— Бери!

Завязла и лисица зубами в шкуре бычка, никак вырваться не может. Баба деду сказала, бросил дед в погреб и лисичку.

А потом и зайчика-побегайчика поймали.

Вот как пособралось их, уселся дед над лазом в погреб и давай нож точить. А медведь его и спрашивает:

— Дед, а зачем ты нож точишь?

— Шкуру с тебя хочу снять да из той шкуры себе и бабе полушубки сшить.

— Ох, не режь меня, дедушка, лучше отпусти на волю: я тебе много меду принесу.

— Ну, смотри!

Взял и выпустил медведишку. Сел над лазом, опять нож точит.

А волк его и спрашивает:

— Дед, зачем ты нож точишь?

— Хочу с тебя шкуру снять да на зиму теплую шапку сшить.

— Ой, не режь меня, дедушка, я тебе за это отару овец пригоню.

— Ну, смотри!

Отпустил дед и волка. Сидит, опять нож точит. Высунула лисичка мордочку, спрашивает:

— Скажи мне, дедушка, будь милостив, ты зачем нож точишь?

— У лисички, — говорит, — хороша шкурка на опушку да воротник, хочу снять.

— Ой, дедушка, не снимай с меня шкуру, я тебе гусей и кур принесу!

— Ну, смотри!

Отпустил и лисичку. Остался один зайчик. Дед и на него нож точит. Зайчик спрашивает его, зачем, а он говорит:

— У зайчика шкурка мягонькая, тепленькая — выйдут мне на зиму рукавички да шапка.

— Ох, не режь меня, дедушка, я тебе и сережек, и тесемок, и красивое монисто принесу, отпусти меня только на волю!

Отпустил и его.

Вот ночь проспали, а наутро, еще ни свет ни заря, вдруг — тук-тук! — кто-то к деду в двери. Проснулась баба:

— Дед, а дед! А к нам кто-то в двери скребется, выйди погляди!

Дед вышел, смотрит — а это медведь целый улей меду приволок.

Взял дед мед и только прилег, а в дверь снова: тук-тук!

Вышел, а волк полон двор овец пригнал. А тут скоро и лисичка кур, гусей и всякой птицы принесла.

Зайчик натащил и тесемок, и сережек, и монисто красивое. И дед рад, и баба рада. Взяли овец продали да волов накупили, и стал дед чумаковать, да так разбогатели, что лучше и не надо.

А бычок, как не стал уже надобен, все на солнце стоял, пока не растаял.

КОЗЕЛ И БАРАН

(Укр. нар. сказка)

Жили себе муж и жена, и были у них козел и баран. Вот и говорит муж жене:

— Ох, жинка, давай мы прогоним козла да барана, а то они у нас только даром хлеб едят. А ну, уберите, козел да баран, прочь, чтоб и ноги вашей здесь не было.

Сшили козел да баран торбу и пошли.

Идут и идут, вдруг видят — лежит среди поля волчья голова.

Баран здоровый да бестолковый, а козел хоть и смелый, да не очень-то силен.

— Бери, баран, голову. Ты посильней.

— Ох, бери ты, козел, ты ведь посмелей. Взяли вдвоем и бросили в торбу.

Идут и идут, вдруг видят — костер горит.

— Пойдем и мы туда! Там и заночуем, чтобы нас волки не съели.

Подходят, а это волки кашу варят.

— А здорово, молодцы!

— Здравствуйте, братцы, здравствуйте! Еще каша не кипит, как раз вашего мяса положить.

Тут-то и баран испугался, а козел давно уже перепуган.

Козел надумал.

— А подай, — говорит он барану, — волчью голову.

Баран приносит.

— Да не эту, а покрупней. Баран снова несет, ту же самую.

— Да подай еще покрупней!

Тут уж волки испугались, стали думать и гадать, как бы удрать отсюда.

— Славная, братцы, компания, и каша кипит, да нечем ее долить; схожу-ка я по воду. — И пошел волк. — Да ну вас к бесу, пропади вы пропадом с вашей компанией!

Стал второй думать-гадать, как бы удрать:

— Вот вражий сын! Пошел, да и сидит, кашу долить нечем. Возьму-ка я корягу да пригоню его, как собаку. Убежал и тоже не вернулся. А третий сидел-сидел:

— Вот я уж пойду, так их обоих, проклятых, пригоню-ю!

Побежал, только его и видели.
 — Ох, братец баран, скорей за кашу примемся, съедим да из куреня уберемся.
 А волки сошлись в поле, да и одумались.
 — Э, да что нам троим козла и барана бояться? Вот пойдем мы их, вражьих сынов, съедим.
 Пришли, а те быстро управились, уже из куреня убрались, побежали да на дуб взобрались.
 Стали волки думать-гадать, как бы им догнать козла да барана.
 Пустились следом и нашли их на дубе. Козел небоязливый, взобрался на самый верх, а баран трусливый — так пониже его.
 — Ложись, — говорят волки старшому, — ты старшой, вот и поколдуй, как нам добыть их.
 Лег волк и начал колдовать. Баран на ветке сидит, так и дрожит, да как упадет на волка. А козел посмелей, не растерялся, да как закричит:
 — Поддай мне колдуна!
 Волки перепугались, насили ноги унесли.

В. ПРИХОДЬКО

Про кошку

Что вы знаете	Что-то нежное на ушко
Про кошку?	Скажет шепотом
Все, наверно, понемножку.	И спит.
Кошка первой входит в дом	Видеть кошку
И живет подолгу в нем.	На окошке
То мяучит,	Я всегда, ребята, рад.
То играет,	Для мурлыканья у кошки
То куда-то удирает,	Есть особый аппарат!
Исчезает далеко.	Он работает прекрасно —
А когда придет обратно,	Это всем на свете ясно, —
То из блюда	Но,
Аккуратно	К несчастью детворы,
Пьет сырое молоко.	Разбирать его
И погладить	Опасно:
Разрешает,	Когти кошкины остры.
И работать	Выдвигаются мгновенно —
Не мешает,	Только ноги уноси!..
Половицей	А на морде,
Не скрипит.	Как антенны,
А ложится на подушку	Установлены усы.

Чует кошка дух мышиный,
 В сумрак ввинчивает взгляд.
 Точно фары
 У машины,
 У нее глаза горят.
 Уступаю ей дорогу,
 Повстречавши у ворот.
 Если хочет —
 Пусть пройдет.
 Вдруг возьмет
 Да на подмогу
 Братца тигра
 Позовет?
 Вдруг из парка
 Или сквера,
 Со двора,
 Из-за угла
 Выйдет черная пантера,

Скажет:
 — Мура, как дела?
 Вдруг придут ее проведать
 Дядя барс и тетя рысь,
 Сядут вместе пообедать...
 Тут уж точно берегись!
 Кошка бегаёт с азартом
 За катушкой полдня,
 А сама в родстве с гепардом,
 Льву могучему родня!
 Тем, кто с кошкой
 Добр и мягок,
 Может кошка
 Другом стать.
 Но обидчику,
 Однако,
 Может кошка сдачи дать!

КАПЕЛЬНЫЕ ЧАСЫ

Обманчивая погода в начале весны. Не хочет зима отступить по-хорошему. То метель закружит снежные вихри, то мороз заскрипит вроде бы от злости. А тут вдруг теплом повеяло. Шел я по лесной дороге и удивился. Под кленами на подсохшей земле — мокрые пятна.

Откуда им взяться, если целую неделю сухая, теплая погода стояла?
 Подставил ладонь, и тут же упала прозрачная капля.

Кап... кап...

Капает, хоть часы сверяй. Минута — капля, минута — капля...

Рано у деревьев началось сокодвижение. Вот и прослезились клены, растроганные солнечной лаской.

Кап... кап...

Собралась на ладони хрустальная влага.

Кап...

В чем дело? Почему капельные часы остановились? Посмотрел наверх и увидел виновника. Сидит воробей возле сломанной веточки, висят капли подбирает. Напился вдоволь, отряхнулся, перелетел на вершину дерева и давай от радости чирикать. Снова капли зачастили на землю, отсчитывая время первых весенних дней.

М. ЗОЩЕНКО

Трусишка Вася

Васин отец был кузнец.

Он работал в кузнице. Он там делал подковы, молотки и топорики.

И он каждый день ездил в кузницу на своей лошади. У него была, ничего себе, хорошая черная лошадка. Он запрягал ее в телегу и ехал. А вечером он возвращался.

А сын его, шестилетний парнишка Вася, был любитель немного покататься.

Отец, например, приезжает домой, слезает с телеги, а Васютка туда моментально влезает и едет до самого леса.

А отец, конечно, ему не позволял это делать.

И лошадь тоже не очень позволяла. И когда Васютка влезал в телегу, лошадь косо на него глядела. И хвостом махала, — дескать, сойди, мальчишка, с моей телеги. Но Вася стегал лошадь прутом, и тогда ей было немного больно, и она тихонько бежала.

Вот однажды вечером отец вернулся домой. Вася влез в телегу, стегнул лошадику прутом и выехал со двора покататься.

А у него было сегодня боевое настроение — ему хотелось подальше прокатиться.

И вот он едет через лесок и хлещет своего черного конька, чтоб он пошибче бежал.

Вдруг, знаете, кто-то как огреет Васю по спине!

Васютка так и подскочил от удивления. Он подумал, что это отец его догнал и хлестнул прутом — зачем без спросу уехал.

Вася оглянулся. Видит — никого нету.

Тогда он снова стегнул лошадь. Но тут, во второй раз, кто-то опять как ахнет его по спине!

Вася снова оглянулся. Нет, смотрит, никого нету. Что за чудеса в решете?

Вася думает:

«Ой, кто же меня по шее бьет, если никого кругом нет!»

А надо вам сказать, что когда Вася ехал через лес, в колесо попала большая ветка от дерева. Она крепко зацепилась за колесо. И как только колесо обернется, ветка, конечно, хлопает Васю по спине.

А Вася это не видит. Потому что уже темно. И, вдобавок, он немножко испугался. И не захотел по сторонам глядеть.

Вот ветка ударила Васю в третий раз и он еще больше испугался.

Он думает:

«Ой, может быть, меня лошадь бьет. Может быть, она как-нибудь мордой схватила прут и тоже меня в свою очередь стегает».

Тут он немного даже отодвинулся от лошади.

Только он отодвинулся, а ветка хлесь Васю уже не по спине, а по затылку.

Вася бросил вожжи и как закричит от страха.

А лошадь, не будь дура, повернула назад и как пустится со всех ног к дому.

А колесо как завертится еще сильнее. А ветка как начнет хлестать Васю еще чаще.

Тут, знаете, не только маленький, но и большой может испугаться.

Вот лошадь скачет. А Вася лежит в телеге и орет со всей силы. А ветка его лупит — то по спине, то по ногам, то по затылку.

Вася кричит:

— Ой, папа! Ой, мама! Меня лошадь бьет!

Но тут вдруг лошадь подъехала к дому и остановилась во дворе.

А Васютка лежит в телеге и сходить боится. Лежит, знаете, и кушать не хочет.

Вот пришел отец распрягать лошадь. И тогда Васютка сполз с телеги. И тут он вдруг увидел в колесе ветку, которая его била.

Вася отцепил ветку от колеса и хотел этой веткой ударить лошадь. Но отец сказал:

— Оставь свою глупую привычку бить лошадь. Она умней тебя и сама хорошо понимает, что ей надо делать.

Тогда Вася, почесывая спину, пошел домой и лег спать. А ночью ему приснился сон, будто приходит к нему лошадь и говорит:

— Ну что, трусишка, покатайся?

Утром Вася проснулся и пошел на речку ловить рыбок.

Русские народные небылицы

***	***
Сидели два медведя На тоненьком суку. Один сбивал сметану, Другой молот муку. Раз ку-ку, два ку-ку — Оба шлепнулись в муку! Нос в муке, рот в муке, Ухо в кислом молоке!	Чепуха, чепуха, Это просто враки! Сено косят на печи Молотками раки. *** Через наше село Летело помело, Летело, устало, Во двор упало.

Пословицы и поговорки

О труде и лени

Без трудов нет плодов.
Были б руки, а сделать можно.
Не будет скуки, если заняты руки!
Труд кормит, а лень портит.
Труд кормит и одевает.

О дружбе

Все за одного, а один за всех.
Всяк человек в деле познается.
Друг неиспытанный, что орех нерасколотый.
Друг познается в беде.
Дружба как стекло: разобьешь — не склеишь.
Человек без друзей, что дерево без корней.

Об уме и глупости

На деньги ума не купишь.
На людей не смотри, свой ум имей.
Свой ум — царь в голове.
У дурака не спрашивай ума.
Умный не тот, кто много говорит, а тот, кто много знает.

О человеке

Где кто родится, там и пригодится.
Добрые дела человека красят.
Добрый пример лучше ста слов.
Кто вперед идет, того страх не берет.
Худо тому, кто добра не делает никому.
Чего себе не хочешь, того и другому не делай.

Считалки

***	***
Эники-беники, Ели вареники. Эники-беники, Клец!	Яблочко катится Вокруг огорода. Кто его схватит — Тот воевода!

***	***
Эны-бэны, эны-фок, Сам Ерема блины пек. Пек, пек, не допек, Схватил шапку и утек.	Первенчики, Другенчики, Круги-други, Вон!

Загадки

***	***
Кто в дом ни идет, Меня за руку берет. (Дверь)	Четыре братца Под одной крышей живут. (Стол)
***	***
Два конца, два кольца, Посередине гвоздик. (Ножницы)	Он людям всем давно знаком. Он будит всех своим звонком. (Будильник)
***	***
Дровосекам с давних пор Нужен для работ... (Топор)	Сидит дед — во сто шуб одет, Кто его раздевает, тот слезы проливает. (Лук)

Библиографический список

1. Библиотека мировой литературы для детей: сказки русских писателей. — М.: Детская литература, 1980.
2. Дендемарченко Н.И. Егоркин дом. Стихи и сказочные истории. — Бендеры: ПАПФ, 2008.
3. Евдокимова Н. Про моих знакомых людей, зверей и насекомых. Стихи для детей. — Бендеры: Полиграфист, 2010.
4. Ищук И. Детская площадка: сб. произв. победителей 5 Международного конкурса на лучшее произведение для детей. — Одесса: ТЭС, 2017.
5. Полная хрестоматия для дошкольников: с метод. подсказками для педагогов и родителей: для чтения в семье и дет. саду: в 2-х кн. / авт.-сост. С.Д. Томилова. Кн. 1. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005. — 703 с.
6. Самоний Н. Влюбленный ежонок. — Бендеры: Полиграфист, 2015.
7. Хрестоматия для дошкольников 4–5 лет. — М.: АСТ-ЛТД, 1998.
8. Хрестоматия для детей дошкольного возраста. — Тирасполь, ПГИРО, 2007.
9. Хрестоматия для маленьких. — М.: Просвещение, 1982.

Интернет-источники

10. <https://solnet.ee/skazki>
11. <http://n-sladkov.ru/index.php>
12. <http://www.stranamam.ru>
13. <http://www.stihi.ru>

Семьдесят одежек —
И все без застежек.
(Кануста)

Сидит девица в темнице,
А коса на улице.
(Морковка)

Стоят в поле сестрички —
Желтые глазки, белые реснички.
(Ромашки)

В лесу, во бору
Стоят стары старички,
На них красны шапочки.
(Грибы)

Кругла, а не шар,
С хвостом, а не мышь,
Желта, как мед,
А вкус не тот.
(Рена)

Сам алый, сахарный,
Кафтан зеленый, бархатный.
(Арбуз)

Зимой и летом
Одним цветом.
(Ель, сосна)

В уголке живет,
Пряжу прядет.
Тоньше его пряжи
Не найдешь в продаже.
(Паук)

Черен, да не ворон,
Рогат, да не бык,
Шесть ног без копыт,
Летит — воет,
Сядет — землю роет.
(Жук)

Вокруг носа вьется,
А в руки не дается.
(Муха)

Плотники без топоров
Срубили избу без углов.
(Муравьи)

Домовитая хозяйка
Пролетает над лужайкой,
Похлопочет над цветком —
Он поделится медком.
(Пчела)

Летит птица, нос долог,
Голос тонок.
Кто его убьет,
Свою кровь прольет.
(Комар)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
----------------	---

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

Песенки, потешки, заклички

«Наш козел-стрекозел...»	4
«Зайчишка-трусишка...»	4
«Дождик, лей, лей, лей...»	4
«Гуси, вы гуси...»	4
«Ножки, ножки, где вы были?...»	4
«Зайка серенький сидит...»	4
«Кот на печку пошел...»	5
«Сегодня день целый...»	5
«Барашеньки...»	5
«Идет лисичка по мосту...»	5
«Во реченьке-речке...»	6
«Иди, весна, иди, красна...»	6

Сказки

Про Иванушку-дурачка (обработано М. Горького)	6
Война грибов с ягодами (обработано В. Даля)	9
Сестрица Аленушка и братец Иванушка (обработано А.Н. Толстого)	10
Жихарка (обработано И. Карнауховой)	12
Лисичка-сестричка и волк (обработано М. Булатова)	14
Зимовье (обработано И. Соколова-Микитова)	16
Лиса и козел (обработано О. Капицы)	17
Привередница (обработано В. Даля)	18
Лиса-лапотница (обработано В. Даля)	21
Петушок и бобовое зернышко (обработано О. Капицы)	26

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ МИРА

Песенки

Рыбки (француз., обработано Н. Гернет и С. Гиппиус)	27
Танец утят (француз. нар. песенка)	27
«Чив-чив, воробей...» (в переводе с коми-пермяц. В. Климова)	28
Пальцы (перевод с нем. Л. Яхина)	28
Мешок (татар., перевод Р. Ягофарова, пересказ Л. Кузьмина)	28

Сказки

Три поросенка (перевод с англ. С. Михалкова)	29
Братья Гримм. Заяц и еж (перевод с нем. А. Введенского)	36
Братья Гримм. Бременские музыканты (перевод с нем. В. Введенского)	38
Ш. Перро. Красная Шапочка (перевод с франц. Т. Габбе)	40

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Поэзия

А. Майков. «Осенние листья по ветру кружат...»	43
А. Пушкин. «Уж небо осенью дышало...» (из романа «Евгений Онегин»)	43
А. Фет. «Мама! Глянь-ка из окошка...»	43
И. Бунин. Листопад (отрывок)	43
Я. Аким. Первый снег	44
А. Барто. Уехали	44
С. Дрожжин. «Улицей гуляет...» (из стих. «В крестьянской семье»)	45
Н. Некрасов. «Не ветер бушует над бором...» (из поэмы «Мороз, Красный нос»)	45
С. Есенин. «Поет зима — аукает...»	45
И. Суриков. Зима	45
С. Маршак. Багаж	46
С. Маршак. Про все на свете	47
С. Маршак. Вот какой рассеянный	48
С. Маршак. Мяч	49
С. Михалков. Дядя Степа	50
Е. Баратынский. «Весна, весна!...» (в сокращении)	53
Ю. Мориц. Песенка про сказку	54
Ю. Мориц. «Дом гнома, гном — дома!»	54
Э. Успенский. Разгром	55
Д. Хармс. Очень страшная история	55

Проза

В. Вересаев. Братишка	56
А. Введенский. О девочке Маше, о собачке Петушке и о кошке Ниточке (главы)	56
М. Зощенко. Показательный ребенок	57
К. Ушинский. Бодливая корова	60
С. Воронин. Воинственный Жако	61
С. Георгиев. Бабушкин садик	65
Н. Носов. Заплата	66
Н. Носов. Затеяники	67
Л. Пантелеев. На море (из кн. «Рассказы о Белочке и Тamarочке»)	68
В. Бианки. Подкидыш	72
Н. Сладков. Неслух	73

Литературные сказки

М. Горький. Воробышко	74
В. Осеева. Волшебная иголочка	76
Р. Сеф. Сказка о кругленьких и длиненьких человечках	81
К. Чуковский. Телефон	84
К. Чуковский. Тараканище	86
К. Чуковский. Федорино горе	89
Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей (главы из книги)	91

Д. Мамин-Сибиряк. Сказка про Комара Комаровича — Длинный Нос и про Мохнатого Мишу — Короткий Хвост»	98
В. Бианки. Первая охота	101
Д. Самойлов. У слоненка день рождения (сценарий для постановок)	102

Басни

Л. Толстой. «Отец приказал сыновьям...»	121
Л. Толстой. «Мальчик стерег овец...»	121
Л. Толстой. «Хотела галка пить...»	121

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СТРАН

Поэзия

В. Витка. Считалочка (пер. с белорус. И. Токмаковой)	122
Ю. Тувим. Чудеса (пер. с польск. В. Приходько)	122
Ю. Тувим. Про пана Трулялинского (пересказ с польск. Б. Заходера)	123
Ф. Грубин. Слезы (пер. с чеш. Е. Солоновича)	123

Литературные сказки

А. Милн. Винни-Пух и все-все-все (пер. с англ. Б. Заходера)	123
Э. Блайтон. Знаменитый утенок Тим (пер. с англ. Э. Паперной)	137
Т. Эгнер. Приключения в лесу Елки на-Горке (пер. с норв. Л. Брауде)	143
Д. Биссет. Про мальчика, который рычал на тигров (пер. с англ. Н. Шерешевской)	154
Э. Хогарт. Мафин и его веселые друзья (пер. с англ. О. Образцовой и Н. Шанько)	155

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ЗАУЧИВАНИЯ НАИЗУСТЬ

«Дед хотел уху сварить...» (рус. нар. потешка)	165
«Ножки, ножки, где вы были?...» (рус. нар. потешка)	165
А. Пушкин. «Ветер, ветер, ты могуч...»	165
З. Александрова. Елочка	165
А. Барто. «Я знаю, что надо придумать...»	166
Л. Николаенко. «Кто рассыпал колокольчики?...»	166
В. Орлов. Почему медведь зимой спит	166
В. Орлов. С базара	166
Е. Серова. Одуванчик (из цикла «Наши цветы»)	166
Е. Серова. Кошачьи лапки (из цикла «Наши цветы»)	167
«Купите лук!...» (шотл. нар. песенка, пер. И. Токмаковой)	167

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КОМПОНЕНТ

Фольклор

«Ласточка» (нар. песенка ПМР)	168
«Муравьишка в чаше...»	168

Произведения поэтов Приднестровья

С. Андреева. Друзья	168
И. Драч. Врач	168
К. Драгомир. Летчик	168
К. Драгомир. Весна	168
Н. Кулик. «Мы вдвоем с моим котом...»	169
Н. Кулик. «Я не ссорился с Антошкой...»	169
Н. Кулик. Воробей	169
К. Шишкан. Художник	169
Л. Деляну. Лейка	169
Г. Гурски. Телефон	169
Г. Гурски. У родника	169
Г. Гурски. Солнце — Художник	170
Г. Панов. Пудель	170
В. Романчук. Дом родной	170
Г. Васютинская. Розы в снегу	170
Н. Дендемарченко. Кто страшнее?	170
А. Штро. Мороз	170
Н. Евдокимова. Капризная кошка	171
Н. Самоний. Ежикины слезы	171
И. Ткаченко (Ицук). Маленькая дама	171
И. Ткаченко (Ицук). Весна	171
И. Ткаченко (Ицук). «Что такое лето?...»	171
И. Ткаченко (Ицук). Солнечные (из цикла «Солнечными дорожками»)	171
И. Ткаченко (Ицук). Лужи (из цикла «Солнечными дорожками»)	171
И. Ткаченко (Ицук). Осень (из цикла «Солнечными дорожками»)	172
И. Ткаченко (Ицук). Загадки для детей	172
Н. Евдокимова. Загадки	172

Произведения писателей Приднестровья

Б. Челышев. Предвестник весны	173
И. Ткаченко (Ицук). Непослушный цыпленок	174
И. Ткаченко (Ицук). Мисс двора	175

МОЛДАВСКИЙ ФОЛЬКЛОР, ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОЛДАВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ

Волшебный колокольчик (молд. нар. сказка)	176
И. Крянгэ. Кошелек с двумя денежками	178
Е. Буков. Зеркало	180
Е. Буков. Старый орех	180
С. Вангели. Подснежники (из кн. «Гузугэ — капитан корабля»)	181

УКРАИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР, ПРОИЗВЕДЕНИЯ УКРАИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ

Хроменькая уточка (<i>укр. нар. сказка</i>)	183
Соломенный бычок (<i>укр. нар. сказка</i>)	185
Козел и баран (<i>укр. нар. сказка</i>)	187
<i>В. Приходько</i> . Про кошку	188
<i>В. Приходько</i> . Капельные часы	189
<i>М. Зоценко</i> . Трусишка Вася	190

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ

Русские народные небылицы	194
Пословицы и поговорки	194
Считалки	195
Загадки	195
<i>Библиографический список</i>	197

Учебное издание

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

*Пособие для воспитателей ОДО
в четырех частях*

Часть II

(Средняя группа — от четырех до пяти лет)

Составитель

Анна Юрьевна Сударикова

Редактор *Л.Г. Соснина*

Компьютерная верстка *Н.В. Надькиной*